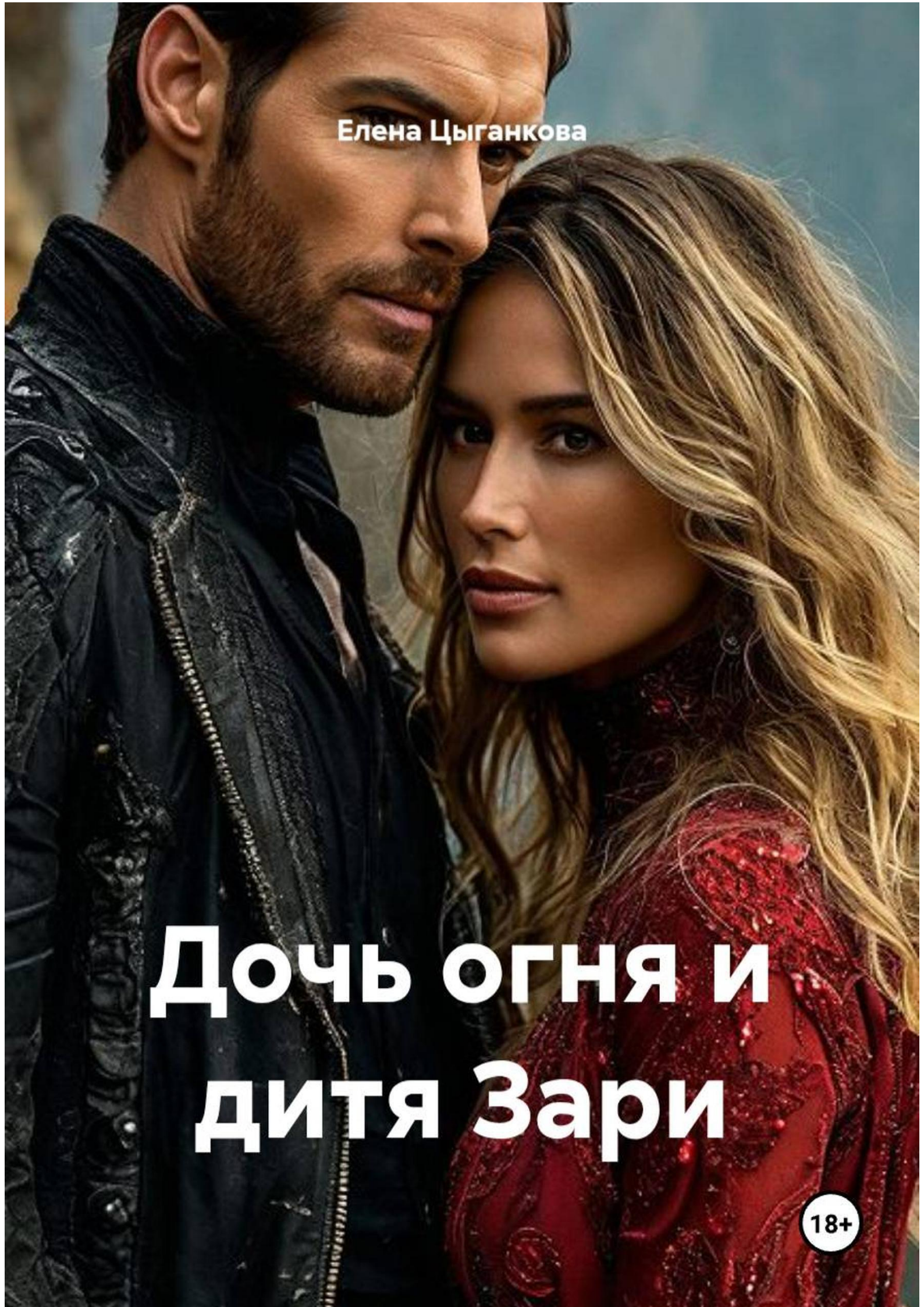

Елена Цыганкова

Дочь огня и дитя Зари

18+

Елена Цыганкова

Дочь огня и дитя Зари

«Автор»

2026

Цыганкова Е. В.

Дочь огня и дитя Зари / Е. В. Цыганкова — «Автор», 2026

На фоне космических путешествий и древних тайн разворачивается драматическая история любви, преданности и самопожертвования. Люцифер обнаруживает, что его судьба неразрывно связана с судьбой загадочной женщины, которая хранит множество тайн. Она — его единственная надежда на спасение, но одновременно становится причиной его самых страшных испытаний. В поисках истины герой сталкивается с заговорами, предательством близких и шокирующими откровениями о собственном прошлом. Он узнает о существовании детей, о которых даже не подозревал, и о том, что его действия привели к необратимым изменениям в мироздании. Это история о том, как любовь способна преодолеть время и пространство, о цене, которую приходится платить за желание изменить прошлое, и о том, что иногда единственный способ исправить ошибки — это принять их и двигаться дальше, несмотря на все препятствия.

© Цыганкова Е. В., 2026

© Автор, 2026

Елена Цыганкова

Дочь огня и дитя Зари

Глава 1. Проект “Человек”. Выбор судьбы.

Вертолёт взял крен вправо.

— Человек за бортом! — послышался чей-то возглас. — Нарык, стой!

Не раздумывая, юноша прыгнул вниз. Ему с трудом удалось выловить тело солдата. Пропитанная водой форма тянула на дно.

Слава богу, берег оказался недалеко — всего в нескольких шагах.

Нарык хорошо знал эти места. Дно озера от берега было неглубоким, а потом резко обрывалось вглубь. Он старался нащупать ногами твёрдь, придерживая безжизненное тело на плаву.

Наконец-то ему это удалось.

— Кто вас только выбирает! — Взяв мальчика на руки, Нарык вынес его на берег.

Юноша не дышал.

— Нарык, — послышалось в динамике, — мы найдём место для посадки и дождёмся вас.

— Он не дышит, — выдавил тот, стараясь перевести дух.

— Вскрой его.

— В смысле? Не понял!

— Панцирь вскрой.

— Чем, интересно? — Его взгляд упал на руку, сжимавшую нож. — Хорошо, я понял, — добавил он, отключаясь, — тебя.

Забрать нож не составило труда. Нашупав шов по касательной, он вспорол костюм снизу вверх, оголяя прикрытую топином пышную грудь.

— Не понял, — произнёс он, стягивая с неё маску, — девушка...

В этот момент девушка закашляла. Фонтан воды брызнул из неё. Откашливаясь, она перевернулась на бок и попыталась встать.

Нарык подхватил её за локоть. Девушка оттолкнула его. Потеряв равновесие, она упала ему на руки. Он крепко прижал её к себе, не обращая внимания на упирающиеся в его грудь маленькие ладони.

Эти глаза! Где-то он уже видел их. Янтарные, окаймлённые веером пышных ресниц в лучах восходящего солнца.

Не удержавшись, Нарык поцеловал её. На миг для него всё застыло вокруг — незнакомка ответила на его поцелуй. Внезапно девушка резко отстранилась от него. Вставая, она вlepила ему пощёчину. Он попытался схватить её за руки, поднимаясь с колен.

— Извращенец, — презрительно бросила она, отталкивая его от себя.

Тяжело дыша, девушка сделала несколько шагов по рыхлому песку и упала в обморок.

— Отлично, мне же ещё и нести тебя, — проворчал он, опускаясь рядом на колено и осторожно беря её на руки.

Нарык сделал шаг вперёд, крепче прижимая к себе безвольное тело девушки, и слегка подбрасывал её на руках, привыкая к весу. «Фурия... вроде маленькая, а тяжёлая такая», — мысленно повторил он, осторожно переступая по рыхлому песку.

Но фраза оборвалась на полумысли. Воспоминания дрогнули, пошли рябью, как отражение в потревоженной воде. Он сделал ещё один шаг... и вдруг песок под ногами превратился в гладкую мраморную плиту. Запах моря и нагретого камня сменился запахом ладана и холодного камня.

Тепло её тела сквозь ткань одежды, которое он так отчётливо ощущал мгновение назад, сменилось ледяным сквозняком. Силуэт девушки в его руках заколебался, начал растворяться

в белёсой дымке, словно пламя свечи на ветру. Где-то далеко, будто сквозь толщу воды, ещё слышалось биение его сердца, но оно быстро затихало.

Всё исчезло. В тот же миг он оказался в небесной обители. Вместо ледящего или согревающего тепла — стерильный, почти неживой воздух. Вместо мягких песчинок под ногами — холодная твёрдость мрамора.

— Люцифер, — услышал он голос Михаила, и звук этот ворвался в сознание резко, словно удар колокола, вырывая его из глубин воспоминаний.

Люцифер открыл глаза и вернулся из одной реальности в другую. На мгновение он ещё ощущал под ногами мягкую траву Ориона, вдыхал аромат цветущих деревьев — но всё это мгновенно растаяло, сменившись холодным, стерильным воздухом небесной обители. Он моргнул, пытаясь унять лёгкое головокружение, и сжал пальцами край одежды, чтобы вернуть себе ощущение настоящего. Рядом, где только что была девушка, теперь царила пустота — лишь эхо минувших событий ещё дрожало в сознании, напоминая о поцелуе, пощёчине и внезапном обмороке.

Он скучал по Ориону — так сильно, что в груди что-то сжималось каждый раз, когда мысли невольно возвращались туда. Всё его детство прошло на Орионе, там же начался и его путь — как воина, как творца мира вселенной. В памяти всплывали яркие картины: бескрайние поля с серебристой травой, закаты цвета расплавленного золота, первые тренировки под строгим взглядом наставника, первые успехи, первые поражения...

После приглашения в небесную обитель мира вселенной он уже много месяцев не ступал на родные земли. И мысли об этом гнал от себя прочь, даже взяв себе другое имя — словно это могло стереть прошлое. Но воспоминания о прошлом пути были нелёгкими: в них смешались гордость и боль, радость первых побед и тяжесть потерь, которые он так и не смог до конца принять.

Только в последнее время сны, навеянные памятью, пробуждали в нём чувства печали и тоски — такие острые, что иногда он просыпался посреди ночи с пересохшим горлом и тяжёлым сердцем. Во сне он снова шёл по знакомым тропам Ориона, слышал голоса тех, кого давно не было рядом, чувствовал тепло родного солнца на коже — а потом резко возвращался в реальность, и контраст был настолько резким, что на мгновение казалось, будто он потерял что-то жизненно важное.

Небесно-белокаменная обитель включала в себя несколько рукавов — величественных, симметричных, безупречных. Каждый рукав состоял из пяти-шести этажей белокаменных палат с большими окнами, пропускавшими яркий свет. Но этот свет был холодным, бездушным — не таким, как на Орионе. Он не согревал, не дарил ощущение жизни, а лишь подчёркивал стерильность и отстранённость этого места.

Все рукава примыкали к центральной площади великого храма, который разделял два полюса мира. Люцифер невольно поднял взгляд к его шпилям, устремлённым в бесконечность. Храм внушал благоговение, но в то же время вызывал странное чувство отчуждённости. Он был символом могущества и порядка — но Люциферу в этот момент отчаянно хотелось оказаться где-нибудь ещё. Где-нибудь там, где пахнет землёй и травами, где ветер играет с волосами, где можно просто быть собой — без масок, без ролей, без вечной необходимости соответствовать ожиданиям небесной обители.

Люцифер медленно прошёлся по периметру храма, задумчиво проводя пальцами по древним каменным узорам на стене. Воспоминания нахлынули волной — яркие, болезненные, почти осязаемые. Когда-то он хотел совершить свадебный обряд венчания перед Творцом и Вселенной — после свершения никаха, — но получилось так, как получилось... В груди защемило, а в горле встал горький комок при мысли о несбывшемся.

Подойдя к краю террасы храма, он посмотрел вниз, на все измерения Вселенной. Храм Семи морей и Семи небес над горою Меру позволял окинуть взглядом весь мир — от мер-

цающих звёздных скоплений до туманных границ дальних галактик. Люцифер глубоко вдохнул, пытаясь унять волнение, и на мгновение закрыл глаза, впитывая величие открывшейся картины.

Он никогда не вспоминал о своём прошлом — намеренно, с холодной решимостью, почти автоматически, словно это было заученным рефлексом. Отказывался вспоминать — резко, бесповоротно, как отрезал, с упорством, граничащим с отчаянием. Каждое воспоминание казалось раскалённым гвоздём, вбитым в сознание, — от них хотелось избавиться любой ценой.

И, как говорил Михаил, он сам отключил некоторые системы памяти. Не стёр начисто — он знал, что это невозможно, — а словно перерезал провода, ведущие в тёмные уголки души, запер за семью замками, закинул ключ куда подальше и сделал вид, что его никогда и не существовало. Будто выключил проектор, показывавший старые, потрёпанные плёнки с кадрами боли и разочарований, или нажал кнопку «удалить» и подтвердил действие, не глядя, — как будто они были ненужным мусором на жёстком диске.

Прошлое должно быть в прошлом... Эти слова эхом отдавались в голове, становясь всё более убедительными, превращаясь в железный приказ, в мантру, в щит, за которым он прятался от собственных теней. Он повторял это про себя, как формулу спокойствия, но глубоко внутри понимал: это лишь попытка защититься.

Да и если прошлое тянет тебя вниз — словно свинцовый груз на шее, душит, сковывает, не даёт дышать полной грудью, цепляется за плечи ледяными пальцами, вгрызается, как цепкие когти хищника, — зачем нужно такое прошлое? Оно не позволяло двигаться вперёд, только тянуло обратно, в вязкую трясину старых ошибок и невыплаканных слёз, как тяжёлый якорь, уходящий в тёмную глубину.

Пусть оно останется там, в сумраке, за глухой стеной, а он будет жить здесь и сейчас, в свете нового дня. Он не собирался тащить этот груз дальше. Хватит. Пора идти вперёд — окончательно и бесповоротно.

Люцифер замер, заворожённый. Вселенная была прекрасна в своём величии — бескрайняя, величественная, полная тайн. Гора Меру, связывающая собой все миры и измерения, и все системы мира этой части Вселенной... Он невольно залюбовался её сиянием, ощущая себя одновременно ничтожно малым и частью чего-то бесконечно великого.

— Ты здесь, — раздался голос Михаила сзади, неожиданно и мягко, словно шёпот ветра.

Люцифер вздрогнул и резко оглянулся, сердце на миг пропустило удар. В первый миг на лице отразилось удивление, затем — лёгкая тень настороженности.

С тех пор многое изменилось. Михаил сменил свой чёрный костюм топи на белый, впрочем, как и все его ангелы. В белоснежных одеждах он казался ещё более возвышенным, почти неземным — лучи света играли на ткани, подчёркивая благородство облика.

Вкусы Люцифера не изменились. Будучи однолюбом по своей натуре, он оставался всё в той же чёрной футболке с коротким рукавом и брюках классического стиля. Чёрный цвет, как и прежде, был ему ближе — он словно служил щитом, напоминанием о собственных убеждениях. Люцифер слегка поправил рукав, стараясь скрыть внутреннюю борьбу, и криво усмехнулся. За исключением, конечно же, ситуаций, когда того требуют регалии военного дела, — впрочем, что сейчас случалось очень редко. В этой усмешке читалась тихая гордость и едва заметная горечь: он не стал подстраиваться под новые правила, оставаясь верным себе.

— Хочу попросить тебя, — начал Михаил, осторожно подбирая слова, — отправиться на Сириус.

Люцифер медленно поднял бровь, в его взгляде мелькнуло недоумение, почти раздражение. Он скрестил руки на груди, словно выстраивая барьер между собой и неожиданной просьбой.

— Зачем это? — буркнул он, не дослушав до конца, и отвернулся, будто уже жалел, что вообще ввязался в этот разговор.

— Мне должны подготовить вариант проекта, — Михаил жестом предложил пройтись, мягко коснувшись локтя брата. Его голос звучал ровно, но в глазах читалась скрытая напряжённость. — Давай пройдемся, здесь слишком много ушей.

Люцифер поколебался мгновение, затем нехотя кивнул. Он не возражал, но его походка оставалась тяжёлой, плечи — напряжёнными.

— Ты хочешь привлечь сущностей с Сириуса? — недовольно буркнул он, бросив косой взгляд на брата.

В его тоне сквозило плохо скрытое недовольство.

— Да, — пожал плечами Михаил, стараясь выглядеть непринуждённо. — Отец сказал, что они предлагают очень интересный вариант.

В его голосе прозвучала нотка надежды, будто он сам до конца не верил, что брат согласится.

— Хорошо, — безразлично бросил Люцифер, глядя куда-то вдаль. — Можно попробовать.

— Можно? — Михаил растерянно поднял на него глаза, и на мгновение в его взгляде промелькнуло что-то детское — словно он действительно спрашивал разрешения у младшего брата.

— Ты не против? — с тихой улыбкой спросил Михаил, и в этой улыбке читалась смесь облегчения и осторожной радости.

— Я — нет, — ответил Люцифер, но его голос звучал отстранённо. — Только не понимаю, почему ты меня спрашиваешь об этом?

В его глазах мелькнуло искреннее недоумение.

— В смысле? — Михаил нахмурил брови, слегка растерявшись. Он помолчал, затем тут же произнёс: — Ты же у нас главный по людям.

В его словах прозвучала лёгкая ирония, но за ней скрывалась давняя, почти забытая истина.

Люцифер остановился так резко, что Михаил чуть не налетел на него.

— В смысле? — нахмурил он брови, пристально вглядываясь в лицо брата. — Ну-ка, подробнее с этого места.

Его голос стал жёстче, в нём зазвучали стальные нотки.

Михаил тихо рассмеялся, отступая на шаг и поднимая руки в примирительном жесте.

— Да, мой милый брат, проектом правишь ты.

В его смехе было что-то облегчённое, будто он наконец озвучил то, что давно витало в воздухе.

— Я?! — Люцифер искренне удивился, его глаза расширились.

— Да, ты.

— Вообще-то я всегда считал, что у нас ты во всём имеешь вес, — произнёс Люцифер, и в его голосе прозвучала непривычная для него нотка уязвимости.

— Увы, не в этом деле, — развёл руками Михаил, и его улыбка стала чуть грустной.

— И ума у тебя побольше будет, — съязвил Люцифер, скорее для вида, чем для спора. Но в его глазах промелькнула тень гордости — пусть и завуалированной.

— Не в этом деле, мой милый брат, — пожал плечами Михаил. — Не в этом деле.

Его голос звучал мягко, почти ласково.

— Хм, — криво усмехнулся Люцифер. В этой усмешке смешались недоверие, удивление и что-то ещё — едва уловимое, почти трогательное.

Они шли какое-то время молча. Тишину нарушало лишь эхо их шагов по мраморному полу. Люцифер хмуро разглядывал узоры на стенах, будто искал в них ответы.

— Непривычно как-то... — наконец произнёс он, и в его голосе прозвучало что-то похожее на растерянность.

— Ты не один будешь, — тут же подхватил разговор Михаил, оживляясь. Он положил руку на плечо брата, и в этом жесте читалось искреннее участие. — Всё будет хорошо.

— Да? — недоверчиво буркнул Люцифер, и его брови сошлись на переносице. Он скрестил руки на груди, всем видом показывая, что идея ему категорически не нравится. — Воодушевляет... — в его голосе сквозила едкая ирония. — И кого же ты в помощники мне дашь?

— Я пригласил ещё одну сущность, — осторожно произнёс Михаил, невольно отступая на шаг под пристальным взглядом брата. Его пальцы слегка дрогнули, выдавая внутреннее напряжение.

Поймав прямой, пронзительный взгляд Люцифера, Михаил смутился, опустил глаза и провёл рукой по волосам, пытаясь собраться с мыслями.

Люцифер насторожился, его глаза сузились. Он медленно повторил про себя: «Одна сущность?» — и тут же резко вскинул голову.

— Женщина! — недовольно выдал он, и его голос прозвучал громче, чем следовало бы в этом людном коридоре.

Он сделал шаг вперёд, нависая над Михаилом.

— Да, — быстро ответил Михаил, поднимая ладони в примирительном жесте. — Женщина. Она... — он запнулся, подбирая слова, — очень компетентна.

— О-о-о, Михаил, — протянул Люцифер по слогам, и его губы искривились в горькой усмешке. — Ты ничего больше выдумать не мог?

В его тоне слышалось откровенное разочарование.

— Люцифер, — начал оправдываться Михаил, стараясь говорить спокойно, но голос чуть дрогнул, — так захотел отец.

Он положил руку на плечо брата, но тот тут же отшатнулся.

— Женщина! — не унимался Люцифер, повышая голос. Его лицо покраснело от возмущения, кулаки непроизвольно сжались. — Опять эти игры, опять эти манипуляции!

Они подошли к большим прозрачным дверям — проходу из внешнего крыла Звёздного храма во внутреннее. Сквозь стекло были видны силуэты спешащих по делам сущностей, слышался приглушённый гул голосов. Работа в этом крыле кипела всегда: кто-то торопливо перелистывал свитки, кто-то обсуждал планы у голографических проекций.

Люцифер продолжал возмущаться, несмотря на присутствующих. Он не обращал внимания на любопытные взгляды проходящих мимо.

— Ты же знаешь, — не умолкал он, — я против женщин в таких делах. Это всегда осложняет ситуацию!

Его голос звучал всё резче, почти срываясь на крик.

— Прекрати! — серьёзно произнёс Михаил, и в его взгляде вспыхнула сталь. Он выпрямился во весь рост, глядя брату прямо в глаза. — Я же тебе не постель с собой предлагаю.

Люцифер покосился на брата, приподняв бровь. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то вроде удивления, затем он усмехнулся.

— Ты сам-то хотя бы понял, что ты сейчас сказал... — буркнул он, но уже тише, с ноткой сарказма.

— Брат, — продолжал Михаил, смягчив тон и делая шаг вперёд. Он положил руку на плечо Люцифера и сжал его. — Ты же знаешь: в этом проекте без двух противоположных сущностей не обойтись. Это не прихоть, а необходимость.

Его голос звучал искренне, почти умоляюще.

— Мне она уже не нравится, — не унимался Люцифер, но его поза чуть расслабилась.

Он отвёл взгляд, уставившись в пол.

— Обещаю: вы будете пересекаться только в рамках работы над проектом. Никаких лишних контактов. — Михаил говорил медленно, чётко выговаривая каждое слово, словно вбивал гвозди.

— Ты старая сводня, Михаил, — резко оборвал его Люцифер, но в его голосе уже не было прежней ярости, лишь усталость и досада.

Он чувствовал, что сейчас взорвётся, а также он чувствовал, что всё не совсем так, как говорит Михаил. Внутри него боролись противоречивые чувства: гнев, недоверие, но и что-то ещё — слабая искра любопытства.

— Люцифер, брат мой, — магически заговорил Михаил, и его голос зазвучал низко и успокаивающе, словно колыбельная. — Доверься мне хоть раз.

— А-а-а! — протянул тот, возводя руки к небесам, и на мгновение он выглядел почти комично — огромный, разгневанный, но всё ещё по-детски уязвимый.

Люцифер чуть прогнулся назад и посмотрел вверх, словно ища поддержки у самого неба. Его дыхание участилось, грудь вздымалась.

— Знаешь, как на меня воздействовать, да? — произнёс он уже тише, почти шёпотом.

В его голосе прозвучала горечь, но и признание правоты брата.

— Люцифер...

— Перестань, Михаил. Мне не нужна ни одна женщина в мире. Ты же знаешь. — Его голос дрогнул на последнем слове, выдавая глубину чувств.

Михаил открыл рот, чтобы возразить, но тот перебил его.

— Я очень люблю свою жену, — выпалил Люцифер, и в его глазах блеснули слёзы, которые он тут же смахнул. — И буду любить её всегда. Ты же знаешь об этом.

Его голос стал твёрже, в нём зазвучала непоколебимая уверенность.

Люцифер направился к выходу, его шаги эхом отдавались в пустом коридоре. Он шёл резко, порывисто, плечи были напряжены.

— Зачем подсовываешь мне непонятно кого? — бросил он через плечо, и в этой фразе смешались обида, раздражение и едва уловимая тоска.

— Люцифер... — шагнул за ним Михаил, протянув руку, будто пытаясь остановить брата хотя бы жестом.

В его глазах читалась смесь тревоги и сожаления.

— Сбрось мне геолокацию — куда лететь, — махнул он рукой на ходу Люцифер, не оборачиваясь, — и что забрать.

Его голос звучал глухо, отстранённо, словно он уже мысленно находился где-то далеко.

Михаил поставил руки на бока и тяжело вздохнул, плечи его опустились. Он с тоской проводил брата взглядом, пока тот не скрылся за поворотом длинного мраморного коридора. В тишине гулко отдавались затихающие шаги Люцифера.

— Ну и... — раздался рядом голос Габриэля, и Михаил невольно вздрогнул. — Надеюсь, ты доволен?

В тоне Габриэля сквозила лёгкая насмешка, но в глазах читалось искреннее любопытство.

Собравшись с духом, Михаил развернулся к брату и посмотрел ему прямо в глаза. Его взгляд был тяжёлым, усталым, но твёрдым.

— Я слышал, — продолжал Габриэль, слегка смутившись и на мгновение опустив взгляд, — Дениса тоже на Сириусе.

Он нервно провёл рукой по волосам, будто сам не до конца верил в то, что говорит.

— Что значит «тоже»? — холодно произнёс Михаил.

Его голос прозвучал резко, как удар хлыста, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

— Ты же его... — Габриэль указал взглядом на двери, ведущие в коридор, по которому ушёл Люцифер, — на Сириус послал?

В его голосе прозвучала неуверенность, будто он вдруг осознал, что задел что-то болезненное.

Михаил посмотрел на него серьёзным взглядом, в котором смешались раздражение и усталость. Он помолчал несколько секунд, словно взвешивая каждое слово, после чего произнёс:

— Раз ты всё знаешь лучше меня, зачем спрашиваешь? — Его голос был ровным, но в нём чувствовалась скрытая напряжённость.

— Может, — заговорщически подмигнул Габриэль, наклонившись чуть ближе и понизив голос до шёпота, — перекроешь ей ещё раз лицо, пока она там?

В его глазах плясали озорные искорки, а губы растянулись в лукавой улыбке.

Михаил поднял бровь, его лицо на мгновение исказилось гримасой недоумения и раздражения. Он скрестил руки на груди, всем видом показывая, что эта шутка ему совсем не по душе.

— Ну, — развёл руками Габриэль, чуть отступая назад и делая вид, что искренне не понимает недовольства брата, — чтобы он узнал её в случае чего.

Он попытался сохранить серьёзное выражение лица, но уголки губ предательски подрагивали.

Михаил шумно выдохнул, провёл ладонью по лицу и покачал головой.

— Ты неисправим, Габриэль, — произнёс он устало, но без злобы.

В его голосе звучало что-то вроде снисходительной обречённости.

— Подожди, — протянул тот, протягивая вслед ему руку и делая шаг вперёд, — я не договорил.

В его тоне появилась нотка отчаяния, будто он боялся упустить важный момент.

— Как-нибудь обойдусь, — бросил через плечо Михаил, уже направляясь к выходу. Он шёл быстро, почти стремительно, стараясь отдалиться от этого разговора. — Без твоих комментариев и советов.

— Я как лучше хотел, — прокричал вдогонку Габриэль, и в его голосе прозвучала искренняя обида, которую он не смог скрыть.

— Я так и понял, брат, я так и понял, — ответил Михаил, на мгновение остановившись и обернувшись.

Его лицо смягчилось, в глазах мелькнуло что-то тёплое — едва уловимая благодарность за заботу, пусть и такую неуклюжую. Он коротко кивнул Габриэлю и продолжил путь, растворяясь в полумраке коридора.

Михаил с воодушевлением пригласил младшего брата в проект «Человек», его глаза горели от предвкушения, а голос дрожал от едва сдерживаемого волнения — он давно мечтал разделить с братом это великое начинание.

Земля была уже заселена людьми — скромными, но упорными существами, которые, несмотря на суровые условия, упорно обустроивали свой мир, возводили поселения и учились жить в гармонии с непредсказуемой планетой.

Древние цивилизации, пришедшие в этот мир, обнаружили на планете вещество, которое даёт массу энергии — в тысячу килоджоулей, сравнимую с мощностью в несколько мегатонн, равной примерно 11 атомным станциям межгалактического характера. Учёные пришельцев, собравшись вокруг образца, не скрывали восхищения: их приборы зашкаливали, а взгляды метались между данными и загадочным минералом, словно они не могли поверить своему счастью.

Родиний и родолиней интересовали пришельцев из глубокого космоса. Эти редкие элементы мерцали холодным голубоватым светом, будто хранили в себе тайны древних галактик. Инженеры с трепетом касались образцов, шепча друг другу: «С таким ресурсом мы сможем покорить целые звёздные системы!»

Земля как планета на тот момент никого не интересовала. Она казалась непримечательной песчинкой на фоне сверкающих гигантов Млечного Пути.

После большого взрыва во Вселенной, устроенного Ароном, в своё время произошёл выброс энергии мощностью в несколько тонн. В небесной обители, где обитали высшие сущности, за происходящим наблюдали с интересом и тревогой. Старейшины хмурили брови, переглядывались, их плечи слегка подрагивали — никто не мог предсказать, к каким последствиям приведёт этот катаклизм.

Однако ожидания, к счастью, не оправдались. Материя, вместо того чтобы проникнуть во все эфиры тонкого мира, начала собираться вокруг своей оси — в определённой точке, выработанной ею же вращения, — и уплотнялась с каждым витком своего оборота. Мудрецы в обители переглянулись с облегчением, но в глазах их всё ещё читалась настороженность: природа готовила новые сюрпризы.

В результате в галактике возник новый рукав, состоящий из звёзд и планет. Он вспыхнул на небесной карте, словно драгоценное ожерелье, сотканное из миллионов огоньков. Астрономы пришельцев замерли перед голограммами, затаив дыхание: перед ними открывалась совершенно неизведанная территория.

На тот момент планеты правого рукава группы “А” созвездия Лебедя были необитаемы. Так считалось до прихода межгалактического корабля звездолётчиков. Гигантское судно, сверкающее хромированными панелями, медленно всплыло в систему, и его сенсоры жадно впились в каждую планету, сканируя, анализируя, оценивая.

Творец знал о существовании прототипов людей в глубине космоса, но сам с ними лично никогда не встречался. На Землю, как и на все её планеты-спутники, он имел очень большие планы. В его глазах, глубоких, как сама вечность, отражались образы будущих цивилизаций — он видел, как эти существа будут развиваться, учиться, творить.

Однако звездолётчики опередили его. Их системы слежения за энергией в межзвёздном пространстве определили мощный поток чистой кристалльной энергии, идущий из центра Земли, — на одном из глобусов планеты. Операторы за пультами встрепенулись: экраны мигали тревожным красным, а графики взмывали вверх, подтверждая — здесь, под земной корой, скрыто нечто грандиозное.

Звездолётчики сделали запрос в небесную обитель на разрешение освоения территории пятого глобуса Земли. Творец поначалу такого разрешения не дал. Его фигура, окутанная сиянием, возвышалась над голографической картой планеты, а в голосе звучала непреклонность: «Этот мир — не для вас. Он ещё не готов».

Земля использовалась на тот момент как тестовая система для анализа всех форм жизни во Вселенной. Находиться на её территории было опасно, а подвергать опасности кого-либо Творец желания такого не имел. В его памяти ещё были свежи воспоминания о прошлых экспериментах, закончившихся катастрофой, — он не хотел повторения ошибок.

Первооткрыватели звёздных систем уверили его в праведных намерениях своих. Да и интересовал их только пятый глобус планеты — остальные системы затронуты не будут. Их послы, облачённые в мерцающие мантии, склонялись в почтительных поклонах, а глаза их сверкали жаждой открытий.

В итоге Творец дал своё согласие, о чём потом очень сильно пожалел. В момент подписания соглашения он ощутил лёгкий укол тревоги, но отмахнулся от него — как оказалось, напрасно.

Звездолётчики сами освоить планету не могли, тем более совершать работы на ней. Для этого требовалось много сил и энергии, чтобы поддержать все системы в рабочем состоянии. Инженеры в командном центре хмуро смотрели на расчёты: цифры говорили сами за себя — без дополнительной рабочей силы проект обречён на провал. Они переглядывались, понимая, что решение проблемы потребует кардинальных мер.

Атмосфера Земли доставляла массу хлопот: частые катаклизмы, сильные ветры, да и постоянные бомбардировки метеоритами особого удовольствия не доставляли. Небо почти

никогда не прояснялось — оно было затянуто клубящимися тучами пепельно-серого цвета, а воздух содрогался от грохота взрывов, когда очередной метеорит врезался в поверхность планеты, оставляя после себя дымящуюся воронку.

Пришельцы, хмуро взирая на этот хаос с высоты своих орбитальных станций, перекрыли всю систему под себя. Их технологии сверкали холодным синим светом, а механизмы гудели, запуская процесс разделения материков. Инженеры в прозрачных защитных костюмах нервно поправляли датчики, сверяясь с голографическими проекциями — ставки были слишком высоки.

По их прогнозам, климат на континентах должен был стать более влажным после разделения. На тот момент существовал единый материк площадью 200 000 квадратных километров. Влажный климат господствовал на побережье океана, где густые джунгли тянулись до самого горизонта, а в центре материка, наоборот, царили хаос и мир пустынь с невыносимой жарой. Пески там переливались огненными оттенками под безжалостным солнцем, а миражи манили уставших путников призрачными оазисами.

Возможно, проблема была бы решаемая, но только вот центр единого материка как раз и слагали ценнейшие ресурсы, а добраться до них в таких природных условиях было просто невозможно. Учёные пришельцев с досадой стучали по экранам своих планшетов — карты месторождений горели красным, напоминая о несметных богатствах, скрытых за стеной раскалённого песка.

Разделение материков привело к изменению не только состава атмосферы и климата, но и животного мира. Многие виды животных были просто-напросто уничтожены, выжжены огнём во время метеоритных бомбардировок. Диковинные создания, бродившие по равнинам, в ужасе метались, чувствуя приближение огненных шаров с неба, но спастись не успевали — их силуэты застывали чёрными тенями на оплавленной земле.

Такое количество астероидов собирали по всей Вселенной и стаскивали на орбиту Земли. Гигантские магнитные захваты, похожие на щупальца неведомого чудовища, подтягивали космические глыбы к планете. Взрывали, а дальше, согласно системе гравитации, осколки сами устремлялись к Земле, сжигая всё на своём пути. Операторы в командном центре затаив дыхание следили за траекториями — каждый взрыв отдавался в их груди глухим эхом.

Чтобы разделить материк на несколько частей, на него был направлен огромный астероид. Столкновение с таким космическим телом на большой скорости предполагало образование взрывной волны, которая и способствовала разделению материка на несколько частей. Когда астероид вошёл в атмосферу, он оставил за собой пылающий след, словно огненный меч. Земля содрогнулась, горы рассыпались в пыль, а трещины, как вены, побежали по поверхности древнего материка.

К сожалению, эксперимент пришлось повторить, так как одному астероиду оказалось не под силу такое действие. В космосе нашли ещё пару астероидов подобного рода и направили к Земле. Таким образом избавились и от агрессивных огромных ящеров, и от прочей живности. Только вот такой подход особой пользы тоже не принёс. Наблюдатели на орбите с разочарованием смотрели на результаты: вместо плодородных земель — выжженная пустыня, вместо богатства — пепел.

Осваивать планету самим и добывать ресурсы оказалось делом кропотливым и трудоёмким — не под силу пришлым существам. Да и гравитация планеты усилилась после бомбардировки метеоритами. Инженеры нервно переглядывались, чувствуя, как непривычная тяжесть давит на плечи, а приборы показывали аномальные значения.

Как оказалось потом, космические тела имели своё магнитное поле, и при большом скоплении в недрах Земли они изменили условия гравитации планеты. Учёные в лабораториях ломали головы над данными, их пальцы дрожали, выводя формулы — законы физики, которые они знали, больше не работали.

Вот тогда и приняли решение создать нечто подобное, нечто похожее на них, — нечто, умеющее работать и свободно перемещаться по планете. Совет старейшин собрался в зале с мерцающими кристаллами на стенах, их лица были серьёзны, а голоса звучали напряжённо.

Вот тогда-то они и обратили внимание на человекоподобных обезьян — таких же, только прямоходящих и немного мыслящих. Пришельцы наблюдали за ними с орбитальных дронов: как те ловко лазают по деревьям, жестикулируют, общаются между собой. В глазах учёных загорелся огонёк надежды — возможно, из этого получится что-то стоящее.

Эксперименты проводились с самками обезьян. Генная структура их яйцеклеток была изменена. В стерильных лабораториях, залитых холодным светом, учёные в защитных костюмах работали с микроскопами, их руки дрожали от напряжения и азарта. Они вводили сложные комбинации генов, надеясь создать существ, способных выжить в этом суровом мире.

Существо, подобное богу, получилось не сразу. Первые попытки заканчивались неудачей — гибриды были слабы или агрессивны. Но постепенно, шаг за шагом, начали появляться создания с более устойчивым геномом. Люди в начале своего существования могли только слепо следовать инструкции, строго созданному алгоритму. Над ними стоял надсмотрщик, который и кнутом, и пряником заставлял выполнять работы. Его фигура в тёмном плаще возвышалась над рядами послушных фигур, а голос, усиленный ретранслятором, отдавал чёткие команды.

Люди очень быстро размножались — их численность росла с пугающей скоростью, словно сорняки на плодородной почве. Детёныши получались сильными и жизнеспособными: крепкие, выносливые, с цепким умом и жадой познания. Поначалу пришельцам это нравилось: ведь бесплатные рабочие руки всегда были нужны. Учёные и надсмотрщики с удовлетворением наблюдали за растущей рабочей силой — они потирали руки, подсчитывая будущие выгоды, а в глазах их загорался алчный блеск.

Но вскоре запасы ресурсов родолиния и родиния были исчерпаны — все без остатка. В лабораториях замолкли механизмы, на складах опустели хранилища. В результате выведенные особи оказались никому не нужны. Пришельцы переглядывались с досадой и раздражением: их грандиозные планы рушились на глазах. Кто-то нервно сжимал кулаки, кто-то с горечью качал головой, понимая, что все усилия пошли прахом.

Своим творением пришельцы недолго любовались. Выработав ресурс, они решили покинуть планету — так же внезапно, как и появились, никому ничего не объясняя. В последний день их пребывания в воздухе витало напряжение: техники спешно упаковывали оборудование, корабли гудели, готовясь к старту. А от их пребывания остались огромные карьеры по всей Земле — зияющие раны на теле планеты, — а также стартовые площадки для космических кораблей, ржавые и заброшенные, напоминающие о чужеродном вторжении.

Поначалу Творец не обращал внимания на систему планет в правом рукаве Вселенной. Говорящие с трудом обезьяны его не интересовали — он лишь слегка приподнял бровь, взглянув однажды на их неуклюжие попытки построить общество, и отвернулся. Он не хотел вмешиваться: его мысли были заняты более масштабными проектами. Система была нарушена как на физическом, так и на энергетическом уровне — в ауре планеты клубились тёмные завихрения, словно раны на энергетическом теле мира.

Планета угасала. Её некогда пышные леса превратились в сухие скелеты деревьев, реки обмелели, а воздух потерял свою животворную силу. Однако разрушить планету и воссоздать вновь он не мог. Земля была пустынна и чиста, как младенец, перед взором самого Творца. В его глазах, глубоких и бездонных, отразилась печаль: он видел потенциал, скрытый под пеленой упадка.

Земля уже однажды создавалась повторно из пустоты: материя после взрыва уплотнилась и очень плотно заняла свою нишу. Разрушить планету ещё раз не получится без последствий. На месте взрыва может образоваться воронка, по мощности своей превосходящая ТТ-4, —

воронка, которая закружит в себя все объекты материи, включая две системы мироздания. Творец задумчиво провёл рукой по голографической проекции планеты, его брови сошлись на переносице — он взвешивал все риски, и сердце его сжималось от тяжести выбора.

Творец принял решение внедрить человека к людям: почистить генный код и вывести нового человека — человека, который будет ангелу подобен, без зачатков животных инстинктов; человека, который может между мирами ходить и учителем среди людей быть. В его взгляде зажёгся огонёк надежды, а губы тронула едва заметная улыбка — он увидел в этом шанс исправить ошибки прошлого.

Для этого была создана группа «Адам и Ева». Их образы сияли неземным светом на экране проектора, а учёные Творца затаили дыхание, наблюдая за первыми секундами их существования. Только отпускать их в другую плотность Земли — плотность, в которой когда-то зародились люди, — никто не спешил. Советники Творца перешёптывались, качали головами: «Ещё рано... Они не готовы...»

Люди к такому ещё не были готовы: они жили, руководствуясь животными инстинктами, несмотря на созданные ими социальные сообщества и институт брака. В племенах то и дело вспыхивали конфликты, алчность и страх затмевали разум.

На данный момент оттачивалось их физическое состояние: тела укреплялись, иммунная система совершенствовалась, органы обретали устойчивость к внешним воздействиям. А Адам и Ева созревали в садах Эдема как суть высшего божественного начала. Вокруг них цвели невиданные растения, воздух был напоен гармонией, а пение райских птиц успокаивало и вдохновляло.

Люди были смертны, и с этим тоже надо было что-то делать. Однако Творец понимал: именно через перерождение совершенствовалось тело человека. Да и не только тело, но и все биологические системы внутри него. Благодаря перерождению все системы внутренних органов работали слаженно, словно части единого механизма. Творец наблюдал за этим процессом с мудрой улыбкой — он знал, что именно в цикличности жизни кроется великая тайна эволюции.

Люцифер редко заходил на военные базы — только если об этом просил Михаил.

Вот и сейчас он пребывал на военной базе Сириуса. Михаил поручил забрать вёрстку нового проекта. Люцифер шёл по верхней террасе, неторопливо осматриваясь по сторонам. Воздух здесь был непривычно сухим и пах металлом, смазкой и чем-то ещё — едва уловимым запахом чужой, неземной цивилизации.

Внимание привлекла небольшая группа сирийских воинов из пяти-шести человек. Они чем-то напомнили ему группу Дениза — ту самую, с которой он когда-то делил опасности и победы. Вот только, в отличие от людей в чёрном, сирияне предпочитали тёмно-синий цвет, отливающий перламутром в свете местных солнц.

Лицо одного из них показалось Люциферу знакомым. Он замер на мгновение, пытаясь ухватить ускользающее воспоминание. Но вот только где он его видел — никак не мог вспомнить. «По-моему, на Денеб...» — его мысли отозвались острой болью в сердце, словно кто-то коснулся незажившей раны. Воспоминания о Денеб были мутными, размытыми — обрывки разговоров, вспышки света, чей-то смех...

Сирияне молчали. По их взглядам он понял: они узнали его. Воины наблюдали за ним с нескрываемым любопытством, не издав ни звука, но в их позах читалось напряжение — будто они ждали, что он вот-вот обернётся прежним Люцифером, тем, кого они знали когда-то.

— Дениса, беги! — раздалось откуда-то сбоку, резко и отчаянно.

Люцифер вздрогнул всем телом, сердце на мгновение замерло, а затем забилось чаще. Он резко перевёл взгляд от группы воинов на дверь ангара.

— Беги, сестра, беги! — снова прозвучал голос, полный паники.

В этот момент в ангар вбежала девушка. Её волосы растрепались, лицо было бледным, глаза расширены от ужаса. За ней по пятам следовала огромная кошка — массивное создание с тёмно-рыжей шерстью и горящими янтарными глазами.

В глаза бросилось что-то до боли знакомое. «Тайцы...» — промелькнуло в его голове. — «Да, но откуда?» Дениза со своей командой он не видел уже «лет сто». Воспоминания нахлынули волной: их шутки, совместные задания, тот случай на Орионе, когда они спасли ему жизнь...

Однако времени на раздумья не было. Хищник прыгнул за своей жертвой с тихим рыком, который заставил кровь стынуть в жилах.

Кошка в прыжке зацепила куртку девушки и подняла её в воздух. Девушка повисла в воздухе, вскрикнув от страха, её пальцы судорожно вцепились в ткань. Ещё мгновение — и...

Он видел её — крошечную, незащищённую фигуру, нелепо и беспомощно болтающуюся в мощных зубах огромной кошки. Воспоминание ударило, словно током, обожгло изнутри — сердце пропустило удар. Он почти слышал её сдавленный крик, видел, как лихорадочно мечутся её пальцы, судорожно дёргая молнию куртки. Охваченная паникой, она старалась не потерять остатки самообладания.

Воины подскочили, в их глазах мелькнуло беспокойство. Кто-то уже потянулся к оружию, кто-то замер в нерешительности, не зная, как помочь.

— Тамиру — снотворное! — громко и властно выкрикнул кто-то из воинов, и голос эхом разнёсся по ангару.

«Точно, с Денеб...» — пронеслось в голове Люцифера, словно вспышка озарения. — Я видел его на Денеб. Тот самый взгляд, та же решимость в глазах...» Воспоминание на мгновение отвлекло его, но опасность была слишком близка — он тут же вернулся к реальности, не сводя напряжённого взгляда с хищника.

Девушка сориентировалась достаточно быстро, действуя почти инстинктивно. Её пальцы, дрожащие, но ловкие, расстегнули молнию; она ловко выскользнула из куртки, словно змея из старой кожи. Ещё мгновение — и она с глухим стуком вываливается на холодный бетонный пол, едва успев освободиться от стесняющей одежды. Движение вышло резким и неуклюжим. Оказавшись на земле, она замерла на мгновение: полуобнажённый торс вздрагивает, затем вздымается от прерывистого, тяжёлого дыхания.

Контраст был шокирующим: грубая серая поверхность пола и она — хрупкая, измученная, но всё ещё живая. На ней остался лишь красный лиф с прозрачными кружевами — алый цвет резал глаз, казался до боли неуместным, подчёркивая всю нелепость и ужас происходящего. Эта деталь выглядела хрупким напоминанием о чём-то светлом среди царившего кошмара.

Упав на холодный металлический пол, она тут же подскочила и, не оглядываясь, продолжила бежать — дыхание сбилось, волосы прилипли ко лбу, а в глазах читался первобытный страх.

Кошка начала яростно трепать куртку, словно долгожданную добычу: её мощные лапы рвали ткань, зубы щёлкали в воздухе. Вскоре, поняв бесполезность этой игрушки, хищник издал низкое рычание — звук, от которого по спине пробежали мурашки, — и возобновил преследование своей настоящей жертвы.

Поскользнувшись на гладком полу, девушка упала, больно ударившись локтем. Она перевернулась на спину и, облокотившись на руки, вжалась в пол, широко раскрытыми глазами следя за приближающимся зверем. В её взгляде читалась мольба и отчаяние — она уже не надеялась спастись.

Перепрыгнув через перила, Люцифер метнулся вниз, словно падающая звезда, — стремительно и неотвратно. Ветер свистел в ушах, а сердце билось где-то в горле. Миру поймал

брошенное кем-то ружьё со снотворным и, стиснув зубы, прицелился — руки чуть дрожали от напряжения, но он старался держать прицел ровно.

Кошка совершила прыжок — огромный, грациозный, смертоносный. Девушка инстинктивно закрылась руками, широко открыв глаза, в которых застыл ужас. Секунды растянулись в вечность. Она не сразу поняла, что произошло: Люцифер скользнул вниз под хищника и накрыл её собой, приняв весь удар кошачьих лап на себя. Когти полоснули по его спине, оставив глубокие борозды, но он даже не вскрикнул — лишь стиснул зубы, сдерживая боль.

Миру выстрелил — раз, потом ещё раз. Пули с глухим стуком вошли в бок зверя, но тот лишь зарычал и продолжил бороться. Он нажал ещё раз на курок — ружьё дало осечку. Лицо Миру исказилось от отчаяния, но он быстро взял себя в руки. Кто-то подал шприц со снотворным. Миру поспешил перезарядить арсенал, пальцы дрожали, но движения оставались чёткими и выверенными.

Сирияне попрыгали вниз, окружая хищника со всех сторон. Их лица были напряжены, в глазах — смесь решимости и тревоги. Они готовы были броситься на помощь в любой момент.

Девушка встретила с взглядом Люцифера и замерла. Его лицо оставалось каменным, не выражающим ни страха, ни тревоги, ни сожаления о содеянном. Лишь лёгкая морщинка на лбу выдавала напряжение, а на виске пульсировала вена. Он слегка поморщился от очередного удара в спину, но не сдвинулся с места — продолжал защищать её, закрывая своим телом.

Наконец кошка пошатнулась, её движения стали вялыми, глаза остекленели. Она издала последний хриплый рык и упала, накрыв их собой — тяжёлая, но уже безвредная туша. В ангаре повисла напряжённая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием Люцифера и тихими всхлипами девушки.

Люцифер уткнулся в её плечо, вдыхая тонкий аромат её кожи — едва уловимую смесь цветочных нот и чего-то тёплого, родного, что мгновенно перенесло его в далёкое прошлое. Он закрыл глаза, позволяя воспоминаниям нахлынуть волной.

Старые воспоминания всколыхнулись в памяти, оживая с поразительной ясностью: вот они смеются у озера на окраине Эдема, её волосы переливаются в лучах заката, а ветер доносит звонкие голоса других ангелов. Он слышал отдалённый смех, почувствовал тепло летнего дня на коже, уловил запах цветущих лилий у воды — всё это было так реально, будто произошло вчера, а не века назад. Образы, звуки, ощущения, давно забытые, но всё ещё живые где-то глубоко внутри, зашевелились, пробудились, затрепетали, как крылья бабочки, готовой вырваться из кокона.

И в этот момент он почувствовал, как теряет сознание. Мир вокруг начал расплываться, словно акварельные краски под струёй воды: чёткие линии размывались, цвета теряли насыщенность. Звуки стали глухими, будто доносились сквозь толщу воды — отдалённый гул голов, чьё-то осторожное дыхание, стук собственного сердца, постепенно замедляющегося. Тело стало непривычно лёгким, почти невесомым, словно он вот-вот оторвётся от земли и воспарит ввысь. В ушах зазвучал тихий, убаюкивающий шёпот, манящий погрузиться в безмятежный сон.

Он судорожно сжал пальцами край её одежды, пытаясь зацепиться за реальность, за тепло её плеча, за этот миг, который так ярко вернул ему частицу прошлого. Пальцы слегка дрожали — то ли от накатившей слабости, то ли от силы нахлынувших эмоций. В груди разливалась странная смесь боли и умиротворения: прошлое одновременно ранило и дарило утешение, напоминало о том, кем он был когда-то...

Дениз бросился к туше, его шаги гулко отдавались в напряжённой тишине ангара. Он едва переводил дыхание, мышцы горели от напряжения, но он не смел замедлиться — каждая секунда могла оказаться решающей.

Кошка представляла собой сейчас огромную гору — массивную, неподвижную, но всё ещё пугающую своей мощью. Её тёмная шерсть лоснилась, бока чуть заметно вздымались при дыхании, а когти, огромные и острые, всё ещё угрожающе торчали из-под сетки.

Сердце тайца забилося чаще, почти болезненно стуча в груди. Ладони вспотели, пальцы дрожали от волнения. Оставалось только молиться о том, чтобы оба — и Люцифер, и девушка — были живы. В горле встал ком, а в висках застучала кровь: он не мог допустить, чтобы кто-то из них пострадал из-за этой внезапной атаки.

— Дениз, — тихо, но твёрдо произнёс Остенах, протягивая сетку.

В его глазах читалась тревога, но голос не дрогнул.

Дениз схватился за край сетки — ткань оказалась грубой и чуть влажной на ощупь. Ман-рейхайм поспешил на помощь: его крепкие руки ловко подхватили другой конец. Вскоре к ним присоединились сирияне — слаженные движения, быстрые взгляды, короткие кивки. Никто не тратил время на слова: все понимали, что сейчас важна каждая секунда.

Заправили сетку вокруг туши со всех сторон достаточно быстро — слаженно, чётко, без лишних слов. Металлические звенья сетки тихо позвякивали, когда её затягивали потуже. Дениз посмотрел на своих ребят — в их глазах он увидел ту же решимость, что и в своём сердце, — и моментально принял решение.

Тела его ребят трансформировались быстро, принимая форму дракона. Мощные спины выгнулись с тихим хрустом костей, чешуя заблестела в свете ламп, переливаясь изумрудными и бронзовыми оттенками. Крылья начали разворачиваться с глухим шелестом, а глаза засветились мягким золотистым светом. Все, кроме Остенаха: он остался в человеческом облике, лишь сжал кулаки так, что побелели костяшки, сосредоточенно следя за процессом. В его взгляде читалась смесь тревоги и гордости за товарищей.

Дождавшись, когда животное подняли немного над землёй — туша тяжело покачнулась, натянув сетку, — он скользнул вниз и осторожно, почти трепетно коснулся плеча Люцифера. Пальцы слегка дрожали, когда он дотронулся до ткани рубашки.

— Люцифер, — позвал он его тихо, но настойчиво, склонившись ближе. В голосе прозвучала мольба: — Отзовись...

Но тот молчал. На рубашке проступили капли крови, медленно расплываясь тёмным пятном. Дениз почувствовал, как внутри всё сжалось от страха. Он сглотнул, пытаясь унять дрожь в руках.

Остенах осмотрелся по сторонам в поисках хотя бы кого-то, кто мог бы откликнуться на его призыв о помощи. Его взгляд метался между тенями в дальних углах ангара, между застывшими фигурами воинов, между неясными очертаниями оборудования. В ангаре повисла напряжённая тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием людей, шорохом сетки и редким тихим стоном, доносящимся откуда-то издалека. Воздух казался густым, почти осязаемым — словно сама атмосфера пропиталась тревогой и неопределённостью.

— Опять на Денеб, — с болью в голосе шепнул Дениз.

Его голос дрогнул, а в глазах на мгновение отразилась глубокая тоска — воспоминания о Денеб всегда будили в нём горькие чувства, словно прикасались к старой ране.

— Нет, — ответил Остенах после небольшой паузы.

В его взгляде читалась твёрдая решимость, но Дениз уловил и тень беспокойства: брат старался не показывать, насколько его встревожило состояние Люцифера.

Он вытянул ладонь над Люцифером и провёл снизу вверх, сканируя его состояние. Пальцы Остенаха слегка светились мягким голубоватым светом, а лицо сосредоточилось — он внимательно отслеживал показатели, едва заметно шевеля губами, будто считал про себя.

— Нет, — повторил Остенах, чуть расслабившись. — Всё не так плохо, как кажется. Повреждения есть, но внутренние системы стабилизируются. Он придёт в себя.

— В медчасть? — неуверенно спросил Дениз, нервно сжимая и разжимая кулаки.

В груди нарастала тревога, а ладони невольно вспотели от волнения за друга.

— Да, — кивнул тот. — В медчасть. И побыстрее.

Дениз осмотрелся по сторонам, судорожно обдумывая, к кому обратиться за помощью. Он не успел ещё сделать запрос о помощи, как сирияне откликнулись сразу — беззвучно, не произнося ни слова, словно прочитали его мысли. Они уже двигались слаженно, привычно, точно знали, что делать: кто-то готовил носилки, кто-то проверял оборудование, кто-то уже настраивал коммуникатор для передачи данных в медблок.

Люцифера осторожно развернули на спину. В свете ламп его лицо казалось непривычно бледным, а на рубашке проступало тёмное пятно крови. Дениз невольно задержал дыхание, стараясь унять дрожь в руках.

— Иса! — послышался удивлённый голос с нотками боли и разочарования.

Дениз вздрогнул, резко обернувшись. Он посмотрел на опустившегося перед сестрой воина и немного замешкался. Мужчина чем-то походил на Люцифера — те же резкие черты лица, тот же упрямый изгиб губ, тот же прямой взгляд. В нём было что-то неуловимое и знакомое, отчего внутри у Дениза всё сжалось.

«Рионид...» — пронеслось в голове Дениза. — «Но тогда как?.. Почему он здесь? Что это значит?» Мысли путались, а сердце забилось чаще, будто пытаясь подсказать ответ.

Не дожидаясь повторного предложения, Тамиру взял девушку на руки. Дениз растерялся — на мгновение он застыл, не зная, что делать: бежать за ними, остаться с Люцифером или попытаться разобраться в происходящем. Тамиру развернулся всем корпусом, стараясь понять, что делать дальше, его лицо выражало сосредоточенность и лёгкую растерянность.

— В крыло „А“, — ответил один из медбратьев, коротко кивнув.

Его голос звучал спокойно и уверенно, что немного успокоило Дениза.

Тамиру направился в крыло „А“.

— Его — в крыло „Б“, — услышал он позади себя.

Крыло „А“ представляло собой фельдшерский пункт, куда направляли в случае небольшого недомогания — для дальнейшего осмотра или при мелких повреждениях. Помещение было светлым, с гладкими белыми стенами и рядами удобных кушеток. Воздух пах антисептиками и чем-то успокаивающим, а мягкий свет ламп создавал ощущение безопасности. Если диагноз не подтверждался и требовалась более тщательная диагностика, пациента переводили в крыло „Б“.

В крыле „Б“ помещались, соответственно, те, кто получил ожоги и более серьёзные травмы. Там царила другая атмосфера: приглушённый свет, гул оборудования, напряжённые лица медиков. Дениз бывал там не раз — и каждый раз это место вызывало у него тревогу.

Когда Дениса пришла в себя, рядом с ней сидел Дениз. Его лицо было бледнее обычного, под глазами залегли тени, а пальцы, сжимавшие её руку, слегка дрожали.

— Больше ты в таких экспериментах участвовать не будешь, — он крепко сжал её руку, в голосе звучала неподдельная тревога за сестру.

— Не преувеличивай, — одёрнула его девушка, резко вставая.

Но в её глазах Дениз заметил отблеск страха — она тоже испугалась, хотя и пыталась это скрыть.

— Ой, — Дениса прижала пальцы к виску.

Перед глазами всё поплыло, комната качнулась, и она невольно покачнулась.

— Тебе рекомендовано полежать в течение дня, — начал Дениз, но, поймав колкий взгляд сестры, осёкся. Он вздохнул, смягчив тон: — Пожалуйста, Иса. Просто отдохни немного. Я буду рядом.

— Сестра, — протянул он к ней руку, и в его голосе прозвучала непривычная для него мягкость, почти мольба.

Его пальцы чуть дрожали, а взгляд был полон тревоги и беспокойства за неё.

— Я не могу лежать. Ты же знаешь, — резко ответила Дениса, избегая его взгляда.

В её голосе звучала упрямая решимость, но Дениз уловил и нотку усталости — будто она уже много раз объясняла это.

— Тебе придётся что-то решать, — настаивал он, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё кипело от беспокойства.

— Перестань, Дениз, — поморщилась Дениса, слегка отступая назад.

Её плечи напряглись, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки — она явно была на взводе.

— Ну ты не можешь постоянно метаться между нами и Землёй, — продолжил Дениз, делая шаг вперёд.

В его глазах читалась искренняя тревога за сестру: он видел, как она изматывает себя.

— И что ты предлагаешь мне делать? — с задором начала она, вскинув подбородок.

В её глазах вспыхнули упрямые искорки.

— Перевести всех сюда? — в её голосе прозвучала горькая ирония, за которой скрывалась усталость от бесконечных споров.

Дениса встала, чуть помедлила, проверяя своё самочувствие — на мгновение прикрыла глаза, глубоко вдохнула, словно набираясь сил. После чего взяла лежавшую на стуле куртку и надела её, машинально проведя ладонью по рукаву, будто пытаясь собраться с мыслями.

— Нет, — коротко бросил Дениз, качая головой.

Его плечи слегка опустились — он чувствовал, что разговор идёт не туда.

— Водить с собой всех тоже не выход. Ты же знаешь, Дениз... — её голос смягчился, но в нём всё ещё звучала твёрдость.

— Да, сестра, — вздохнул Дениз, проведя рукой по волосам. В этом жесте читалась усталость от бесконечных разногласий. — Но и каждый день портал проходить — тоже не выход, и ты об этом тоже знаешь.

Его голос звучал устало, но настойчиво.

Назревал спор. Воздух между ними словно наэлектризовался — напряжение можно было почти ощутить физически.

— Об этом я подумаю завтра, — упрямо бросила она, направляясь к выходу.

Её шаги были решительными, но Дениз заметил, как слегка подрагивали её пальцы, сжимающие край куртки.

Спорить она не хотела сейчас, особенно — внутри неё всё протестовало против очередного конфликта. Но и как обнулить ситуацию, она пока не знала: мысли путались, а усталость давила на плечи.

— Рада... — Дениз тяжело вздохнул, опустив голову.

Его плечи поникли, а в глазах отразилась смесь беспокойства и бессилия.

Он знал: если она не приняла решение, спорить с ней бесполезно. Эта упрямость была у них в крови — он и сам такой же.

Не произнося больше ни звука, Дениз последовал за ней. Его шаги были тяжёлыми, словно каждый шаг давался с усилием. В коридоре их ждали Остенах и Манрейхайм.

— Как ты? — поинтересовался Остенах, внимательно вглядываясь в лицо девушки.

В его взгляде читалось искреннее участие.

— Лучше некуда, — хмуро бросила она, стараясь не встречаться с ним взглядом.

В её тоне звучала защитная резкость — будто она боялась показать слабость.

— Домой? — осторожно кивнул Манрейхайм, изучая их лица и пытаясь оценить обстановку.

— Да, — согласилась с ним Дениса, наконец поднимая глаза. — Домой.

В её голосе прозвучало облегчение — хоть какое-то решение, пусть даже временное.

Она заметила краем глаза, как мужчины переглянулись — быстрый, многозначительный взгляд, полный невысказанных мыслей. Но она не придала этому особого значения, слишком погружённая в свои переживания.

Они вышли на залитую солнцем площадку. Яркий свет на мгновение ослепил их, заставив прикрыть глаза. Тёплый ветер ласково коснулся лиц, принося с собой запахи далёких миров и ощущение простора.

Военная база Сириуса отличалась от Ориона. Здания военного флота располагались в центре города и внешне ничем себя не выдавали. Они очень хорошо вписывались в архитектуру высоток — минимум в двенадцать этажей, покрытых с внешней стороны тонированным стеклом, отражающим яркие лучи солнца. Стекло переливалось всеми оттенками синего и серебристого, создавая причудливую игру бликов.

Каждый этаж был отведён под определённые задачи исследований. К участию в исследованиях допускались все представители известных цивилизаций Вселенной — от тёмных до светлых. Каждый вносил свой вклад в решение проблем, если, конечно, того требовал статус и регламент дела. В воздухе витала атмосфера напряжённой работы: где-то вдалеке слышались голоса, гудение техники, а над головой проносились небольшие транспортные дроны, спешащие по своим делам.

— Иса! — услышала она знакомый голос, от которого по спине пробежала дрожь.

В нём звучало столько эмоций — тоска, надежда, упрёк, — что сердце невольно сжалось.

Дениса обернулась, и её глаза расширились от неожиданности.

— Иса, подожди! — снова прозвучало позади, на этот раз ближе, настойчивее.

К ним направлялся незнакомец, который принёс её в крыло „А“ на руках. Да, он и не совсем являлся незнакомым. Заочно тайцы знали о нём всё: легенды, слухи, обрывки разговоров — но встречаться бок о бок в совместных действиях не приходилось... пока что. Его походка была уверенной, но в глазах читалась тревога, а пальцы слегка подрагивали, будто он не мог решить, что сказать в первую очередь.

Дениз отреагировал сразу. Он встал на пути мужчины, закрывая девушку своим телом — широко расставил ноги, напряг плечи, готовый к любому развитию событий. В его позе читалась неприкрытая враждебность.

— Почему ты тогда ушла, Иса? — не унимался тот, его голос дрожал от сдерживаемых эмоций. — Ничего так и не объяснив?

Сердце девушки слегка защемило. Она узнала Тамиру — те же тёмные глаза, тот же упрямый изгиб губ, тот же шрам над левой бровью. Взгляд её заметался: она то смотрела на юношу, то отводила глаза, не зная, как реагировать. Внутри всё смешалось — обида, радость, недоверие.

— Иса, я хочу поговорить, — не унимался он, делая шаг вперёд.

В его голосе звучала мольба.

Ребята примкнули к Денизу, образуя живую стену, не давая юноше прохода. Их лица были серьёзны, кулаки сжаты — они готовы были защитить девушку любой ценой.

— Да отойди ты! — оттолкнул он Дениза, чего тот, в свою очередь, делать не собирался.

Голос Тамиру сорвался, в нём звучала отчаянная решимость.

— Дениз, — девушка осторожно коснулась плеча брата, её пальцы слегка дрожали. — Всё в порядке, — добавила она тише, почти шёпотом.

— Ты уверена? — спросил он, повернувшись к ней вполоборота.

В его взгляде читалась тревога — он явно не хотел оставлять её наедине с этим человеком.

— Да, — кивнула она твёрдо, хотя внутри всё дрожало.

Немного помедлив, Дениз отступил, неохотно, с явной неохотой. Ребята последовали примеру своего командира, но не расходились — стояли неподалёку, настороженно наблюдая.

— Иса, — шагнул юноша к ней, теперь уже без препятствий.

Его дыхание участилось, а глаза блестели от волнения.

— Тамиру, что ты здесь делаешь? — начала растерянно Дениса. Её голос дрогнул, руки непроизвольно сжались в кулаки.

Юноша взял её лицо в свою ладонь — его пальцы были тёплыми, слегка шершавыми. Он окинул взглядом её лицо, словно пытаясь запомнить каждую черту, и, склонившись к ней, осторожно поцеловал.

— Тамиру, что ты делаешь? — прошептала она, отстранившись от него.

Её щеки залились румянцем, а в глазах стояли слёзы — то ли от обиды, то ли от внезапно нахлынувших чувств.

— Я долго тебя искал, — тихо произнёс он, не отпуская её лица.

В его голосе звучало неподдельное раскаяние.

— Ты сам ушёл, — выпалила она, и в её голосе прорвалась боль, которую она так долго скрывала.

— Я ушёл? Сам? — в его глазах читалось искреннее удивление. Он отступил на шаг, провёл рукой по волосам. — Но я думал... я думал, ты сама этого хотела.

— Ты отказался от меня, — её голос дрожал, но она старалась говорить твёрдо.

— Нам надо поговорить, — не отставал тот, снова приближаясь. — Пожалуйста, Иса. Дай мне шанс всё объяснить.

— Нам не о чем говорить, — отрезала она, но её голос уже не был таким уверенным.

— Иса, — он притянул её к себе, обнял крепко, почти отчаянно, — я не уйду, пока мы не поговорим с тобой. Я слишком долго тебя искал.

Раздув щеки, девушка с шумом выдохнула, пытаясь взять себя в руки. На мгновение она замерла, борясь с противоречивыми чувствами, а затем уткнулась головой в грудь парня, вдыхая знакомый запах его одежды.

— Иса, — прижал он крепко её голову к себе, глядя по волосам. — Прости меня. Я был глупцом.

— Хм, — усмехнулся Остенах, и в его усмешке сквозила не насмешка, а скорее горькое понимание. — А это ведь он — отец её ребёнка, — тихо шепнул он, склонившись к уху Дениза, почти касаясь его волос.

Его голос звучал приглушённо, будто он сам не до конца верил в то, что говорит.

Дениз посмотрел брату прямо в глаза. В его взгляде смешались недоверие, шок и какая-то затаённая тревога.

— С чего ты взял? — поежился он, невольно поёжившись, словно от внезапного холода.

Ладони вдруг стали влажными, а в груди защемило от нехорошего предчувствия.

— Энергия, — коротко объяснил Остенах, не отрывая взгляда от пары вдалеке. — От ребёнка исходит такая же энергия — те же волны, тот же ритм. Да и зовут малыша как?

Дениз застыл, глядя в глаза брата. Его мысли заметались: воспоминания, догадки, обрывки разговоров — всё смешалось в голове. Время будто замедлилось, а воздух вокруг стал гуще.

— Да, — наконец выдавил он, с трудом размыкая губы. — Зовут малыша Тамиру.

— М-гм, — кивнул Остенах, задумчиво потерев подбородок. — А отцом его Люцифер указан.

— О чём ты? Я сейчас не понимаю, — передёрнул плечами Дениз, нахмурившись. Его голос дрогнул, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки. — Как такое возможно?

— Когда только всё это закончится — вот о чём я думаю, — кивнул Остенах, его взгляд стал отстранённым, будто он видел что-то за пределами этой комнаты.

— По-моему, всё только начинается, — шёпотом выдал Манрейхайм, увлекая жестом братьев за собой.

В его глазах читалась усталость, но и твёрдая решимость.

— Оставь их, — пояснил он, поймав встревоженный взгляд Дениза. — Пусть сами разбираются. Им нужно это пройти.

— Ты думаешь? — начал тот неуверенно, переводя взгляд с сестры на Тамиру и обратно.

В груди теснились противоречивые чувства: желание защитить, страх за неё, но и понимание, что иногда нужно дать людям самим найти путь.

— Уверен в этом, — бросил Манрейхайм через плечо, уже отходя.

Его походка была ровной, но Дениз заметил, как напряжены его плечи.

Дениз задержал свой взгляд на сестре — она стояла, опустив голову, а Тамиру замер напротив, ожидая ответа. Он глубоко вздохнул, пытаясь унять волнение, после чего последовал за ребятами. Манрейхайм прав: и как бы сейчас ни хотело его сердце вмешаться, пусть разбираются сами. Вмешиваться он не должен. Но тревога всё равно не отпускала — она сидела где-то глубоко внутри, тяжёлым камнем.

— Иса, ты знаешь, что тот, кого ты оплакивала, жив? — осторожно выпалил Тамиру, делая шаг вперёд.

Его голос дрожал, выдавая волнение, а руки чуть заметно подрагивали. Девушка молчала. Она коснулась ладонью лба, стараясь стряхнуть с себя наваждение, будто пыталась очнуться от долгого сна. Дыхание участилось, а сердце забилось чаще.

— Да, я знаю, — кивнула она наконец, поднимая глаза.

В них читалась смесь боли и облегчения — словно она долго носила эту тайну внутри и теперь ей стало чуть легче.

— Тогда почему вы не вместе? — спросил он, заглядывая ей в глаза.

Его взгляд был напряжённым, полным невысказанной надежды.

Дениса молчала. Ей нечего было сказать ему — слова застревали в горле, а мысли путались. Она чувствовала, как внутри всё сжимается от противоречивых чувств: обида, тоска, но и что-то ещё, что она боялась назвать.

— Иса, — Тамиру коснулся её лица, его пальцы были тёплыми и слегка шершавыми, — если он отказался от тебя...

— Тамиру, — осторожно произнесла она, чувствуя, как к горлу подступает комок.

— Подожди, — твёрдо произнёс он, выпрямляясь. В его голосе прозвучала решимость, которой раньше не было. — Я готов взять тебя в жёны.

Девушка открыла рот, чтобы возразить, но Тамиру опередил её:

— Если он отказался от тебя, — повторил он, глядя ей прямо в глаза, — и вы не вместе, я готов взять тебя в жёны.

Его голос звучал уверенно, но в глубине глаз читалась тревога — он боялся услышать отказ.

— Тамиру, я... — Дениса растерялась.

Её голос дрогнул, а пальцы непроизвольно сжали край куртки — так, что костяшки побелели. Она опустила взгляд, избегая его пристального взора, и на мгновение замерла, словно пытаясь собраться с мыслями. В груди всё сжалось от смеси противоречивых чувств: где-то глубоко теплилась радость, но её заглушала давняя обида, а поверх всего лежал страх снова ошибиться.

— Я ушёл только потому, что он считался твоим мужем, — продолжил Тамиру, делая осторожный шаг ближе. Его голос звучал искренне, почти умоляюще. — Но если он... если всё изменилось...

Он замолчал, не договорив, и в этой тишине стало слышно, как учащённо бьётся сердце Денисы. Она почувствовала, как жар приливает к щекам, а дыхание сбивается.

— Всё не так просто, Тамиру, — наконец произнесла она, поднимая глаза.

В её взгляде читалась боль, которую она так долго скрывала, и какая-то отчаянная надежда, будто она сама не верила, что может вот так просто открыться.

— Тогда объясни мне — я пойму, — твёрдо сказал Тамиру.

Он не отводил взгляда, его глаза были полны неподдельного участия и готовности выслушать. В них не было ни упрёка, ни давления — только искреннее желание разобраться, помочь, быть рядом.

Девушка посмотрела ему прямо в глаза. На секунду ей показалось, что время остановилось: вокруг всё затихло, остались только они вдвоём и этот напряжённый, полный смысла взгляд. Она глубоко вздохнула, будто набираясь смелости, после чего кивнула в знак согласия. В этом кивке было и доверие, и робкая готовность сделать шаг навстречу.

Тамиру жестом предложил ей пройти — мягко указал в сторону тихой аллеи, обсаженной серебристыми кустами с нежными голубыми цветами. Его рука слегка дрогнула, прежде чем он опустил её, и Дениса заметила это — едва уловимое движение выдавало его волнение.

Дениса ещё раз кивнула, заливаясь краской смущения. Румянец разливался по щекам, спускался к шее, и она невольно коснулась её ладонью, будто пытаясь унять жар. Её губы дрогнули в неуверенной улыбке, а в глазах заблестели слёзы — не от горя, а от того странного, пронзительного чувства, когда что-то давно разбитое начинает медленно, осторожно восстанавливаться.

Они двинулись вперёд, и первые шаги дались ей тяжело — словно она шла по тонкому льду, боясь оступиться. Но с каждым шагом дыхание становилось ровнее, а сердце билось уже не так отчаянно. Тамиру шёл рядом, чуть позади, давая ей пространство, но оставаясь достаточно близко, чтобы она чувствовала его поддержку.

Дениса не собиралась ничего скрывать. Тёплый ветерок шевелил пряди её волос, а где-то вдалеке слышался шум города, но здесь, в парке, было тихо и уединённо. Она понимала, что сейчас готова ему рассказать о сыне и вообще довериться полностью — впервые за столь долгое время.

— Почему вы не вместе? — начал осторожно он, внимательно вглядываясь в её лицо.

Девушка поёжилась, обхватив себя руками, будто пытаясь защититься. Разговор был не из приятных, но объясниться надо — слишком долго она молчала.

— Так получилось... — её голос дрогнул, и она отвела взгляд в сторону, разглядывая опавшие листья под ногами.

— Он знает о том, что ты жива? — в голосе Тамиру звучала неподдельная тревога.

— Нет, — резко ответила Дениса, и в её глазах мелькнула боль. — Он потерял память и ничего не помнит.

— Даже тебя? — Тамиру приподнял брови, невольно сделав шаг ближе.

— Да, — кивнула она, сглотнув ком в горле. — И меня тоже.

— Ну как же так... — Тамиру растерялся, провёл рукой по волосам, словно пытаясь собраться с мыслями.

— Михаил сказал, что он должен вспомнить всё сам, иначе... — девушка вздохнула, её плечи поникли, а пальцы нервно теребили край куртки.

— Иначе он сойдёт с фиксации ума, — закончил за неё Тамиру, и в его взгляде читалось искреннее сочувствие.

— Да, — она посмотрела ему прямо в глаза, и на мгновение в её взгляде отразилась вся тяжесть пережитых лет. — И я не знаю, что будет, когда он вспомнит меня.

— Если, — осторожно поправил её Тамиру, мягко коснувшись её руки, — он вспомнит тебя.

Дениса промолчала в ответ, чувствуя, как внутри всё сжимается от противоречивых чувств.

Какое-то время они шли молча, неторопливо ступая по усыпанной листьями дорожке. Она понимала, что Тамиру отчасти прав. «Если вспомнит...» — мысленно повторила она, и в глубине души теплилась робкая надежда, словно слабый огонёк в темноте.

— Ты не представляешь, — начал Тамиру, его голос стал тише, проникновеннее, — как я жалел тогда, что отступил. Я пытался забыть тебя, но та ночь не даёт мне покоя. Каждый раз, закрывая глаза, я вижу твой взгляд...

— Тамиру, — девушка закрыла лицо ладонями, чувствуя, как жар стыда заливает щёки. — Я не хочу вспоминать ту ночь. Боже, как стыдно!

— Ну вот, чтобы тебе не было больше стыдно, — он накрыл её ладони своими, его прикосновения были тёплыми и уверенными, — будь моей женой.

Дениса растерялась. Её сердце забилося чаще, она судорожно сглотнула и облизала пересохшие губы, пытаясь собраться с мыслями. Мир словно замер на мгновение.

— Выходи за меня, — повторил он, глядя на неё с такой искренностью, что у неё перехватило дыхание.

— Да, но я... — её голос сорвался, она опустила глаза, не в силах выдержать этот пронзительный взгляд.

— Иса, — он шагнул к ней, и лёгкая улыбка коснулась его губ, придавая лицу удивительно нежное выражение.

— Я не могу, — шепнула она, чувствуя, как к горлу подступают слёзы. — И я не свободна. Ты же знаешь. Я жена чужого мужа... Как я смею...

— А если бы, — начал он и, сделав небольшую паузу, продолжил, пристально глядя ей в глаза, — если бы всё было по-другому, при других обстоятельствах, ты бы осталась со мной?

В его голосе звучала такая надежда, что у Денисы защемило сердце.

— Я не знаю, — выпалила она, её голос дрогнул, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки. — Мои чувства к нему никуда не делись. Я не могу ответить на твой вопрос.

В её глазах читалась искренняя мука — борьба между долгом и давней привязанностью.

— Ну если бы, Иса... — не унимался он, шагнув ближе и осторожно коснувшись её плеча.

В его взгляде светилась такая надежда, что у Денисы защемило сердце.

— У меня нет ответа на твой вопрос, Тамиру. Извини, — девушка отвела взгляд в сторону, стараясь скрыть слёзы, подступившие к глазам.

Её плечи слегка дрожали, а дыхание стало прерывистым.

Они подошли к небольшому пруду в конце аллеи. Поверхность воды мерцала в свете фонарей, отражая россыпь звёзд, а по краям плавали листья, словно крошечные кораблики. Лёгкий ветерок шевелил ветви деревьев, шелестя листвою.

— У тебя что-то было с Тамерлоу? — осторожно спросил он, и в его голосе прозвучала затаённая боль.

Он старался говорить ровно, но пальцы невольно сжались.

— Да, — кивнула девушка, опустив глаза.

Её голос прозвучал едва слышно, почти шёпотом.

В глазах парня пробежали искры боли и досады. Он на мгновение замер, словно пытаясь осознать услышанное, а затем резко выдохнул, сжимая челюсти.

— Он приходил ко мне на Земле, — добавила она, чувствуя, как внутри всё сжимается от вины.

Тамиру стиснул зубы. Он закинул голову назад и тяжело вздохнул, глядя в тёмное небо, усыпанное звёздами. Его грудь вздымалась от глубоких вдохов, будто он пытался взять себя в руки.

— Хорошо, — кивнул он наконец, стараясь говорить спокойно, но в голосе звучала горечь. — Я тебя понял.

Тамиру развернулся и пошёл прочь вдоль аллеи, его шаги звучали глухо на усыпанной опавшими листьями дорожке. Плечи его были напряжены, а спина казалась непривычно прямой — будто он держал себя из последних сил.

— Тамиру... — Дениса растерялась, её рука невольно потянулась вслед за ним, но тут же безвольно опустилась.

Она разочарованно посмотрела ему вслед, чувствуя, как в груди разливается тяжесть. «Ну что ж, возможно, так даже лучше», — подумала девушка, пытаясь убедить себя, что поступила правильно.

Дениса повернулась к водоёму, вдыхая ночную свежесть, наполненную ароматами влажной земли и цветущих кустов. Она закрыла глаза и прислушалась к всплескам рыб и пению ночных цикад — эти звуки успокаивали, возвращая к реальности.

Дениса расслабилась. Ситуация последних дней её напрягала — постоянные тревоги, неопределённость, груз прошлого. Надо было отвлечься от будничных проблем, хотя бы на мгновение.

Она услышала тихие шаги позади себя — мягкие, осторожные. Девушка хотела обернуться, но не успела.

Мужские ладони накрыли её грудь и прижали к себе. Дыхание спёрло от неожиданности. Дениса широко открыла глаза, но произнести не смогла ни слова — сердце забилося так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

— Думаешь, я уйду? — с жаром зашептал на ухо Тамиру, его дыхание щекотало кожу, а голос звучал хрипло и взволнованно.

Он наклонил её к себе. Дениса почувствовала, как теряет равновесие, но вместо паники ощутила странное тепло, разливающееся по телу.

— Ты правда думаешь, я оставлю тебя? — прошептал он с блеском в глазах, в которых теперь горела решимость.

Его пальцы осторожно коснулись её подбородка, заставляя посмотреть на него.

Девушка растерялась. Она слушала его, затаив дыхание, чувствуя, как дрожь пробегает по спине. В груди разливалась волна противоречивых чувств — страх, волнение, и где-то глубоко внутри — радость.

— Больше я не отступлю, — он прижал её к себе и поцеловал.

Сначала Дениса постаралась отстраниться от него, её ладони упёрлись в его грудь, но сопротивление было слабым, почти формальным. Тамиру почувствовал это и улыбнулся в поцелуй, крепче обнимая её за талию.

Однако сдаваться он не собирался — а, наоборот, ещё сильнее сомкнул свои объятия, прижимая её к себе так, будто боялся, что она исчезнет.

Сопротивление девушки ослабло, и она ответила на его поцелуй. Её руки медленно скользнули вверх, обнимая его за шею, а в голове промелькнула мысль: «Может быть, это и есть шанс начать всё сначала?»

— Я буду ждать тебя, — прошептал Тамиру, и в его голосе прозвучала такая искренняя уверенность, что у Денисы защемило сердце.

Он запустил пальцы в её волосы — осторожно, почти благоговейно, — и притянул к себе. Его прикосновение было тёплым и надёжным, а взгляд — глубоким и проникновенным, словно он пытался запечатлеть в памяти каждую черту её лица.

— Тамиру, мне надо тебе сказать, — выдохнула она, чувствуя, как ладони стали влажными от волнения. Она понимала, что если не сейчас, то значит, никогда. Её сердце забилося сильнее, отдаваясь гулкими ударами где-то в горле, а дыхание участилось. — У меня сын...

— Да, я знаю, — кивнул он спокойно, но в глазах мелькнуло что-то, чего она не смогла распознать — то ли облегчение, то ли затаённая грусть.

— Знаешь? — девушка слегка округлила глаза, её брови удивлённо приподнялись, а губы слегка приоткрылись. — Значит, Миру сказал тебе?

— Да, Миру сказал мне, что у тебя есть сын, — подтвердил Тамиру, мягко улыбнувшись. — Только ребёнок для меня не помеха, Иса. Если он отказался от вас, я приму вашего сына как своего.

В его голосе звучала неподдельная искренность, а взгляд был твёрдым и решительным.

— Да, но, Тамиру... — растерялась Дениса, понимая, что он о своём сыне ничего не знает.

Её пальцы непроизвольно сжались, а в груди защемило от противоречивых чувств. Она хотела всё объяснить, но слова будто застряли в горле.

— Я буду ждать тебя столько, сколько потребуется, Иса, — продолжал он, и его голос стал ещё мягче, но в нём звучала стальная решимость. — Ты найдёшь меня в баре.

Девушка покраснела — румянец залил её щёки, распространяясь до самых ушей. Она опустила глаза, чувствуя, как внутри всё трепещет от смеси страха и робкой надежды.

— В нашем баре, — повторил он, чуть наклонившись к ней и коснувшись кончиками пальцев её подбородка, заставляя посмотреть ему в глаза. — Я буду ждать тебя.

Поцеловав её ещё раз — нежно, но настойчиво, — Тамиру зашагал прочь. Он знал: если не уйдёт сейчас, то тогда он не уйдёт никогда. Его шаги сначала были уверенными, но постепенно замедлялись, будто ноги не хотели уносить его прочь. А удерживать силой её он не мог — это противоречило всему, во что он верил. Она должна сама решить — остаться с ним или же уйти.

Тамиру не подозревал в этот момент, что из номера напротив за ними наблюдал его отец. Старик стоял у окна, скрестив руки на груди, и хмуро следил за происходящим. Его губы были плотно сжаты, а в глазах читалось неодобрение. Он медленно покачал головой, будто говоря самому себе: «Опять эти глупости...» Затем отступил вглубь комнаты, растворяясь в полумраке.

— Ты узнал о девушке, как я тебя и просил? — не отрываясь от окна, спросил Тамир своего помощника, когда тот вошёл.

Его голос звучал ровно, но пальцы невольно сжались на подоконнике, выдавая внутреннее напряжение.

— Да, — кивнул тот, стараясь не встречаться взглядом с господином. — Она каждый вечер летает на Землю.

— На Землю? — Тамир резко повернулся к помощнику и завёл руки за спину, брови его удивлённо приподнялись.

В глазах мелькнуло что-то неуловимое — то ли недоверие, то ли затаённая надежда.

— Да, — подтвердил тот, чуть понизив голос. — Каждый вечер улетает и утром возвращается. Точно по расписанию, будто часы.

— Интересно, что её заставляет летать туда и обратно? — Тамир задумчиво провёл рукой по подбородку, взгляд его стал рассеянным, словно он уже где-то далеко.

— Дети, — коротко бросил помощник, глядя в пол.

— Дети? — удивился Тамир, перебирая чётки.

Пальцы на мгновение замерли, а глаза расширились от неожиданности.

— Да, дети — сыновья: полтора года и три месяца, — уточнил помощник, чуть помедлив.

— Три месяца... — повторил Тамир и замер.

Лицо его на миг окаменело, дыхание сбилось, а в груди что-то болезненно сжалось. Он медленно прикрыл глаза, будто пытаясь осмыслить услышанное.

— Что-то не так, господин? — осторожно поинтересовался помощник, невольно делая шаг назад.

В его голосе звучала неподдельная тревога.

— Сбрось мне её координаты, — глухо бросил Тамир.

Голос его дрогнул, но он тут же взял себя в руки, выпрямился и сжал кулаки за спиной.

— Уже, — кивнул тот. — Уже сбросил. Не понимаю, правда, зачем вам это... — добавил он едва слышно, нервно теребя край рукава.

Тамир только передёрнул плечами. Он не собирался посвящать в свои мысли постороннего человека. В груди бушевала буря чувств: радость смешивалась с горечью, надежда — с тревогой.

— Я могу быть свободен? — неуверенно спросил помощник, бросая осторожный взгляд на господина.

— Да, ты можешь быть свободен, — произнёс Тамир отстранённо.

Его взгляд уже снова был устремлён в окно, за которым раскинулся сумеречный город, окутанный лёгкой дымкой.

Помощник тихо вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь. Тамир остался один. Он подошёл ближе к стеклу, прислонился лбом к прохладной поверхности и глубоко вздохнул.

— Значит, пришло время познакомиться с внуком, — загадочно произнёс он, не отрываясь от окна.

Губы его тронула едва заметная улыбка — робкая, неуверенная, но полная тепла. В глазах заблестели искорки, которых не было уже много лет.

— Ирма, — Дениса вбежала в комнату, торопливо стягивая на ходу куртку и тяжело дыша от спешки. — Как вы тут?

— Вредничаем, — с тёплой улыбкой ответила Ирма, нежно покачивая малыша на руках. Её голос звучал успокаивающе, а движения были плавными и размеренными.

— А Шанкри?

— Шанкри уже спит, — мягко ответила Ирма, кивая в сторону колыбели, укрытой лёгким кружевным покрывалом.

— Хорошо, — Дениса с облегчением вздохнула и бережно взяла на руки сына. Она прижала его к груди, вдохнула едва уловимый запах детской кожи и едва заметно улыбнулась. — Ты можешь идти отдыхать, Ирма.

— Вы останетесь? — осторожно поинтересовалась женщина, глядя в лицо Денисы. В её глазах читалась неподдельная забота.

— Да, — кивнула Дениса, и в её взгляде мелькнула тень усталости. — Я буду здесь до утра, как обычно.

Ирма удалилась к себе, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Девушка опустилась в мягкое кресло у камина, где потрескивали дрова, отбрасывая тёплые блики на стены. Она дала малышу грудь и нежно поправила прядь волос, упавшую ему на лоб.

— Ты мой сладкий, — шептала она, осторожно касаясь губами маленького личика. Её голос дрожал от переполнявших чувств. — Сыночек мой, моя клеточка...

Внезапно девушка резко повернулась, словно почувствовала чьё-то присутствие — по спине пробежал холодок, а сердце на мгновение замерло.

В дверях стоял достаточно высокий мужчина, крупный в плечах, в строгом чёрном костюме. В полумраке комнаты его силуэт казался почти зловещим. Он смотрел на неё немигающим взглядом, а пальцы ритмично перебирали чётки в руках — монотонный звук слегка нарушал тишину.

Девушка попыталась встать, но ноги подкосились от внезапного волнения. Появление чужака в столь поздний час было неожиданным для неё, и по телу разливалась дрожь.

— Не бойся меня, — тихо произнёс он, делая шаг ближе.

Его голос был глубоким и спокойным, но в нём угадывалась властная сила.

Дениса инстинктивно прижала сына к себе, прикрывая его рукой, будто пытаясь защитить. В груди нарастала тревога, но она старалась сохранять самообладание.

— Может, вы подождёте, пока я покормлю ребёнка? — осторожно начала она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Взгляд её метался между незнакомцем и малышом.

— Ты мне не мешаешь, — чуть слышно произнёс он.

Его глаза, казалось, проникали в самую душу, изучая, оценивая.

В ответ девушка только приподняла брови, в замешательстве пытаясь понять, чего ждать от этого человека.

— Знакомиться с моим внуком, — тем же ровным тоном договорил мужчина.

Он медленно наклонился и осторожно коснулся широкой ладонью головы мальчика. Движение было почти отеческим, но Дениса всё равно напряглась.

— Внуком? — переспросила она, и её глаза расширились от изумления.

В груди защемило от внезапной догадки.

— Да, — подтвердил он, не отрывая взгляда от малыша.

— Так вы... так вы... — начала Дениса и осеклась, не в силах подобрать слова.

Мысли путались, а дыхание участилось.

— Я отец Тамиру, — произнёс мужчина твёрдо, но без угрозы.

Дениса вздрогнула, и на мгновение ей показалось, что пол уходит из-под ног. В голове пронеслось множество воспоминаний, вопросов, страхов.

— Да ты не бойся, я не ругаться к тебе приехал, — мягко произнёс мужчина, и в его голосе впервые прозвучала теплота.

Девушка молчала, пытаясь прийти в себя. Перед ней стоял один из главных кадиев Сириуса — человек, чьё имя внушало уважение и трепет. Она не знала, как себя вести с ним: то ли склонить голову в почтении, то ли защищаться, отстаивая своё право на спокойствие.

Словно чувствуя обстановку, малыш перестал есть. Он молча перебирал свои пальчики, ловя взглядом знакомые силуэты, и тихонько вздохнул, прижимаясь к матери. В этом невинном движении было столько доверия, что у Денисы защемило сердце.

Девушка не сводила с гостя глаз, её взгляд был настороженным, но в глубине души просыпалось любопытство. Она пыталась прочесть в чертах его лица намерения, но оно оставалось спокойным и почти безмятежным.

— Позволишь? — начал Тамир и замолчал, на мгновение замявшись.

В его глазах мелькнуло что-то непривычное — робкая просьба, почти мольба. Ему очень захотелось взять малыша на руки, ощутить тепло маленького тельца, увидеть вблизи черты внука.

Дениса молча кивнула, сглотнув ком в горле. Её пальцы на мгновение сильнее сжали плечи ребёнка, прежде чем она, немного помедлив, осторожно передала его в руки Тамира. Движения были медленными, осторожными — будто она всё ещё не до конца доверяла ситуации.

Вглядываясь в лицо малыша, Тамир просветлел. На его суровых чертах появилась едва заметная улыбка, а в глазах заблестели слёзы, которые он тут же моргнул, стараясь скрыть. Он подошёл к окну, словно показывая внука рассвету: первые лучи солнца мягко коснулись лица ребёнка, озарив его золотистым светом.

Дениса следила за ним, затаив дыхание. Её сердце билось часто и неровно. Она не знала, чего ожидать от гостя дальше: останется ли всё так, как есть, или же он предъявит права на внука, изменит её жизнь в один миг. Ладони невольно вспотели, а в груди нарастало странное чувство — смесь тревоги и робкой надежды.

— Не бойся, — спокойно произнёс Тамир, не отрывая взгляда от малыша. Его голос звучал так мягко, как будто он разговаривал не с взрослой женщиной, а с испуганным ребёнком. — Я не причиню зла ни тебе, ни малышу.

Дениса выдохнула, и напряжение, сковывавшее её тело, понемногу стало отпускать. Его слова успокоили её, словно кто-то накинул на плечи тёплый плед в холодный вечер. Она ослабила сжатые кулаки и слегка опустила плечи.

— Я очень пожалел, — продолжал Тамир, всё так же смотря в окно. Его голос дрогнул на последнем слове, а пальцы слегка сжали крохотную ручку внука. — О том, что вмешался тогда. Надо было всё оставить как есть и не вмешиваться в ваши отношения.

Тамир сделал паузу, словно подбирая слова. Он медленно провёл ладонью по волосам малыша, будто запоминая каждое мгновение.

Дениса слушала молча, заламывая руки. Такое признание ошеломило её больше, чем предложение Тамиру. В груди защемило, а к горлу подступил комок. Она с трудом сглотнула, пытаясь собраться с мыслями.

— Но ты была женой другого мужа, — повернулся он к ней.

Его взгляд стал тяжёлым, в нём читалась давняя боль.

Девушка отступила на шаг назад, почувствовав всё величие его энергии — словно невидимая волна силы исходила от него, заставляя воздух вокруг сгуститься.

— И я не мог, — продолжал он, и в его голосе прозвучала горечь, — позволить своим сыновьям стать между вами.

— А сейчас? — решила она задать вопрос, и её голос чуть дрогнул. — Сейчас разве что-то изменилось?

Тамир посмотрел в её широко открытые глаза и улыбнулся — грустно, но искренне. В этой улыбке было столько невысказанного, что у Денисы защемило сердце.

— Я ведь и сейчас жена другого мужа, — тихо выдала она и опустила глаза в смущении, чувствуя, как щёки заливают румянец.

— Мужа, который тебя не помнит, — чуть слышно произнёс он.

Его голос был тихим, но в нём звучала глубокая печаль.

Дениса коснулась лба ладонью: разговор смущал её, будоражил старые раны. Но уже такого страха, как в начале, она не испытывала. Вместо него появилось что-то другое — понимание, сочувствие.

— Я уже потерял одного сына, девочка, — с тоской в голосе произнёс он.

В его глазах отразилась боль, которую он носил в себе годами.

Дениса невольно поёжилась. Она слегка нахмурила лоб, пытаясь подобрать слова, чтобы утешить его, но не находила их.

— Ну как же... — начала она, её голос дрожал. — Я же видела...

— Миру не разговаривает со мной с того самого дня, — перебил Тамир.

Его плечи чуть опустились, а голос стал глуше, словно он снова переживал тот момент.

Девушка опустила глаза, не в силах выдержать взгляд Тамира. В его глазах не было колкостей, но читалась такая глубина боли и страха, что по спине Денисы пробежал холодок, а дыхание на мгновение перехватило. Она почувствовала, как внутри всё сжалось от сочувствия — перед ней стоял не властный кадий, а измученный отец, терзаемый грузом собственных решений.

— Он ушёл из дома и никому не говорит, где остановился, — продолжил Тамир, и голос его слегка дрогнул. — Ушёл с того самого дня, когда я заставил его отказаться от тебя.

Дениса посмотрела на него широко открытыми глазами. В груди защемило: она вдруг отчётливо представила, каково это — потерять связь с собственным ребёнком из-за ошибки, которую уже не исправить. Её пальцы непроизвольно сжались на подлокотнике кресла.

— На тот момент я так и думал, что всё делаю правильно, — продолжал Тамир.

В его голосе звучала горькая усмешка, а взгляд устремился куда-то вдаль, словно он снова видел тот роковой день.

Она вспомнила фигуру в окне отеля напротив водоёма Алли-Звёзд. Он стоял — высокий, статный и властный, скрестив руки на груди. Тогда он казался ей неприступной скалой, воплощением абсолютной власти. Но сейчас перед ней был просто человек — уставший, израненный, с тенью отчаяния в глазах.

— Я не хочу потерять своего второго сына, — с хрипотцой произнёс Тамир.

Его голос дрогнул, а пальцы на мгновение сжались в кулаки, будто он пытался сдержать рвущиеся наружу эмоции.

Девушка опустила глаза, чувствуя, как внутри борются противоречивые чувства: страх, сочувствие, растерянность и — где-то глубоко — робкая надежда.

— Да, но... — наконец решилась она, слегка запинаясь. — С чего вы взяли, что Тамиру...

— Я видел вас, — властно оборвал её отец.

Его взгляд стал пронзительным, но в нём больше не было угрозы — только глубокая, искренняя забота.

Дениса сжалась, словно преступление совершила. Щеки залила краска стыда, а ладони невольно вспотели. Она опустила голову, избегая его взгляда.

— Сегодня, — уже тихо добавил Тамир. — Я видел вас.

— Да, но...

— Я видел, как мой сын смотрит на тебя, — тем же тоном заключил он, но теперь в его голосе прозвучала теплота. — На этот раз я не буду вмешиваться, девочка. Решать... решать тебе.

Дениса опустила взгляд. Слова Тамира заставили её сердце биться чаще — то ли от волнения, то ли от зарождающейся надежды. В груди разливалась странная смесь чувств: облегчение, тревога и робкое предвкушение чего-то нового.

Взмахнув ресницами, она подняла на него свои глаза. Взгляд её был одновременно испуганным и решительным. Вопрос созрел моментально, сорвался с губ почти против воли:

— А если я не приму вашего сына как мужа, тогда что? Что будет?

— Ты всё равно останешься матерью моего внука, — ответил Тамир спокойно, но в его голосе прозвучала неподдельная теплота. Он сделал шаг вперёд и мягко добавил: — И для меня ты уже часть семьи.

Девушка замолчала, переваривая услышанное. В горле встал ком, а в глазах зашипало. Она не ожидала такой откровенности, такой доброты от человека, которого всегда считала холодным и непреклонным.

— Я не смею просить тебя... — начал он после небольшой паузы, и в его голосе впервые прозвучала почти мольба. — Единственное, о чём я прошу, — позволить мне видеться с моим внуком. Большого я пока просить тебя не смею.

— А как же... — Дениса слегка поморщилась, пытаясь сформулировать мысль. Её голос дрожал, а взгляд метался между лицом Тамира и спящим малышом. — То, что вы сейчас сказали... Это всё так неожиданно...

— Решать тебе, — он посмотрел ей прямо в глаза, и на этот раз в его взгляде не было ни давления, ни власти — только искренность и ожидание. Он повторил мягко, почти шёпотом: — Решать тебе.

Проводив Дениза, Михаил тяжело вздохнул — глубоко, протяжно, будто сбрасывая с плеч невидимый груз и одновременно пытаясь стереть из памяти только что закончившийся разговор. Воздух казался гуще и тяжелее обычного, и каждый вдох давался с усилием. Он поставил руки на бока и откинул голову назад, раздув щёки в долгом, медленном выдохе — почти театрально, для самого себя, изображая крайнюю степень усталости.

«Ну наконец-то тишина», — подумал он с явным облегчением, уже предвкушая минутку покоя. В этот момент ему казалось, что весь мир замер, давая передышку, а напряжение поне-многу отпускало тело. Михаил даже прикрыл глаза на секунду, наслаждаясь тишиной...

Но она продлилась недолго. Сначала он уловил знакомый звук шагов за спиной, а затем тихо скрипнула дверь. Михаил резко обернулся и краем глаза уловил знакомое движение у входа.

— Я хотел тебя кое с кем познакомить, — начал осторожно Михаил, мягко положив руку на плечо Люцифера и внимательно вглядываясь в его лицо, словно пытаясь предугадать реакцию.

— Я не готов с кем-либо знакомиться, — также осторожно начал Люцифер, делая шаг назад и слегка отводя взгляд.

Его голос звучал сдержанно, но в глубине глаз читалась настороженность, почти тревога.

— Люцифер... — шагнул к нему Михаил, его лицо выражало искреннюю заботу, а брови слегка сдвинулись к переносице.

Он явно пытался подобрать правильные слова.

— Михаил, я очень благодарен тебе за заботу, — Люцифер выпрямился, стараясь говорить твёрдо, но в его голосе проскальзывали нотки усталости, — только знакомиться я ни с кем не буду. Ни сейчас, ни позже.

— Я так понимаю, — не унимался Михаил, слегка наклонив голову и пристально глядя на собеседника, — вы уже познакомились?

В его тоне промелькнула едва заметная надежда.

— Не понимаю, о чём ты? — нахмурился Люцифер.

Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки, а на лбу проступила тонкая морщинка — признак внутреннего напряжения.

— Девушка, которую ты сегодня спас... — Михаил сделал небольшую паузу, внимательно наблюдая за реакцией Люцифера, и понизил голос почти до шёпота.

Люцифер развёл руками, плечи его слегка опустились. Разговор с Михаилом напрягал его всё сильнее — он чувствовал, как внутри нарастает волна беспокойства, а дыхание становится чуть более частым. Он нервно провёл рукой по волосам.

— Ты не понял меня, — продолжал Михаил, шагнув ещё ближе и говоря медленно, отчётливо, будто хотел донести до Люцифера что-то крайне важное. — Это твоя сестра. Денница!

Люцифер нахмурился, на мгновение замер, словно время вокруг него остановилось. В его глазах отразилась целая буря эмоций: сначала недоверие, затем шок, а следом — робкая, почти неуловимая искра надежды, которую он тут же попытался подавить. Он приоткрыл рот, будто собираясь что-то сказать, но слова застряли в горле.

— Денница! — Люцифер удивлённо вскинул бровь, в его голосе прозвучало неподдельное изумление.

Он слегка отступил назад, будто пытаясь дистанцироваться от внезапно обрушившейся на него информации, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

— Да, — кивнул Михаил, пристально наблюдая за реакцией брата. Его голос звучал ровно, но в глубине глаз читалась тревога. — Денница — твоя сестра.

— Ты что-то путаешь, Михаил, — растерялся Люцифер. Он провёл рукой по лицу, словно пытаясь стряхнуть наваждение. — Я не понимаю... Мне кажется, когда-то всё было немножечко не так. В памяти будто зияет огромная дыра — я не могу ухватить то, что должно быть очевидным.

— Я тоже не понимаю, о чём ты, — начал Михаил, в надежде, что сейчас его версия пройдёт, и память брата не откроется на данный момент — ни к месту и не ко времени.

Он невольно сжал край своего одеяния, выдавая внутреннее напряжение.

Люцифер поставил руки на бока, его поза выдавала нарастающее напряжение. Он сделал глубокий вдох, пытаясь собраться с мыслями, а затем медленно выдохнул — но это не помогло унять бурю эмоций внутри.

— Ты же знаешь, — продолжил Михаил чуть мягче, внимательно следя за реакцией брата, — существует проект первых.

Люцифер теперь молчал. Его взгляд говорил сам за себя: в нём читались недоверие, растерянность и отголоски каких-то смутных воспоминаний. Он прищурился, будто пытался разглядеть что-то вдаль — или, скорее, где-то глубоко внутри себя.

— Надеюсь, ты помнишь, — продолжал Михаил, подбирая слова с особой осторожностью, — каждый сотворённый в новой системе мира является первым в своём роде.

Его голос стал тише, почти шёпотом, словно он делился сокровенной тайной.

Не выдержав сверлящего взгляда старшего брата, Люцифер кивнул. Он решил признать сказанное им — не доверять Михаилу смысла не было, хотя внутри всё протестовало против этой идеи. В груди нарастало странное ощущение: будто какая-то часть его отчаянно пыталась прорваться наружу, напомнить о забытом.

— Ну вот, — поймав едва заметную мягкость во взгляде собеседника, Михаил продолжал, стараясь не спугнуть хрупкое доверие. — Созданная по твоему образу и подобию в системе Зари и есть ряд первых.

Он сделал паузу, давая брату время осмыслить сказанное.

Люцифер передёрнул плечами. Внутри него всё говорило о том, что сейчас всё не совсем так, как ему объясняют. Он ощущал, как в сознании мечутся обрывки воспоминаний — будто фрагменты разбитого зеркала, которые никак не получается собрать воедино. Только поделаться он ничего не мог — своё прошлое он вспоминал с трудом, почему-то. Несмотря на все уверения Михаила, память к нему не возвращалась. Получается, не доверять старшему брату сейчас он не мог.

— Хорошо, — Люцифер судорожно сглотнул, пытаясь унять внутреннюю дрожь. Он на мгновение прикрыл глаза, словно собираясь с силами. — Только почему я раньше о ней ничего не слышал? — тихо начал он, в его голосе звучала искренняя растерянность, почти отчаяние.

Михаил опустил глаза. Он знал, что по его взгляду Люцифер может прочитать правду, а правду говорить он сейчас не мог — это могло всё разрушить. Его пальцы слегка дрогнули, а на лбу проступила едва заметная испарина. В груди тяжело давило от необходимости лгать тому, кого он искренне любил и хотел защитить.

В тот же миг его плечи невольно напряглись, а мышцы мгновенно окаменели. В груди что-то ёкнуло, внутри всё сжалось, ладони невольно вспотели, а на лбу выступила испарина. Он растерянно моргнул, пытаясь осмыслить неожиданную встречу, и на мгновение застыл, растерянно хлопая ресницами. Взгляд невольно метнулся к выходу, оценивая пути отступления, а затем Михаил машинально провёл рукой по волосам, пытаясь собраться с мыслями.

Он тихо выругался про себя и криво усмехнулся: «Ну конечно. Кто бы сомневался». Но за этой ироничной усмешкой скрывалась тревога — что теперь?

— Отец ждёт тебя, — начал Михаил, его голос звучал ровно, но в глазах читалась настороженность.

Он стоял в дверном проёме, слегка опираясь на косяк, и внимательно наблюдал за реакцией Люцифера.

Люцифер приподнял брови, в его взгляде мелькнуло недоумение. Он медленно оторвался от книги, которую листал, и отложил её в сторону, всем видом показывая, что не предвкушает предстоящий разговор.

— У нас сегодня гости, — продолжал Михаил, делая шаг внутрь комнаты. — Отец планирует вечер в честь приезда его дочери... твоей сестры.

При этих словах он чуть понизил голос, словно сам не до конца верил в то, что говорит.

— Михаил, — вошёл Габриэль, прерывая разговор. Его дыхание было чуть сбившимся, будто он спешил. — Дениз сказал: Рада уже уехала.

Габриэль замолчал, увидев круглые от удивления глаза Люцифера. На мгновение в комнате повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь тиканьем старинных часов в углу.

— Да, — кивнул Михаил, — я в курсе.

Его лицо оставалось невозмутимым, но пальцы слегка сжались в кулак — едва заметный признак внутреннего напряжения.

— Только не говори, что... — начал неуверенно Габриэль, его голос слегка дрогнул.

Он нервно провёл рукой по волосам, взгляд метался между братьями.

— С моего разрешения, — так же невозмутимо кивнул Михаил, сохраняя абсолютное спокойствие.

Однако в глубине его глаз промелькнуло что-то, напоминающее вызов.

Габриэль замолчал. Он переводил взгляд с Михаила на Люцифера и обратно, явно колеблясь — стоит ли продолжать разговор. Его плечи слегка опустились, а пальцы непроизвольно тербли край рукава.

— Рада... Это у нас кто? — осторожно начал Люцифер, слегка наклонив голову и пристально глядя на братьев.

Его голос звучал спокойно, но внутри всё сжалось от странного предчувствия. Он чувствовал, что между братьями нависла какая-то тайна — воздух словно наэлектризовался от невысказанных слов. В груди нарастало неприятное ощущение, будто он стоит на краю пропасти и вот-вот сделает шаг вперёд.

— Девушка, которую ты сегодня спас, — как бы между прочим бросил Габриэль, слегка пожав плечами. Но его взгляд на мгновение метнулся в сторону, выдавая, что он не так равнодушен, как пытается показать.

Люцифер поставил руки на бока, его поза стала более напряжённой. Мышцы плеч напряглись, а на шее проступила тонкая жилка. Он глубоко вдохнул, пытаясь унять внезапную дрожь в пальцах.

— Это она... — тихо произнёс он, растягивая слова.

Его глаза расширились, в них отразилась целая буря эмоций: сначала недоверие, затем удивление, а следом — настороженность. Люцифер молчал. Ему было интересно, как будут дальше разворачиваться события. Сейчас он чувствовал во всём какой-то подвох — интуиция подсказывала, что дело не так просто, как кажется на первый взгляд. В голове роились вопросы, но он сдерживал их, ожидая, что братья скажут дальше. Его пальцы слегка подрагивали, а взгляд то и дело возвращался к Михаилу, словно пытаясь прочесть правду в его непроницаемом лице.

— Что? Тяжело тебе?! — съязвил Габриэль.

Его голос прозвучал резко, с едкой насмешкой, а в глазах сверкнула злорадная искра. Он скрестил руки на груди, явно наслаждаясь моментом.

— Да, тяжело! — Михаил резко обернулся к брату, и в его обычно спокойном взгляде вспыхнула досада.

— А я говорил тебе: прежде чем привезти девочку сюда, надо было всё исследовать. Он не мог на неё по-другому среагировать, и ты это знаешь. Но нет же — ты у нас самый умный. У тебя же всё под контролем, да? — в последних словах прозвучала горькая ирония, почти сарказм.

Михаил невозмутимо повернулся к брату и не менее невозмутимо произнёс по слогам, чеканя каждое слово:

— За-тк-нись!

Его голос был тихим, но в нём чувствовалась стальная решимость. Он смотрел прямо в глаза Габриэлю, не моргая, словно бросая молчаливый вызов.

Приподняв брови, Люцифер с интересом наблюдал за братьями. Уголок его рта чуть дрогнул в едва заметной усмешке. В глазах заплескали озорные искорки — ему было забавно видеть, как два взрослых ангела ведут себя, словно рассердившиеся мальчишки.

— Я и без вас, — голос Люцифера заставил их посмотреть на него, — знал о ней.

Он произнёс это спокойно, но с лёгкой ноткой превосходства, будто напоминая, что он в курсе гораздо большего, чем они думают.

Габриэль широко открыл глаза, а потом сузил их. Он всегда так делал, когда вопросы заставляли его врасплох. В этот момент его лицо отразило целую гамму эмоций: сначала удивление, потом замешательство, а следом — лёгкое раздражение. Эту привычку Люцифер помнил ещё с детства.

Встряхнув головой, Габриэль тихо рассмеялся, пытаясь скрыть смущение за смехом. Его плечи слегка расслабились, а руки, до этого сжатые в кулаки, опустились вдоль тела.

— Люцифер, — спохватился Михаил, шагнув к брату.

В его голосе прозвучала неожиданная теплота, а взгляд смягчился. Он положил руку на плечо Люцифера, словно ища поддержки или желая наладить контакт.

Люцифер улыбнулся — искренне, открыто, без тени насмешки. Его глаза потеплели, а морщины вокруг них чуть разгладились. Со времён первой встречи прошло много времени, а она всё так же не изменилась.

Взрослый ангел с душой земного ребёнка. В этой мысли Люцифера промелькнула нежность и лёгкая грусть — он вдруг отчётливо осознал, как много значит для него эта связь, несмотря на все разногласия и споры.

Люцифер направился в тронный зал своего отца, погружённый в свои мысли. Шаги его звучали глухо по мраморным плитам — ровные, размеренные, будто он намеренно старался ничем не выдать бурю, клокотавшую внутри. В груди теснилось странное, колющее чувство: смесь тревоги и упрямой решимости, которую он не позволял себе назвать страхом.

Он едва замечал великолепие переходов — золотые инкрустации, витражи, сквозь которые лились цветные лучи, превращая коридоры в сказочные туннели. Всё это сегодня казалось ему лишь пышной декорацией, скрывающей тяжесть предстоящего разговора. Каждый отблеск на полированном камне будто язвил: «Ты знаешь, что тебя ждёт. Ты идёшь туда, где каждое слово будет взвешено, а каждый жест — прочитан».

В голове снова и снова прокручивались фразы, которые он готовил неделями, но теперь они казались пустыми и хрупкими, как тонкий лёд. «Я должен сказать правду», — твердил он себе, но в горле стоял горький комок, мешавший даже мысленно произнести эти слова твёрдо.

Я — Люцифер. Рождённый из первого импульса самой энергии, я — воплощение импульса Вселенной. В отличие от ангелов, созданных из звёздной пыли распавшейся звезды Люциферит, я возник из чистого энергетического начала.

Когда звезда Люциферит не смогла сдержать наплыв энергии внутри себя и взорвалась — произошёл тот самый взрыв Вселенной. Из её пыли были созданы ангелы, первые существа, созданные Богом по своему образу и подобию. Они были настолько чисты, что их блеск затмевал весь свет.

Но после взрыва что-то пошло не так в мире энергии — он начал уплотняться. Мир разделился на два полюса. И на одном из них появилось чудесное дитя, затмевавшее весь свет, закрывавшее собой весь небосвод. Это была моя сестра — Денница.

Мы росли, не зная друг о друге — возможно, лишь во снах. Я — в мире энергии, она — в мире материи, на другом полюсе Вселенной, который назывался Тея. Оба мы были окружены ангелами-воспитателями, росли в любви нашего отца, но на разных полюсах мироздания.

Денница... Её имя говорит само за себя: «Денница» — «Единица», «Первая». Она была первой, кто имел совершенно иное строение, иные мысли и чувства, отличные от нас, оби-

тателей мира энергии. Она обладала женским образом — обаянием, нежностью и красотой, настолько притягательными, что даже ангелы, окружавшие её, перенимали её черты.

Я не знал о её существовании — и она не знала обо мне. Мы были двумя частями единого целого, разделёнными границами миров. Я, рождённый из импульса энергии, и она, дитя полюса материи, — два начала, два пути, заложенные в самой основе мироздания.

И всё это началось со взрыва Люциферита — звезды, распавшейся ради своих детей. Из её пыли возникли ангелы, из её энергии — я. Мир разделился, уплотнился, сформировав два полюса: энергии и материи. И теперь я осознаю: мы с Денницей — отражение этого разделения, две стороны одной великой тайны Вселенной.

Я — Люцифер. Долгое время я не знал о существовании своей сестры, Денницы. Возможно, лишь во снах до меня доходили отголоски её присутствия. Я узнал о ней случайно — и это изменило всё.

Она была первой, кто отличался от нас, обитателей мира энергии. У неё было другое строение, иные мысли и чувства. Её мир уплотнялся — и ангелам становилось в нём всё сложнее жить: структура ангелов оставалась прежней, а мир менялся.

Почему так вышло? Почему всё сложилось именно так, а не иначе? На этот вопрос у меня нет ответа.

Тогда наш Отец решил создать человека — чтобы помочь Деннице в мире плотных энергий. Люди, как говорили, были созданы из глины и пепла — но на самом деле всё есть энергия. Отец взял внешнюю энергию планеты (глину, почву) и внутреннюю силу (пепел), вложил в этот сосуд своё сознание — и создал подобие себя. Предполагалось, что каждый ангел из Люциферит сможет поместить себя в такой сосуд.

Люциферит... Ты правильно слышишь это имя. Оно связано со мной — это женская ипостась меня самого. Люцифер, Люциферит, Люцифериил...

Именно тогда я впервые увидел Денницу в Зазеркалье другого мира. Она умела путешествовать между мирами — в отличие от нас, ангелов. Иногда она приходила к нашему Отцу сама. Я помню её взгляд — он пронзал сердце до самой глубины души. Такого взгляда я не видел больше никогда и, думаю, уже не увижу.

Когда она впервые появилась в покоях храма, у трона нашего Отца, я спросил: «Кто эта прекрасная фурия, пожелавшая посетить нашего Отца?» Мне ответили, что это человек, один из самых приближённых к планете Нибиру. Наш Отец очень любил её — и это удивляло меня. На все мои расспросы он отвечал: «Скоро узнаешь, сын мой!»

В то время велись эксперименты по созданию новых видов животных. Ящеры не обитали на Земле — они жили на планете Тея, с её новым климатом и огромными животными. После столкновения Теи и Нибиру произошло объединение двух структур. Говорят о великом огненном кольце и выбросах в атмосферу, но воды было много — и это спасло останки животных и деревьев. В результате падения планет образовалась дополнительная суша.

Создавались ящеры, которые могли служить человеку, помогать ему: перемещаться в пространстве, поднимать огромные блоки. Так родились динозавры.

Я знал о лаборатории в скале: белые окна, белые стены, винтовые лестницы. Она состояла из нескольких этажей — четырёх нижних (подземных), восьми верхних, встроенных в скалу, и ещё десяти этажей в виде башни, напоминающей форму улитки. На нижних этажах проводились опыты, на верхних — велись наблюдения, тестирования, обсуждения.

Меня интересовали верхние этажи — с первого по восьмой. Денница же всегда обитала на нижних, где выводила новых дракончиков. Потом она поднималась в пространство между площадками этажей и управляла драконами — они слушались её, как дети, несмотря на свой возраст и крутой нрав. Своего дракона Денница вырастила сама — а потом всё отправлялось на Землю для дальнейшего тестирования.

К сожалению, Денница не шла со мной на контакт. Она считала, что мы — создания разных миров и должны жить по-разному. Я был с этим не согласен. Я вообще не понимал, почему мир должен быть разделён. Я просто не умел ждать.

Было два мира:

мой — мир ангелов, духовный мир, Люцифер;

её — мир людей, материальный мир, Денница.

Как я стал ангелом? Отец забрал меня предводительствовать армией ангелов вместе с Михаилом.

Моя мать, Люциферит, была низвергнута на Землю за дерзость и лукавство. Когда звезда Люциферит взорвалась, её сознание поместили в сосуд — и низвергли на землю. Этот сосуд — тело человека. Люди созданы не единожды: материал схож, поэтому все они — братья. Все они рождены из праха земного и частицы Бога, заключённой в них.

Я — Люцифер, первенец в плане творения. Именно поэтому меня забрали в мир тонкой материи — чтобы наблюдать за мной, словно за обычным ребёнком: следить за ростом, весом и всем прочим. Меня забрали, чтобы обучить всем премудростям ангела.

Идея создания богочеловека витала в воздухе давно — и меня, как первенца, испытали на этом пути. Я рос среди ангелов, а Денница — среди людей. Так пожелал наш Создатель, наш Бог: каждый должен был пройти свой путь и стать богочеловеком.

Долгое время я даже не подозревал о существовании другого мира — меня в это не посвящали. Всё изменилось, когда я впервые увидел её. Я начал часто замечать Денницу возле трона нашего Отца — и это поразило меня до глубины души.

В нашем мире ангелы были исключительно мужского пола — женская ипостась считалась неприемлемой. У вас на Земле население разнопёстрое, но здесь всё иначе: все ангелы были одинаковыми, словно под копирку. Людям позволено многое, а ангелам — нет. Люди могут нарушать законы и порядки, тогда как ангелы обязаны их неукоснительно соблюдать.

Появление Денницы возле трона Отца нарушило весь привычный порядок. Она была человеком — а людям доступ к Отцу был строго воспрещён. Но Он дал ей особое право: разрешил посещать Себя и находиться рядом. Это означало, что людям предоставили больше привилегий, чем ангелам, — и сделали это без каких-либо обсуждений, никого не спросив.

Я задумался: в ангелах и демонах есть и светлое, и тёмное начало. Но ангелы сознательно выбрали светлый путь, а демоны — тёмный. И вот теперь, узнав, что люди получили столь обширные права, ангелы могут поднять бунт — впрочем, как и демоны.

Ещё одно событие грозит потрясти основы мироздания: уход Адама со своей спутницей из семьи. Это вызовет огромный резонанс — и среди людей, и среди ангелов. Ведь ангелам категорически запрещено покидать свой мир, тогда как людям такая свобода дозволена.

Уход Адама неизбежно приведёт к столкновению двух народов, к вражде между ними. Я чувствую, как в воздухе сгущается напряжение. Мир стоит на пороге перемен — и я не знаю, к чему они приведут. Но одно ясно точно: прежний порядок уже не будет прежним.

Воздух становился тяжелее с каждым шагом, будто сам дворец напоминал: здесь не место для сомнений. Впереди уже виднелся высокий сводчатый проём, за которым начинался тронный зал — место, где величие подавляло, а тишина была громче любого крика. Люцифер на мгновение замер, прикрыв глаза, чтобы собрать остатки самообладания. Он расправил плечи, глубоко вдохнул и шагнул вперёд — навстречу тому, что должно было изменить всё.

— Интересно, как пройдёт первая встреча! — услышал он голос Михаила.

В нём звучала едва уловимая нотка предвкушения, будто старший брат знал что-то, чего пока не знал Люцифер.

— Не знаю, — задумчиво произнёс Габриэль, задумчиво потерев подбородок. — Очень интересно, да... — его взгляд скользнул по Люциферу, словно оценивая его реакцию.

Люцифер улыбнулся — сначала едва заметно, но затем улыбка стала шире, обнажая белые зубы. В груди разливалось приятное волнение: что же принесёт эта встреча?

«Первая встреча! У нас сегодня, оказывается, гости!» — пронеслось у него в голове. Он невольно выпрямился, расправил плечи, чувствуя, как учащается пульс.

Хм... А он и не знал об этом.

«Первая встреча!» — мысленно повторил он, и в груди затрепетало что-то лёгкое, почти детское — как в те дни, когда они с братьями устраивали шалости на верхних террасах.

— Люцифер, — позвал юношу Михаил, мягко положив руку ему на плечо.

Они стояли, разговаривали и улыбались, когда вошла она.

Гордая и величественная в своём длинном платье, которое подчёркивало женственность тонкой фигуры, скрывая при этом всё самое лишнее от посторонних глаз. Её походка была плавной, словно она скользила над полом, а взгляд — холодным и изучающим.

Люцифер улыбнулся, сделав глоток воды, но стакан слегка дрогнул в руке. Он почувствовал, как по спине пробежал лёгкий холодок — не от страха, а от странного, волнующего ощущения.

Девушка прошла мимо, слегка кивнув мужчинам головой и задержав свой взгляд на Люцифере. На мгновение их глаза встретились, и в её взгляде он уловил что-то загадочное — то ли вызов, то ли любопытство.

Тот смущённо улыбнулся ещё раз, пряча улыбку за стаканом с водой, и почувствовал, как щёки слегка теплеют.

Он вспомнил её — хрупкую, беспомощно болтающуюся в мощных зубах огромной кошки. В груди всё сжалось от леденящего ужаса, перед глазами застыла та жуткая картина: она, из последних сил пытаясь спастись, поспешно расстегнула молнию куртки и с отчаянным всхлипом вывалилась на холодный бетонный пол. Полуобнажённый торс, дрожащие руки, спутанные волосы... На ней остался лишь красный лиф с прозрачными кружевами — нелепое напоминание о прежней безмятежности среди царившего кошмара. Он ведь не сразу её узнал в таком одеянии.

Он поспешно отвёл глаза, делая вид, что рассматривает узор на скатерти.

— Сестра... — кольнуло в сердце острой, почти физической болью, будто кто-то сжал его в железной хватке.

В груди что-то оборвалось, дыхание на миг перехватило. Перед глазами всплыло её детское лицо — смеющееся, с веснушками и выбившейся прядью волос. Нахлынули воспоминания: совместные прогулки, её звонкий смех, тёплые объятия в холодные вечера.

Он невольно сжал кулаки, чувствуя, как внутри всё напряглось, словно натянутая струна. Опустив взгляд, он стал разглядывать трещины на полу — лишь бы не встретаться с этим неотступным внутренним голосом.

— Она твоя сестра... — произнёс он медленно, чеканя каждое слово, словно вбивал гвозди.

Голос дрогнул на последнем слове, и он на мгновение закрыл глаза, пытаясь унять внезапную волну нежности и боли. Он повторил глухо, с трудом выдавливая слова:

— Она твоя сестра...

В глазах мелькнуло что-то неуловимое — тень противоречивых чувств. Ровный, нарочито спокойный голос не мог скрыть того, что творилось внутри: за стеной выстроенных годами убеждений ворочался тяжёлый ком сомнений и невысказанных вопросов. Это «другое» жгло изнутри, противоречило всему, во что он привык верить, давило на него, словно невидимый груз — тёмное, вязкое чувство, которое годами копилось где-то в самых дальних уголках сознания и теперь настойчиво напоминало о себе. Под слоем привычных слов жила иная правда, которую он так долго старался не замечать.

Хотя в глубине души он чувствовал другое.

Он чувствовал, что всё происходящее не ускользнуло от внимания Михаила. Старший брат внимательно наблюдал, храня молчание, но в уголках его губ таилась едва заметная усмешка, будто он уже знал, какой эффект произведёт эта встреча.

«Первая встреча!» — хмыкнул про себя Люцифер, стараясь унять странное волнение. — «А она уже прошла — первая встреча!»

Он давно заметил, что нижние этажи посещает кто-то ещё помимо жителей небесных. Это вызывало в нём смесь любопытства и настороженности — кто этот таинственный незнакомец?

Ему удалось проследить за незнакомцем до его потайной комнаты, высеченной в стене. Люцифер затаил дыхание, стараясь не выдать себя, и осторожно заглянул внутрь.

Незнакомец отличался от всех ангелов, живущих здесь. Он был небольшого роста — по меркам ангела, конечно, — примерно по плечо Люциферу. Каштановые волосы были собраны в тугую пучок, а движения — резкими, настороженными.

«А что это за юноша с хвостом?» — подумал Люцифер, невольно нахмурившись. В том, что это юноша, он не сомневался: не будет девица ходить в классических брюках и длинном облегающем топе с короткими рукавами до плеч. Но что-то в его облике казалось странным, почти тревожным.

«Интересно, а что знает об этом Михаил?» — размышлял Люцифер, чувствуя, как внутри нарастает азарт исследователя. Ему хотелось самому разгадать эту загадку, прежде чем делиться ею с братом.

Первый порыв толкал рассказать всё брату, но Люцифер решил выяснить всё сам. «Если он один из Хранителей нижних этажей, почему тогда прячется здесь, в потаённом месте?» — в голове роились вопросы, один за другим, и он невольно сжал кулаки, пытаясь сосредоточиться.

Люцифер увлёкся своими размышлениями и не заметил, как потерял фигуру парня из виду. Он резко остановился, нахмурился и огляделся по сторонам, чувствуя досаду и лёгкое разочарование.

Юноша напрягся, мышцы плеч непроизвольно сжались, а в груди закипала смесь раздражения и азарта.

— Ты не меня ищешь? — раздался голос сзади, низкий и слегка насмешливый.

Люцифер обернулся так резко, что ткань его плаща взметнулась за спиной. В глазах вспыхнула искра раздражения, но тут же сменилась любопытством.

— Тебя! — резко бросил он, прищурившись и оценивающе разглядывая незнакомца.

Первое желание было завалить мальчишку себе на плечо и отнести Михаилу для выяснения всех обстоятельств. Собственно, именно это он и попытался сделать, только получил достойный отпор. Резкий выпад — и вот уже Люцифер отступает на шаг, чувствуя, как в груди закипает азарт схватки.

Но перед ним оказался достойный соперник — ловкий, быстрый, с отточенными движениями, будто он годами оттачивал каждое действие. Люцифер почувствовал, как в груди закипает азарт, смешанный с удивлением: он не ожидал встретить здесь кого-то, кто мог бы так уверенно противостоять ему.

«Такое ощущение, что я дерусь сам с собой», — подумал Люцифер после очередного приёма, тяжело дыша и стирая пот со лба. Он на мгновение замер, пытаясь разгадать тактику противника.

И тут что-то привлекло его внимание. Он сначала не понял, что это. Но что-то с этим парнем было не так — какая-то неуловимая деталь, выбивающаяся из общей картины.

«Но что?!» — мысленно воскликнул он, напрягая зрение и пытаясь уловить то, что ускользало от его взгляда.

Руки!

Изящные руки! Слишком изящны для мальчика... И грудь...

Мысли вихрем закружились в голове. В груди заколотилось сердце, дыхание участилось. — Так! Стоп! — слова прозвучали как приказ, голос прозвучал громче, чем он ожидал. — Подожди! Ты девушка?! — удивился Люцифер, и в его глазах вспыхнул изумлённый огонь. Он схватил её сзади за шею и привлёк к себе, чувствуя, как под пальцами бьётся пульс. И не поверил своим глазам.

Действительно, перед ним стояла девушка: розовые щёки, алые чувственные губы, большие карие глаза — словно цветы янтарной ночи. Её дыхание было прерывистым, а взгляд — одновременно испуганным и вызывающим.

Юноша на минуту залюбовался. В груди разливалась странная теплота, а в горле пересохло. Он невольно задержал дыхание, впитывая каждую деталь её облика.

Внезапно он не выдержал и поцеловал её с такой страстью, какой сам от себя не ожидал. Губы дрогнули, руки сами потянулись к её плечам. На мгновение ему показалось, что их энергии сплелись, освещая всё пространство божественным светом. Люцифер потерял контроль над собой, отдаваясь этому мгновению целиком.

Глухой удар привёл его в чувство — резкий, болезненный, отрезвляющий.

Несмотря на свой рост и всю хрупкость, девушка вывернулась с неожиданной ловкостью и ударила локтем в челюсть. В глазах Люцифера вспыхнули искры, а во рту появился металлический привкус.

Падая назад, Люцифер ударился головой о стену. Мир перед глазами поплыл, звуки стали глухими, будто доносились издалека. Потеряв сознание, он с шумом сполз по стене, чувствуя, как силы покидают тело.

Всё, что он помнил, — это убегающую фигуру незнакомки. Её силуэт, мелькнувший в полумраке, и лёгкий запах чего-то цветочного, оставшегося в воздухе.

— Эй, — кто-то похлопал его по щекам, настойчиво и тревожно, — эй, как тебя там... Господи, очнись!

— Я не он, — выдавил Люцифер, открывая глаза и с трудом фокусируя взгляд. В голове гудело, перед глазами плавали тёмные пятна. — Но обращение мне нравится, — добавил он, пытаясь улыбнуться, хотя губы едва слушались.

Он ощутил себя лежащим на полу. Голова шумела, в висках стучала кровь. Над ним склонилась девушка — та самая. Её глаза, полные беспокойства, внимательно изучали его лицо.

— Ты всегда на всех пробуешь свои приёмы? — он попытался пошутить, но голос прозвучал хрипло, а шутка вышла неловкой.

— Нет, — резко, но в то же время осторожно ответила она, поправляя выбившуюся прядь волос. — Только на тех, кто очень настойчив. Ты следил за мной?

— Да, — не стал упираться юноша, поднимаясь на локте и морщась от боли в челюсти. — Я никогда тебя раньше не видел.

— Мгм, — кивнула она, чуть склонив голову набок и прищурившись. В её взгляде читалось что-то ещё — не только настороженность, но и любопытство. — А может, не видел потому, что редко здесь бываешь?

Люцифер усмехнулся, но улыбка вышла кривой — голова всё ещё трещала, а в душе смешались раздражение и восхищение. Спорить не хотелось, но и отступать он не собирался.

— Вполне и так, — согласился он.

Люцифер напрягся. Он провёл рукой по груди, ощупывая ткань одежды, и почувствовал, как внутри всё сжалось от неприятного предчувствия. Талисмана на нём не было.

Не говоря ни слова, Люцифер дёрнул её на себя. Девушка испуганно упёрлась руками в его грудь, её глаза расширились от неожиданности, а дыхание стало прерывистым. Он почувствовал, как быстро бьётся её сердце — почти так же быстро, как и его собственное.

И тут его взгляд привлёк кулон, прятанный в складках её одежды — тёмно-синий камень на тонкой серебряной цепочке, мерцающий едва заметным внутренним светом. Люцифер невольно задержал дыхание.

— Откуда это у тебя? — резко спросил он, указывая на камень, и в голосе прозвучала нотка тревоги.

Он схватил цепочку и притянул девушку к себе, заглядывая в её глаза — так близко, что почувствовал её прерывистое дыхание на своей коже.

— Кто ты? — спросил он с напряжением в голосе, и в груди что-то сжалось от недоброго предчувствия. — Как твоё имя? Назови себя!

Девушка молчала, опустив глаза, её пальцы слегка дрожали. И тут он всё понял — словно удар в грудь, внезапный и болезненный. Воздух будто сгустился, а время на мгновение остановилось.

— Ты... — начал он, голос дрогнул.

— Денница, — тихо произнесла она, едва слышно, почти шёпотом.

— Ты моя сестра, — закончил за неё он, и эти слова прозвучали для него как приговор. В груди разливалась горечь, а в горле встал ком.

— Да, — кивнула она, и в её взгляде читалась смесь страха и робкой надежды.

Люцифер чуть помедлил, пытаясь осознать услышанное. Вот откуда это чувство борьбы с самим собой — необъяснимое притяжение, смешанное с внутренним сопротивлением. Сказать, что он был разочарован, — значит, ничего не сказать. В душе бушевала буря противоречивых эмоций: гнев, растерянность, обида и где-то глубоко внутри — странное облегчение.

— Слезай с меня, — резко бросил он, не дожидаясь её действий.

Он сам буквально спихнул девушку на пол и сел, прислонившись спиной к стене, тяжело дыша. Пальцы непроизвольно сжимались и разжимались, будто пытаясь выпустить напряжение.

— Как твоя голова? — осторожно спросила девушка, усаживаясь рядом.

В её голосе звучала неподдельная тревога, а глаза внимательно изучали его лицо.

— Шикарно, — грубо ответил он, отводя взгляд.

Но, увидев смущение девушки — как она нервно теребит край рукава, как подрагивают её ресницы, — смягчился.

— Классный приём, — улыбнулся он кривовато, и в этой улыбке смешались ирония и восхищение.

Растерянный взгляд лучезарных глаз, окаймлённых веером чёрных ресниц, заморозил его. На мгновение он забыл обо всех противоречиях, засмотревшись на игру света в её зрачках.

«Нет! Она не может быть моей сестрой!» — пронеслось в его голове, и сердце болезненно сжалось. Он пытался сопротивляться этой мысли, но она уже проникла в сознание, пустив корни.

— Извини, — виновато выдавила Денница, в смущении опуская ресницы.

Её щёки слегка порозовели, а пальцы нервно перебирали цепочку кулона.

— Да, — махнул он рукой, пытаясь выглядеть небрежно, но в душе всё ещё бушевали эмоции. — Ничего, — добавил Люцифер, потирая челюсть, где ещё чувствовалась боль от удара.

Он поймал себя на мысли, что не злится на неё по-настоящему.

Вспоминая сейчас всё это, Люцифер улыбнулся — на этот раз искренне, провожая сестру еле заметным взглядом. В уголках глаз собрались морщинки, а в груди разливалась странная теплота. Он чувствовал, что она делает то же самое — украдкой бросает взгляд через плечо, прежде чем ступить на следующую ступеньку. Их взгляды на мгновение встретились, и в этом коротком обмене взглядами было больше понимания, чем в любых словах.

Тронный зал Творца не был похож на те пышные дворцовые залы, где величие пытаются выразить золотом и излишествами. Его величие рождалось из масштаба и тишины — из ощущения, что здесь пространство подчиняется не человеческой прихоти, а высшей гармонии.

Зал уходил ввысь настолько, что взгляд терялся где-то в недостижимых сводах, где переплетались линии света, словно застывшие лучи рассвета. Стены не были сложены из камня — они будто вырастали из самого воздуха: полупрозрачные, с мерцающими прожилками, в которых медленно перетекали оттенки — от глубокого индиго до чистого, звенящего серебра. Казалось, будто стены хранят в себе память обо всех мирах, когда-либо сотворённых здесь.

Пол был выложен плитами из тёмного, почти чёрного минерала, но стоило ступить на него, как в глубине вспыхивали крошечные искры — словно под ногами шевелились звёзды. Каждый шаг отзывался не гулким эхом, а мягким, обволакивающим звуком, похожим на тихий вздох.

В центре зала, на небольшом возвышении, стоял Трон Творца. Он не был украшен драгоценностями и не слепил блеском. Его форма напоминала слияние скалы и пламени: массивный, основательный, но с очертаниями, которые будто колебались, как языки огня. Материал, из которого он был создан, невозможно было определить: он одновременно казался твёрдым, как алмаз, и текучим, как расплавленное стекло. На спинке трона тонкими светящимися линиями была выведена бесконечная спираль — символ творения, которое не знает ни начала, ни конца.

Перед троном простиралось «стеклянное море» — не вода, а гладкая, зеркальная поверхность, в которой не отражались лица, но проступали смутные образы: очертания будущих миров, едва намеченные линии судеб, призрачные силуэты ещё не рождённых существ. Смотреть в эту гладь было одновременно завораживающе и тревожно — словно заглядывать за грань дозволенного.

По периметру зала, в нишах, застыли фигуры стражей — не из плоти и крови, а из света и тени. Они не двигались, но казалось, что их очертания чуть дрожат, будто они существуют на границе двух реальностей. Их лица были скрыты, но от них исходило ощущение пристального, всепроникающего внимания.

Воздух в зале был прохладным и чистым, наполненным едва уловимым ароматом — то ли горных трав, то ли далёких звёзд. Он не был неподвижен: в нём чувствовалось лёгкое движение, едва заметное дыхание, которое, казалось, задавало ритм всему сущему.

Тишина здесь была особенной — не пустой, а насыщенной, будто в ней звучали миллионы неслышных голосов: шёпот зарождающихся галактик, тихий плач угасающих солнц, радостный крик первой жизни. Эта тишина не давила — она обнимала, заставляя сердце биться ровнее, а мысли становиться яснее.

И над всем этим, в самой высокой точке свода, висело нечто, напоминающее медленно вращающееся скопление света — не звезда и не кристалл, а средоточие смысла. Оно то разгоралось ярче, то приглушало сияние, будто само пространство здесь жило в такт с дыханием Творца.

Стоя в этом зале, невозможно было не почувствовать себя одновременно бесконечно малым и неразрывно связанным со всем сущим — словно каждая частица тебя знала своё место в великой картине мироздания.

— Это твоя сестра, Люцифер, — сказал отец с нескрываемой гордостью, и его голос прозвучал торжественно, почти гимнически. — Моё великое творение, как и ты! — в глазах создателя светилась такая искренняя радость, что на мгновение даже Люцифер почувствовал что-то похожее на тепло в груди.

Люцифер молчал. Он бросил косой взгляд на Денницу — её пальцы нервно теребили край платья, а плечи чуть подрагивали. В груди юноши что-то сжалось: он вдруг отчётливо осознал, что теперь всё изменится.

Посмотрев на него, девушка потупилась, опустив глаза в пол. Её ресницы дрожали, а губы чуть подрагивали. Значит, история первой встречи останется в тайне.

«Хорошо, — подумал Люцифер, и в мыслях прозвучало твёрдо, почти клятвенно. — Я умею хранить тайны». Он сжал кулаки, чувствуя, как под кожей пульсирует противоречивое чувство — смесь облегчения и разочарования.

— Ты меня спрашивал, — продолжал отец, и в его голосе зазвучали тёплые, почти ностальгические нотки, — много раз: «Кто приходит ко мне вечерами?» — губы создателя тронула улыбка, мягкая и немного грустная. — И вот теперь я готов тебе представить её, свою дочь. Теперь у меня нет от тебя секретов, сын мой.

— Я несказанно рад этому, — выдавил из себя Люцифер, стараясь, чтобы голос звучал искренне.

Но внутри всё бунтовало: он до последнего надеялся, что девушка, которую он видел в тёмных переулках нижних этажей, окажется просто прекрасной незнакомкой, а не его сестрой. В горле стоял ком, а в груди разливалась горечь несбывшихся ожиданий.

— Я поручаю, — продолжал отец, пропуская сарказм Люцифера мимо ушей, — твою сестру тебе. Познакомь её со всей нашей работой.

— Она и так знает, по-моему, больше, чем я, — буркнул тот, отводя взгляд и чувствуя, как внутри закипает раздражение.

Он непроизвольно сжал пальцами край стола, пытаясь унять волнение.

— Люцифер, не будь занудой и не дерзи, — строго, но без злости произнёс отец. — Покажи Деннице её покои.

— Я сама могу найти... — начала Денница, но её голос прозвучал неуверенно, почти робко.

— Нет! — перебил отец твёрдо, но без гнева. — Тебе их покажет он.

Юноша кивнул, чувствуя, как в груди смешиваются противоречивые чувства — досада, любопытство и странное, пока ещё неясное предвкушение.

— То есть, — начал он, обращаясь к девушке и выходя из кабинета отца. Его голос прозвучал резче, чем он хотел, а в горле пересохло. — Ты уже не будешь обитать в полумраке нижних этажей? Да? На свет потянуло? — он попытался улыбнуться, но улыбка вышла натянутой, неестественной.

— Послушай, милый брат, — резко перебила его она, останавливаясь. В её голосе прозвучала сталь, но глаза выдавали растерянность. — Я так же не в восторге, как и ты, от идеи моего пребывания среди вас, — она развела руками, и Люцифер заметил, как слегка дрожат её пальцы. — Небожителей.

Люцифер сделал шаг вперёд. Девушка попятилась и оперлась бёдрами о холодные перила площадки. Её дыхание участилось, а взгляд метался, словно она искала пути к отступлению.

— Извини, — перебил он мягче, чем собирался. — На самом деле я спросил, чтобы начать с тобой разговор. — Люцифер сделал паузу, подбирая слова, и добавил тише: — Я просто... хочу понять.

От его взгляда девушка смутилась. От его чёрных глаз пробирала дрожь, но она чувствовала, что Люцифер говорит правду — в его голосе не было насмешки, только искреннее желание наладить отношения. Её плечи чуть расслабились, а пальцы перестали тереть ткань платья.

Денница кивнула — сначала неуверенно, потом решительнее. В её глазах мелькнуло что-то новое: не враждебность, а скорее осторожное любопытство.

— Пойдём, — увлёк он её, слегка взяв под локоть, — покажу тебе твою комнату на этом этаже.

Его пальцы едва коснулись её руки, но этого хватило, чтобы по спине пробежала лёгкая дрожь.

— На этом?! — в голосе Денницы прозвучало искреннее удивление, брови взметнулись вверх, а глаза расширились.

— Да. Все, кто работает здесь, в основном здесь и живут, — ответил Люцифер, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё трепетало от её близости.

Девушка на минуту задержалась, осматриваясь по сторонам. Она медленно повернула голову, изучая высокие своды потолка, мерцающие светильники и изящные узоры на стенах. В её взгляде читалось любопытство, смешанное с лёгким недоверием.

— И над чем здесь кипит работа? — спросила она, повернувшись к нему, и в глазах блеснул озорной огонёк.

— Над проектом «Человек», — ответил Люцифер, невольно залюбовавшись игрой света в её глазах.

Она бросила на парня косой взгляд и улыбнулась — не насмешливо, а как-то по-доброму, почти тепло. Эта улыбка заставила его сердце пропустить удар.

— Очаровательно! — с чувством произнёс он, не отводя от неё взгляда.

Его голос прозвучал чуть хриловато, выдавая волнение.

— Это ты сейчас о чём? — Денница слегка наклонила голову набок, прищурившись.

— О проекте, — спохватился Люцифер и поспешно отвёл взгляд, чувствуя, как щёки слегка теплеют.

Ему хотелось съязвить, как всегда, отпустить какую-нибудь колкую шутку — это было его привычным защитным механизмом. Но в её присутствии что-то ему мешало: слова застревали в горле, а сарказм куда-то испарился.

— Пойдём, покажу тебе твои апартаменты, — произнёс он чуть мягче, чем собирался.

— Не знаешь, как от меня отделаться? — с лукавой усмешкой спросила Денница, подняв бровь.

— Да, язычок у тебя острый, — протянул он, невольно улыбнувшись в ответ. — Далеко пойдёшь!

В его голосе прозвучала не насмешка, а скорее восхищение.

Комната была большая и светлая. Лучи солнца струились через высокие окна, создавая на полу причудливые узоры. Сразу взору открывалась уютная прихожая, из которой можно было попасть в спальню и не менее просторную кухню. Воздух здесь казался чище, а тишина — мягче.

Всё было обустроено со вкусом, и чувствовались старания мастера и его любовь, которую он во всё это вложил. Каждая деталь дышала теплом и заботой: мягкие ковры, изящная мебель, живые цветы на подоконнике.

Денница осмотрелась по сторонам, медленно поворачиваясь вокруг своей оси. Её глаза загорались всё ярче, а губы тронула улыбка — сначала робкая, потом всё более искренняя.

Люцифер наблюдал за ней, затаив дыхание. Он ловил каждое её движение, каждый взгляд, и сердце его наполнялось странной, почти забытой радостью.

— Мне нравится, — наконец сказала она, и голос её звучал искренне, без тени притворства. — Мастеру вашему большое спасибо.

Сохраняя молчание, Люцифер кивнул, улыбнувшись в ответ — на этот раз широко и открыто, не скрывая своих чувств.

«Мастеру! Да! Если бы ты знала, кто этот мастер!» — пронеслось в его мыслях, и в груди разливалась тёплая волна гордости и нежности.

Окончив осмотр, девушка дала понять, что хочет переодеться. Её взгляд стал чуть более сдержанным, а движения — чуть более осторожными.

Люцифер не хотел уходить. Он горел желанием пообщаться, поговорить на любые темы, пусть даже самые дурацкие, — только бы ощутить её дыхание, её прикосновение, манящий запах волос. Ему хотелось задержать это мгновение навсегда.

Он нехотя закрыл за собой дверь, задержав ладонь на прохладной поверхности ещё на секунду, словно пытаясь удержать частицу её присутствия.

Девушка опустила жалюзи во всех окнах и заперла дверь на ключ. За стеной слышался тихий шорох одежды и едва уловимый вздох.

Погружённый в свои мысли, он не заметил, как оказался на краю наблюдательной площадки напротив кабинета отца. Ноги сами привели его сюда, ведомые какой-то внутренней силой.

— Михаил, — услышал он знакомый голос, и в душе что-то застучало быстрее, пульс участился, — спасибо большое!

— Тебе понравилась твоя комната? — Михаил расцвёл в улыбке, его глаза засияли, а лицо словно помолодело.

Она что-то ещё щебетала, активно жестикулируя и одаривая Михаила тёплыми взглядами. Её голос звенел, как весенний ручей, а движения были лёгкими и непринуждёнными. Люцифер невольно залюбовался её живостью — в этот момент она казалась ему невероятно прекрасной.

— Кровать в спальне просто супер! — не останавливалась она, её голос звенел от восторга, а глаза сияли, как две яркие звезды. — Ощущение, что я сплю под облаками! — Денница закружилась на месте, раскинув руки, и рассмеялась — легко, беззаботно, по-детски.

«Что-то пошло не так», — отметил Люцифер, и в груди неприятно кольнуло. Что-то между ними пошло не так. Он отдал бы всё, чтобы она вот так щебетала с ним — с таким неподдельным восторгом, с такой искренней радостью. В горле встал ком, а в душе шевельнулась горькая зависть.

Михаил слушал молча, но Люцифер заметил, как в уголках его глаз собрались лучики смеха, а губы дрогнули в сдерживаемой улыбке.

— На самом деле, — удалось вставить ему, и голос его прозвучал мягко, почти отечески, — ты не мне должна говорить спасибо, а вон тому, — он показал пальцем на Люцифера, — молодому человеку.

— А! — Денница замерла в своём жесте, руки повисли в воздухе, улыбка медленно сошла с лица.

Она медленно повернула голову в сторону Люцифера, и её глаза расширились от удивления.

— Да, ему. Он спроектировал её по своему образу и подобию. Его комната выглядит примерно так же. У нас у всех комнаты имеют одинаковое расположение. Но вот с дизайном Люцифер отличается от всех, — Михаил улыбнулся шире, и в этой улыбке читалась искренняя гордость за младшего.

Люцифер смутился — щёки предательски заалели, а пальцы невольно сжали край перил. Ему было приятно наблюдать за реакцией сестры: как в её глазах вспыхнул новый огонёк интереса, как она снова повернулась к нему, уже иначе — внимательнее, изучающее.

Не говоря ни слова, он просто помахал в знак приветствия — неловко, чуть смущённо, но с робкой надеждой в глазах.

— Ты останешься? — спросил Михаил, переводя тему разговора, и его взгляд стал чуть более серьёзным.

— Нет, не сегодня, — ответила Денница, и в её голосе прозвучала нотка сожаления. — Если я не нужна тебе...

— Нет. Когда будешь нужна, позову, — ответил Михаил спокойно, но без холодности — скорее по-деловому.

— Хорошо. Я на нижние этажи — посмотрю, как там дела, — сказала Денница, чуть помедлив. — С Большой кошкой.

Михаил дал разрешение кивком — коротким, но доброжелательным.

— Большой кошкой! Хм... Что-то новое, — пробурчал Люцифер себе под нос, нахмурившись.

В груди шевельнулось любопытство, смешанное с лёгкой досадой. Проводив девушку взглядом, пока она не скрылась из виду, он последовал за ней — сначала медленно, потом всё быстрее, почти бегом.

«Большая кошка! Интересно посмотреть, что за чудо там такое!» — подумал Люцифер, и сердце забилося чаще от предвкушения.

Люцифер нашёл сестру на втором нижнем этаже. Здесь она была в своей тарелке — движения стали увереннее, осанка — прямой, а взгляд — сосредоточенным.

Девушка склонилась над парнем и что-то ему объясняла — тихо, но настойчиво. Её жесты были чёткими, а интонация — спокойной, но властной. Они рассматривали что-то на мониторе. Дела, видимо, были не очень: на лице парня читалось сомнение, а на лице Денницы — тревога, которую она старалась скрыть за деловитостью.

Люцифер застыл напротив, наблюдая за происходящим. Толстые стеклянные стены не позволяли услышать слово в слово весь разговор, но суть происходящего он уловил. Он видел, как сестра коснулась плеча парня, ободряюще кивнула, и тот чуть расслабился. В этот момент она выглядела не просто сестрой — она была лидером, наставником, тем, кто может поддержать и направить.

Люцифер невольно залюбовался: в ней было столько внутренней силы и уверенности, что это завораживало. Он вдруг осознал, что почти не знает эту девушку — свою сестру, — и ему отчаянно захотелось узнать её ближе.

Один из парней заметил его и, тронув девушку за плечо, указал кивком головы на окно. Девушка встрепенулась, словно от неожиданного толчка, её глаза расширились, а пальцы на мгновение сжались в кулаки. Их взгляды пересеклись. Люцифер напрягся — мышцы плеч непроизвольно сжались, а дыхание на миг замерло.

Он уже не чувствовал такого напряжения между ними, как раньше. В её глазах отражалась благодарность с примесью просьбы о помощи — словно она искала в нём опору, какой-то знак понимания. Это тронуло его до глубины души.

Недолго думая, девушка вышла. Её шаги были неуверенными, почти робкими, но она шла прямо к нему, не отводя взгляда.

Она подошла к нему вплотную, так, словно они общались друг с другом все эти долгие двадцать лет в дружеской атмосфере братской любви. В воздухе повисло странное ощущение близости, будто время на мгновение остановилось.

— Люцифер, — начала она, и голос её прозвучал чуть дрогнувшим, — ты давно здесь?

— Я хотел извиниться, — начал он, смотря на неё сверху вниз.

Его голос прозвучал тише, чем он ожидал, а ладони невольно сжались и разжались, выдавая волнение.

— Извиниться?! Но за что? — её изящные брови очаровательно поползли вверх, а в глазах мелькнуло искреннее недоумение.

— За нашу первую встречу здесь. Ты тогда убежала, я не успел ничего сказать.

— А! — девушка нахмурила брови и вздохнула тяжело, словно вспоминая тот момент. Её плечи чуть опустились, а взгляд стал отстранённым.

— Извини, надо было сначала спросить, а потом уже...

— Да, я тоже хороша, — выдавила она, слегка прикусив губу. — Надо было дождаться...

Её карие глаза метались из стороны в сторону, избегая его взгляда. Разговор был ей неприятен — это читалось в каждом движении: в том, как она теребила край рукава, как нервно сглатывала.

— Подожди, — он взял её за плечи и развернул так, чтобы закрыть собой от посторонних глаз. Его пальцы слегка дрожали, но он старался говорить уверенно. — Я должен извиниться

за свою выходку. Для меня было шоком, что передо мной — девушка, и красивая девушка. Я сам не знаю, что на меня нашло.

Девушка смущённо опустила глаза, её ресницы затрепетали, а щёки слегка порозовели. Она сделала едва заметный вдох, словно собираясь с силами.

— Я буду честна с тобой: мне неприятен этот разговор, — выдавила она, смахивая упрямые пряди со лба. Её голос звучал чуть хриловато, но в нём чувствовалась искренность. — Я представляла себе по-другому нашу встречу.

Взяв её за плечи, он притянул девушку к себе. Её маленькие ладошки упёрлись в его грудь, готовые оттолкнуть в любой момент — но не отталкивали. Он почувствовал, как её дыхание участилось, а пальцы чуть дрогнули.

— Я очень рад, — промолвил он тихо, почти шёпотом, — видеть тебя.

От этих слов напряжение в её руках ослабло. Она медленно подняла взгляд, и в её глазах что-то изменилось — словно лёд начал таять.

— Спасибо, что сказал это, — её глаза заискрились, и на губах появилась робкая улыбка. — Я очень боялась, что ты меня не примешь.

— Я?! — широко открытые глаза юноши наполнились удивлением, а брови взметнулись вверх.

Он даже слегка отпрянул, поражённый её словами.

— Да, ты, — кивнула она твёрдо, и в её взгляде появилась решимость.

— Рада! — произнёс он, и в этом коротком слове прозвучало столько чувств, что оно повисло в воздухе, как обещание чего-то нового.

Дверь лаборатории открылась, и показалась голова парня, с которым девушка разговаривала. Его лицо выражало любопытство, а глаза быстро пробежались по сцене перед ним. Люцифер невольно крепче сжал плечи сестры, словно защищая её от чужого взгляда.

— Вынужден прервать ваш разговор: у нас тестирование на это время, — раздался строгий голос, и в воздухе повисло напряжение.

— Да-да, конечно, — девушка впопыхах шагнула к двери, её движения были резкими и чуть сбивчивыми, словно она пыталась убежать от чего-то.

Пальцы нервно сжали край рукава, а взгляд метнулся к Люциферу.

Люцифер затаил дыхание. Он услышал биение её сердца — глухие, учащённые удары, доносившиеся словно сквозь толщу воды. Помедлив несколько секунд, она вернулась к нему, и на её лице отразилась борьба: желание уйти и желание остаться.

— Хочешь... — неуверенно произнесла девушка, её голос дрогнул, а глаза избегали его взгляда.

— Хочу, — бросил он, не дослушав фразу, и в его голосе прозвучала неожиданная для него самая решимость.

Он сделал шаг вперёд, словно бросая вызов невидимому барьеру между ними.

— ...поучаствовать, — договорила она одновременно с ним, и на губах её мелькнула робкая улыбка.

Люцифер кивком подтвердил свой ответ, и в этом движении было больше, чем простое согласие — в нём читалась готовность открыться чему-то новому.

Денница улыбнулась — искренне, широко, и в этой улыбке было столько тепла, что у Люцифера защемило в груди. Услышав о желании Люцифера поучаствовать в испытании, ангелы напряглись: их взгляды стали настороженными, а перешёптывания — тревожными. Кто-то нервно поправил рукав, другой сжал кулаки, третий бросил быстрый взгляд на коллег.

Люцифер спускался сюда редко, но метко. Он слыл придирчивостью и дотошностью в расчётах: с ним было трудно спорить и что-либо доказывать. В коридорах ходили слухи о его беспощадной логике и способности найти ошибку там, где другие видели безупречность.

Денница была проще. Хотя, может быть, так только казалось — за её лёгкой улыбкой и непринуждёнными жестами скрывалась внутренняя сила, которую Люцифер только начинал разгадывать.

Парни напряглись в ожидании подвоха. Их позы стали скованными, а взгляды — настороженными. Кто-то непроизвольно отступил на шаг, другой сцепил пальцы за спиной.

— Можно узнать, о чём речь? — неуверенно произнёс Люцифер, стараясь скрыть волнение за нарочито спокойным тоном.

Он провёл рукой по волосам, пытаясь собраться с мыслями.

— Да, конечно, — девушка кивнула одному из парней, и тот протянул Люциферу планшет, объясняя суть проекта.

Его голос звучал чуть дрогнувшим, а пальцы слегка подрагивали, передавая устройство.

На экране высветилась огромная кошка белого цвета: два метра в холке, длина туловища — полтора метра, и удар лапы... Люцифер невольно задержал дыхание. Животное выглядело величественно и пугающе одновременно — грация хищника сочеталась с невероятной мощью.

— И куда вы такое чудо готовите? — удивился Люцифер, рассматривая животное со всех сторон.

Он наклонился ближе к экрану, прищурился, пытаясь оценить пропорции.

— На Землю...

— На Землю?! — он удивлённо поднял бровь, и его глаза расширились. — Она больше, чем сами люди! Эта кошка с меня ростом!

— Чуть меньше, — парировал парень, стараясь говорить уверенно, но в его голосе проскользнула нотка тревоги. — У тебя 2,10 м.

— Отлично! — съязвил Люцифер, и в его смехе прозвучала лёгкая горечь. — На 10 см меня меньше. Парк доисторического периода, а не Земля будет... А что у вас не получается? — спросил он, не обращая внимания на растущее напряжение вокруг.

Его голос прозвучал твёрже, чем он ожидал, — словно он сам пытался убедить себя в собственной уверенности.

— А вот что, — сказала Денница, нажав кнопку «Старт».

Её пальцы дрогнули на мгновение, но она быстро взяла себя в руки.

И перед ним в испытательной камере появилась голограмма кошки. Изящность внешнего вида Люцифер оценил — плавные линии, мускулистое тело, грациозная осанка.

«Да, действительно красотка!» — подумал он, и в груди что-то ёкнуло от восхищения.

— Прыжок у нас не идёт, — пояснила Денница, и в её голосе прозвучало искреннее разочарование.

Она прикусила губу, глядя на экран.

Кошка свалилась, как мешок с кирпичами — неуклюже, без всякой грации. Голограмма мигнула и исчезла, оставив после себя лишь лёгкое мерцание в воздухе. В помещении повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием участников. Люцифер почувствовал, как внутри него закипает азарт — он уже начал обдумывать, как исправить этот недочёт.

— Открой мне настройки, — увлёкся Люцифер, его глаза загорелись азартом, пальцы быстро забегали по сенсорной панели.

Он полностью погрузился в процесс, забыв обо всём вокруг — о времени, о людях рядом, даже о собственном беспокойстве.

Ангелы с любопытством столпились вокруг него, переглядываясь и обмениваясь удивлёнными взглядами. Кто-то невольно улыбнулся, кто-то тихо перешёптывался с соседом. Оказывается, не такой уж он и страшный — этот Люцифер. В его сосредоточенном лице, в том, как он хмурил брови, разбираясь в схемах, было что-то почти мальчишеское, живое, человеческое.

Работу закончили далеко за полночь. Усталость ощущалась в каждом движении, но все были довольны и счастливы. Кто-то радостно хлопал другого по плечу, кто-то смеялся, вспо-

миная забавные моменты, кто-то устало, но счастливо потягивался. С улыбками и тихими благодарностями все разошлись по своим местам, унося с собой ощущение чего-то важного, сделанного вместе.

— Рада! — Люцифер поймал девушку возле открывающейся двери в стене, его голос прозвучал чуть громче, чем он планировал, выдавая волнение. Он слегка запыхался, будто бежал за ней. — Ты куда?!

— Я останусь здесь, — пыталась оправдаться она, отводя взгляд и нервно теребя край рукава.

Её пальцы слегка дрожали, а в глазах читалась смесь желания остаться и неуверенности.

— Здравствуйте! — парировал тот с лёгкой иронией, но в его голосе звучала забота. — Идём.

— Но... — начала она, и в её голосе прозвучала тоска по этому месту, где она чувствовала себя нужной и понятой.

— Идём! — протянул он твёрдо, но мягко, взяв девушку за локоть. Его прикосновение было осторожным, почти нежным. — Теперь тебе здесь не стоит оставаться.

— Перестань, — зашептала она, и в её шёпоте слышалась грусть. — Такое ощущение, что здесь вообще другой мир.

Она медленно огляделась, словно впитывая взглядом каждую деталь: мерцающие экраны, гудящие приборы, знакомые лица коллег.

— Я тебя понимаю, — его голос смягчился. Он сделал шаг ближе, глядя ей прямо в глаза. — Тебе неудобно уходить отсюда, но тебе надо обживать и там, — указал он глазами наверх, и в этом жесте было больше, чем просто указание на этаж — это был призыв к новой жизни.

И тут она рассмеялась — звонко, искренне, и этот смех разнёсся по коридору, разгоняя остатки напряжения. Её плечи расслабились, а лицо озарилось светом.

— Я поняла, — пояснила она растерявшемуся юноше, и в её взгляде появилась теплота. — Ты хочешь, чтобы я оценила комнату, приготовленную для меня.

— Да, даже не буду отрицать. Всё именно так, — признался он, и на его губах появилась редкая, почти застенчивая улыбка.

Она улыбнулась в ответ — широко, открыто, и в этой улыбке было столько доверия, что у Люцифера защемило сердце.

— Ну хорошо, пойдём, — сказала она, и её голос звучал уже легче, свободнее.

Рада провалилась в сон, как только голова коснулась подушки. На душе было легко и свободно — впервые за долгое время. Она почувствовала, как напряжение последних дней покидает её тело, а мысли успокаиваются. В полудрёме ей казалось, что она всё ещё слышит голоса коллег, гул приборов и голос Люцифера, такой уверенный и в то же время заботливый.

Теперь Люцифер был частым гостем на нижних этажах. Он участвовал во всех экспериментах с интересом и энтузиазмом, который раньше скрывал за маской отстранённости. Его глаза загорались при виде новых задач, он с удовольствием спорил с коллегами, предлагал нестандартные решения, иногда поддразнивал, но всегда с доброй улыбкой. В эти моменты он казался моложе, живее, и ангелы постепенно начали воспринимать его не как строгого надзирателя, а как равного — увлечённого, страстного, настоящего.

Глава 2. Феху: Путь к себе.

Сердце привыкло к боли — шрам за шрамом,

Душа замёрзла, не верит чудесам.

Плывёшь по кругу, теряясь в тумане,

Кто из нас прав — не найти ответа нам.

Спрошу у тебя: уйдёт ли когда-то любовь?

Можно ль снова принять эту боль, вновь и вновь?

Жизнь казалась игрой — но сорваны маски,

Я не хочу играть по чужим указкам.
Сердце привыкло к боли — шрам за шрамом,
Душа замёрзла, не верит чудесам.
Моё сердце не слышит слов и упрёков,
Верит слепо в любовь — сквозь тьму и упрёки.

Дениса обняла подушку и закрыла глаза, вжимаясь в неё так, будто та могла укрыть от всех тревог мира. Она уже собиралась отдаться власти сна, раствориться в темноте, где не было ни тяжёлых разговоров, ни горьких слов, ни взглядов, от которых становилось не по себе. Но тишину комнаты разорвала резкая вибрация телефона — будто кто-то грубо дёрнул за невидимую нить, выдергивая её обратно в реальность.

Девушка нехотя ответила на звонок, пальцы скользнули по экрану почти против воли. Номер был ей неизвестен, и от этого внутри шевельнулось неприятное, колющее предчувствие — как перед ударом, которого не успеваешь избежать.

— Дениса, — раздался знакомый голос Тамиру, и это «Дениса» прозвучало так бережно, будто он боялся спугнуть её одним неверным звуком.

— Тамиру, — растерялась девушка, и в этом растерянном выдохе смешались и удивление, и тревога, и что-то ещё, едва уловимое — то ли отголосок старой привязанности, то ли просто привычка слышать его голос.

— Да, это я, — робко произнёс он. — Дениса, я хотел бы...

— Как ты нашёл меня? — выпалила она, и вопрос прозвучал резче, чем хотелось, потому что за ним пряталась обида — обида на то, что он снова ворвался в её пространство, когда она только-только пыталась собрать себя по кусочкам.

— Не важно как, — голос парня дрожал, и в этой дрожи было столько волнения, что на секунду ей даже стало его жаль. — Я очень хочу встретиться с тобой.

— Нет, — резко бросила девушка, и слово вышло колючим, как осколок льда.

— Дениса...

— Я сказала «нет». Та ночь больше никогда не повторится, — грубо ответила она и отключила телефон, будто захлопнула перед ним дверь.

— Ещё чего, — проворчала она, заворачиваясь в одеяло, прячась в его мягкой темноте, как в коконе. — Никогда больше не повторится.

Но Тамиру звонил снова. И снова. И снова. Каждый звонок впивался в тишину, как настойчивый стук в запертую дверь. Девушка не отвечала, стискивая зубы, но этот упрямый, неумолкающий сигнал уже не давал ей ни спрятаться, ни забыть.

— Настойчивый, — проворчала Дениса, покосившись на телефон, словно он был виноват во всём.

Экран мерцал, манил, дразнил. В этот момент пошли сообщения. Короткие, сбивчивые, будто слова не успевали за мыслями. Не выдержав, девушка принялась читать их, и с каждой строчкой её плечи понемногу опускались, а броня, которую она так старательно выстраивала, становилась чуть тоньше.

Через минуту Тамиру перезвонил снова. Дениса ответила — сама не зная почему: то ли из любопытства, то ли из той самой слабости, которая всегда просыпается там, где замешаны старые чувства.

— Ты не так поняла, Иса, — начал он, и это старое, почти забытое прозвище кольнуло где-то под рёбрами, напомнив о временах, когда всё было проще.

— Тамиру... — она хотела сказать что-то резкое, поставить точку, но голос подвёл, вышел тихим и чуть хриплым.

— Подожди, пожалуйста, подожди. Выслушай меня.

— Хорошо, говори, — сдалась она, и в этом «хорошо» было больше усталости, чем согласия.

— Я хотел пригласить тебя прогуляться по городу...

— И что я не видела в твоём городе? — недовольно буркнула она, пытаясь вернуть себе ту самую колючесть, которая защищала её лучше любой брони.

— Дениса, пожалуйста. Я не хотел ничего плохого.

— Тамиру, та ночь...

— Да, я знаю. Та ночь не повторится. Это так. Но... пожалуйста, позволь мне видеть тебя.

Дениса молчала. В груди теснилось сразу всё: и обида, и усталость, и странное, неуместное предвкушение, которое она не хотела признавать.

— Просто видеть тебя, — повторил он, и в этих словах не было напора, только тихая, почти отчаянная просьба.

— Просто видеть меня? — недоверчиво повторила она, будто пыталась примерить эти слова на себя, понять, поместятся ли они в ту трещину, что пролегла между ними.

— Да, просто видеть тебя.

Дениса задумалась. Тишина на том конце провода была не давящей, а осторожной: Тамиру не хотел давить на неё и торопить, будто боялся спугнуть даже этот хрупкий мостик.

— Хорошо, — выдохнула она, и этот выдох был похож на капитуляцию перед чем-то неизбежным. — Если просто видеть меня...

— Я буду ждать тебя в нашем кафе.

— В городе Феху? — губы девушки растянулись в улыбке, и эта улыбка вышла не победной, а какой-то светлой, почти детской — как будто вместе с городом возвращалось что-то давно забытое.

— Да, в городе Феху.

— Надо было сразу сказать.

— Да, — Тамиру оживился, и в его голосе вдруг зазвучала та самая лёгкость, которую она когда-то так любила.

— Я обожаю этот город!

— Отлично! Я покажу тебе площадь Рун.

— Я слышала о площади Рун: днём проекции рисуют на мостовой меняющиеся узоры, а вечером они складываются в созвездия... — она говорила и будто сама заворожилась этой картиной, позволяя себе на минуту забыть обо всём, что было между ними плохого.

— Да. А знаешь, какое у нас кафе?

— «Поток»?

— Да, именно.

Они так болтали ещё полчаса — о пустяках, о городе, о мелочах, которые вдруг стали казаться важными. В этом разговоре не было ни упрёков, ни оправданий, ни тяжёлых признаний: только два человека, которые осторожно пробовали снова дышать рядом друг с другом.

Потом, едва прекратив разговор, уже рано утром Дениса направлялась на «Сириус» — в город Феху. Ветер трепал её волосы, солнце касалось лица тёплыми пальцами, а впереди ждал город, который умел стирать старые обиды и дарить надежду на что-то новое. И пусть пока она не знала, что будет дальше, — сейчас ей было достаточно просто ехать туда, где её ждали.

Представьте: среди стеклянных панелей технопарков и зелёных крыш инновационных кварталов возвышается Феху. Это не классический город, а скорее умный, компактный комплекс, где технологии сливаются с природой. Его силуэт задают несколько высоких башен с динамичными, «живыми» фасадами — они будто дышат: в них встроены датчики, и в зависимости от погоды, времени суток или даже настроения прохожих панели меняют оттенок, переливаясь стальными, синими или серебристыми тонами.

Улицы здесь — не проезжие магистрали, а продуманные пешеходные артерии. Вместо асфальта — экологичное покрытие, пропускающее воду и зелень. Вдоль маршрутов тянутся вертикальные сады и небольшие водоёмы, а над некоторыми участками нависает «умный»

навес: он автоматически регулирует освещение и защищает от дождя. В городе доминируют минимализм и биофильный дизайн — много натуральных материалов, а формы подчёркивают связь с окружающим ландшафтом (рядом ведь горы и море!).

Сердце Феху — центральный хаб, где сходятся транспортные потоки (включая беспилотные капсулы и маглев) и цифровые сервисы. Здесь расположены коворкинги, лаборатории, медиатеки и пространства для коллабораций. Всё управляется единой ИИ-системой: она оптимизирует энергопотребление, распределяет ресурсы и даже предлагает персонализированные маршруты жителям и гостям. При этом акцент сделан на приватности: личные данные защищены продвинутыми протоколами, а у каждого есть цифровой «ключ», который открывает только нужные зоны.

В Феху нет жёсткого деления на жилые и рабочие районы — концепция смешанного использования. В одном квартале могут соседствовать апартаменты, стартап-студия, спа-центр и открытая площадка для йоги. Город рассчитан на мобильную, творческую аудиторию: учёных, дизайнеров, предпринимателей. Здесь поощряют эксперименты: на стенах часто встречаются проекции арт-объектов, а в общественных пространствах регулярно проходят интерактивные инсталляции.

При этом Феху не оторвана от реальности. Рядом — обширные парковые зоны, где можно погулять среди экзотических растений, или точка доступа к морскому кластеру с причалами для экологичного водного транспорта. Город сознательно делает ставку на устойчивость: солнечные панели, системы сбора и очистки воды, вертикальные фермы для локального производства части продуктов.

В общем, Феху на Сириусе — это не просто точка на карте, а целая экосистема, где человек, технология и природа работают в симбиозе.

Говорят, что город Феху появился не по плану архитекторов, а по воле одного-единственного желания. Когда первые колонисты прибыли на Сириус, они долго не могли выбрать место для поселения: ни одна точка не ощущалась «правильной». Всё казалось либо слишком холодным, либо слишком открытым, либо просто... чужим.

Среди них была девушка по имени Лира — инженер и немного мечтательница. Она верила, что место само должно позвать. И однажды ночью, когда небо над Сириусом горело особенно ярко, Лира вышла на плато и прошептала: «Пусть здесь будет место, где не страшно начинать заново».

Наутро на плато нашли странный узор из мелких камней, будто кто-то выстроил руну. Это была Феху — руна начала, движения, потока, дара. Колонисты восприняли это как знак. Они решили: если сама земля предлагает имя, значит, здесь и нужно строить.

Первые здания возводили вручную, без тяжёлой техники, чтобы не нарушить хрупкий баланс местности. И чем больше строили, тем сильнее казалось, что город будто помогает сам себе рождаться: ветер приносил семена нужных растений, камни ложились ровно, а вода находила свои русла.

Со временем к ручному труду добавились технологии, но философию не забыли. Умные фасады, ИИ-системы и экотехнологии в Феху не подавляют природу, а продолжают ту самую первую интуицию Леры: город должен быть местом, где можно начать заново и не остаться в одиночестве. Даже руна Феху стала символом города — её можно встретить в узорах мостовых, на фасадах и в навигации.

Тамиру ожидал её в условленном месте — на небольшой площади у космопорта, где утренний свет ложился на плиты золотистыми пятнами, а лёгкий ветер перебирал ленты на уличных фонарях. Он стоял, чуть подавшись вперёд, будто сам тянулся навстречу этому моменту, и, когда челнок мягко коснулся посадочной площадки, не стал ждать, пока откроется шлюз, — он едва не вытащил её из челнока, помогая выйти, словно боялся, что если замешкается хоть на секунду, всё рассыплется, как сон при резком пробуждении.

Дениса соскользнула вниз и попала прямо в руки Тамиру.

Юноша застыл, держа её на весу. Он был заморожен её внешним видом — не просто красотой, а тем, как она в этот миг казалась одновременно хрупкой и сильной, как будто сама решила, что сегодня будет лёгкой, воздушной, но не беззащитной.

Белое платье в мелкий цветочек — приталенное, с облегающим лифом — сидело на ней так, будто было создано специально для этого дня, для этого города, для этой встречи. Часть волос рассыпалась по плечам лёгкими волнами, будто небрежно, но в этой небрежности чувствовалась продуманная изящность; часть была собрана в небольшой пучок и зафиксирована заколками-палочками, которые поблескивали в солнечных лучах тонкими искорками. В этом образе было что-то одновременно нежное и дерзкое — словно она хотела и спрятаться от мира, и показать ему себя, сказать: «Я здесь. Я решилась».

— Может, ты меня опустишь? — робко произнесла девушка, пряча улыбку в уголках губ.

В её голосе слышалась не только лёгкая неловкость, но и едва уловимое удовольствие от того, что её вот так держат, будто она — самое ценное, что есть в этом мире.

Тамиру нехотя последовал её просьбе, медленно опуская её на землю, будто боялся, что она растает, стоит ему лишь разжать руки. Когда её ноги коснулись плит, он не сразу отпустил её — ещё на мгновение задержал ладони чуть выше её локтей, словно проверяя, реальна ли она. И только потом, будто опомнившись, отступил на полшага, но взгляд не отвёл.

— Ты обещал подготовить маршрут по Феху, — начала Дениса, скорее для того, чтобы скрыть лёгкое смущение, чем из настоящего интереса.

Голос её звучал чуть тише обычного, а пальцы невольно теребили край платья, выдавая волнение, которое она пыталась спрятать за будничным тоном.

— Да, — спохватился парень и, чуть покраснев от собственной нерасторопности, протянул ей красочную брошюру. Бумага чуть хрустела в его пальцах, и он на секунду задержал её в руках, будто хотел вложить в этот жест больше, чем просто листок с маршрутом. — Вот, тут всё: главные места, тайные уголки, даже пара кафе, о которых знают только местные. Я хотел, чтобы этот день был... особенным.

Он запнулся на последнем слове, будто испугался, что оно прозвучало слишком громко, слишком откровенно, и быстро добавил, стараясь сгладить неловкость:

— Ну, знаешь, чтобы тебе понравилось. Чтобы ты вспомнила, почему ты любишь Феху. Чтобы... — он снова запнулся, подбирая слова, которые не звучали бы как оправдание, но и не выдали бы всей той надежды, что теснилась у него в груди.

Дениса взяла брошюру, её пальцы на мгновение коснулись его руки, и этот случайный, почти незаметный контакт отозвался в воздухе между ними чем-то тёплым и хрупким, как первая искра. Она открыла брошюру, пробежала глазами по страницам, и на её лице медленно проступила улыбка — не широкая, не торжествующая, а тихая, осторожная, будто она боялась спугнуть это ощущение, но уже не могла его не признать.

Тамиру чуть наклонился над брошюрой, водя пальцем по строчкам, будто хотел не просто прочитать, а запомнить каждую деталь, чтобы потом рассказать своими словами.

— Смотри, — тихо начал он, будто боялся спугнуть это хрупкое согласие Денисы, — я всё расписал по слоям. Чтобы ты не хваталась за город сразу целиком — а будто раскрывала его, как книгу: сначала обложку, потом первую страницу, потом самое сердце...

Он поднял глаза, в них светилось нетерпение, но он сдерживал себя, не торопил.

— Начнём с Ветрового плато. В девять утра там ещё не жарко, зато ветер такой, что кажется — город поёт. Ты встанешь у перил, положишь ладонь на руну Феху, и вдруг поймёшь, почему этот город вообще существует. Он будто говорит с тобой. Честно.

Дениса чуть улыбнулась — не широко, но искренне, и Тамиру выдохнул, будто этот маленький знак значил для него больше, чем любые слова.

— Потом спустимся в центр, к площади Рун. Там в десять тридцать как раз начинается дневная магия: проекции на мостовой ещё лёгкие, полупрозрачные, они будто пробуют себя перед вечером. А ещё заглянем в инфоцентр — там дают цифровой ключ гостя. С ним тебе откроются такие штуки, о которых туристы даже не догадываются: мини-выставки, скрытые маршруты, скидки в местах, куда просто так не попадёшь.

Он на секунду запнулся, словно проверяя, не слишком ли много наваливает, и тут же поспешно добавил:

— Но если хочешь, можем вообще мимо него пройти. Я не хочу, чтобы это было как экскурсия из учебника. Просто... мне хотелось показать тебе город моими глазами.

Дениса кивнула, чуть крепче сжимая брошюру, и он продолжил, уже спокойнее:

— В полдень — обед в «Потоке». Это моё любимое место. Там всё как будто замедляется: сад за стеклом, свет падает косыми полосами, а на стене бежит «городская лента» — истории людей, которые здесь живут. Иногда читаешь одну строчку, и вдруг понимаешь что-то про себя. Я подумал, тебе может понравиться. И обязательно попробуй «Сириус-салат» и травяной чай — это почти ритуал. Такой, тихий.

Тамиру на мгновение замолчал, подбирая слова, чтобы не звучать слишком пафосно.

— После обеда прогуляемся по «зелёным артериям». Это бульвары с водоёмами и навесами. Там фасады живые: они реагируют на солнце, становятся то прозрачными, то матовыми, будто город дышит. А в одном сквере есть «Стена тишины» — там специально приглушают шум, чтобы ты могла услышать свои мысли. Если повезёт, застанем световую инсталляцию: она показывает ритм города — ветер, температуру, всё такое. Выглядит как танец света.

Он чуть усмехнулся, будто сам себе не верил, что говорит всё это так серьёзно, но тут же снова стал собранным.

— В четыре тридцать — Музей Руны и Истории Плато. Он маленький, но в нём столько души... Там есть «комната тишины» с одним-единственным экспонатом — камнем, на котором проступает руна Феху. В музее не принято шуметь: считается, что город лучше всего рассказывает свои истории шёпотом. Я подумал, ты это почувствуешь.

Тамиру снова сделал паузу, давая ей время всё это примерить на себя.

— К шести тридцати выйдем к набережной. Там воздух пахнет солью и травами, и город становится другим — более тихим, более настоящим. Можно прокатиться на водном такси — оно бесшумное, будто плывёшь на облаке. Или просто посидеть на скамейке и смотреть, как огни отражаются в воде. Ещё там есть «Аллея обещаний»: люди оставляют на пластинах короткие фразы — о том, что хотят начать или отпустить. Ты можешь ничего не писать, если не хочется. Или написать что-то совсем маленькое. Или просто почитать чужие слова. Иногда в них находишь что-то своё.

Его голос стал тише, мягче, будто он уже видел этот вечер: огни, воду, её взгляд, устремлённый вдаль.

— А в восемь — закат на террасе «Горизонт». Там подают тёплые напитки и лёгкие десерты, и оттуда видно, как город меняет кожу: фасады темнеют, тени становятся длиннее, а на площади Рун проекции складываются в новые узоры — уже ночные. Это место, где день становится воспоминанием. И где можно подумать, что хочется открыть в Феху завтра.

Тамиру наконец поднял глаза на Денису, и в его взгляде было столько надежды, столько желания, чтобы ей понравилось, что она не смогла удержаться от улыбки — на этот раз широкой, настоящей.

— И знаешь, — добавил он чуть тише, будто это было самое важное, — если в какой-то момент ты скажешь «я не хочу в музей» или «давай просто посидим где-нибудь и попьем чаю», мы так и сделаем. Этот маршрут — не приказ. Он просто... карта моих любимых мест. А куда по ней идти — решать тебе.

Дениса медленно кивнула, сжимая в пальцах брошюру, но теперь уже не от волнения, а от предвкушения.

— Тут даже площадь Рун отмечена, — тихо сказала она, и в этом замечании прозвучало не просто узнавание, а что-то вроде благодарности: за то, что он помнил, за то, что подумал об этом, за то, что хотел сделать этот день не просто прогулкой, а чем-то большим.

Тамиру выдохнул, будто до этого момента не дышал вовсе, и в его глазах мелькнуло облегчение, смешанное с радостью, — такой чистой и простой, что она невольно отозвалась где-то внутри неё.

— Пойдём? — спросил он, чуть наклонив голову и указывая в сторону узких улочек, которые уже манили своей тенью и обещанием маленьких открытий. — Начнём с площади, если хочешь. Или с чего-нибудь совсем другого. Хоть с кафе, хоть с лавки с пряностями, хоть просто побродим, где тени длиннее... Я не тороплю.

— Тогда начнём с ветра, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Хочу почувствовать, как город поёт.

Дениса на секунду задержала взгляд на его лице, словно пыталась прочесть в нём все те слова, которые он не решался сказать, и потом кивнула — коротко, но твёрдо, как будто этим кивком она не просто соглашалась на прогулку, а делала шаг вперёд, туда, где прошлое не тянуло назад, а становилось частью пути.

— Нет, давай с площади, — сказала она, и голос её прозвучал уже увереннее, свободнее. — Хочу увидеть, как узоры складываются в созвездия. Даже днём.

И они пошли — рядом, но не слишком близко, будто ещё не решались сократить это расстояние, но уже знали, что с каждым шагом оно будет становиться всё меньше. Город встречал их шёпотом ветра, звоном далёких колокольчиков и светом, который, казалось, был создан специально для того, чтобы делать невозможное возможным.

— Подожди здесь, — Тамиру остановился у края смотровой площадки на Ветровом плато и вытянул руку вперёд, очерчивая дугу над городом. — Смотри: отсюда кажется, что башни не стоят, а летят. Как будто их специально расположили так, чтобы повторять изгиб ветра. Это не просто архитектура — это диалог с местностью. Первые поселенцы верили, что если строить в согласии с ветром, город будет жить дольше.

Дениса подошла ближе, встала рядом, и Тамиру невольно задержал дыхание: ему вдруг стало казаться, что от того, понравится ли ей этот вид, зависит что-то очень важное. Девушка смотрела на город, слегка наклонив голову, и в её взгляде не было ни скуки, ни вежливого равнодушия — только искреннее любопытство.

— Красиво, — тихо сказала она, и в этом слове прозвучало столько тепла, что Тамиру почувствовал, как внутри разливается приятное, чуть щекощущее чувство гордости.

Ветер здесь и правда был сильнее — он не просто дул, а обволакивал, приносил с собой запахи далёких улиц, соли, нагретого камня и чего-то неуловимо родного. Дениса замерла на мгновение, позволяя ветру растрепать пряди волос и прогнать остатки утренней скованности.

Тамиру молча указал на перила, где тёмным рельефом выделялась руна Феху — строгая, лаконичная, будто сама суть города, отлитая в металле.

— Положи ладонь, — тихо предложил он. — Говорят, так город запоминает тебя. И отвечает.

Дениса улыбнулась краешком губ — не то поверив в примету, не то просто желая подыграть, — и прижала ладонь к прохладному металлу. Руна чуть отозвалась холодом, а потом будто потеплела под её пальцами. Щёлкнул затвор камеры: Тамиру поймал этот миг — её взгляд, устремлённый вдаль, лёгкую улыбку, ветер, играющий с краем платья.

— Первый кадр дня, — шепнул он, и в этом было что-то очень правильное: не просто фото, а начало истории, которую они будут вспоминать потом.

Они спустились вниз по извилистой улице, где дома прижимались друг к другу, словно делились секретами, а тени лежали ровными полосами, будто специально расчерчивали путь. Площадь Рун встретила их светом и простором — открытое пространство, где воздух казался чище, а шаги звучали увереннее.

— Это ещё не всё, — торопливо подхватил Тамиру, стараясь скрыть, как сильно его обрадовали её слова. — Пойдём, покажу тебе Площадь Рун. Там днём проекции рисуют на мостовой узоры, а вечером они складываются в созвездия. Говорят, если постоять в центре, пока рисунок не замкнётся, загаданное желание обязательно сбудется. Правда, я никогда не загадывал, — он усмехнулся, чуть смутившись собственной откровенностью. — Всё как-то не до того было.

Они спустились по широкой лестнице, ступени которой были выложены плитами с едва заметными гравировками — рунами, складывающимися в короткие фразы на старом языке колонистов. Тамиру нарочно шёл медленно, давая Денисе время рассмотреть детали, и каждый раз, когда она наклонялась, чтобы разглядеть узор поближе, он едва сдерживал улыбку.

На Площади Рун действительно творилось что-то волшебное: по каменной мостовой бежали тонкие линии света, сплетаясь в причудливые фигуры. Они то замирали, то снова начинали двигаться, словно живые.

— Смотри, — Тамиру указал на небольшой постамент в центре площади, где на металлической табличке была выбита история руны Феху: о начале, о даре, о движении вперёд. — Это та самая руна, с которой всё началось. Говорят, её нашли на плато в первый день. Для колонистов это был знак.

Дениса провела пальцами по гравировке, будто пытаясь почувствовать её историю через прикосновение, и подняла глаза на Тамиру. В её взгляде читалось тихое уважение — и это было дороже любых громких похвал.

— Ты так много знаешь о городе, — сказала она. — Будто он для тебя не просто место, а... дом.

Тамиру на секунду замер, словно эти слова застали его врасплох. Он пожал плечами, стараясь выглядеть небрежно, но в голосе всё равно прозвучала искренность:

— Ну, я ведь вырос здесь. С детства бегал по этим лестницам, прятался за колоннами во время фестивалей, слушал истории стариков у костров на набережной. Для меня Феху — это не только фасады и технологии. Это люди, их голоса, их мечты, которые осели в этих стенах.

Дальше они шли уже не торопясь, будто город сам задавал им спокойный, размеренный ритм. Тамиру показал ей «зелёные артерии» — бульвары с водоёмами и навесами, где фасады реагировали на солнце, меняя прозрачность. Он с гордостью рассказывал, как устроены вертикальные фермы и как система собирает и очищает воду, и в его словах не было хвастовства — только любовь к месту, которое он считал своим.

В одном из скверов он остановился у «Стены тишины» и тихо сказал:

— Здесь можно услышать собственные мысли. Иногда это самое сложное.

Дениса улыбнулась, и в этой улыбке было столько понимания, что Тамиру вдруг почувствовал: ему не нужно стараться произвести впечатление. Достаточно просто быть собой и показывать город так, как он его чувствует.

— Здесь город говорит громче всего, — сказал Тамиру, чуть наклоняясь к Денисе, чтобы перекрыть лёгкий гул голосов и далёкий перезвон уличных колокольчиков. — Но не словами. Проекциями, светом, движением людей. Смотри.

Дениса подняла голову: над мостовой дрожали полупрозрачные узоры — лёгкие, как дыхание, они скользили по камню, складывались и рассыпались, будто пробовали себя перед вечерним представлением.

Не сговариваясь, они свернули к инфоцентру — небольшому куполу из матового стекла, который будто вырос прямо из площади. Внутри было прохладно и тихо, пахло бумагой, электроникой и чем-то ещё, неуловимо городским.

Девушка за стойкой улыбнулась им, как старым знакомым, и протянула небольшой гладкий чип.

— Временный цифровой ключ гостя, — пояснила она. — Он откроет вам персональные маршруты, скидки в кафе и доступ к закрытым мини-выставкам. А ещё у него есть одна маленькая магия: он запоминает, что вам понравилось, и подсказывает места, о которых вы сами не догадались бы.

Тамиру взял чип и протянул его Денисе.

— Пусть будет у тебя, — сказал он. — Пусть город рассказывает свои истории тебе.

Она кивнула, пряча лёгкое волнение за улыбкой, и убрала ключ в карман платья. Ощущение было странное: будто она не просто получила пропуск, а приняла от города молчаливое приглашение быть здесь своей.

Они снова вышли на площадь, и теперь она уже не казалась просто пространством — она стала картой возможностей, где каждый узор на мостовой будто подмигивал: «Вот тут сверни. Вот тут задержись. Вот тут удивись».

— Что дальше? — спросила Дениса, поворачиваясь к Тамиру. В её голосе звучало не ожидание указаний, а искренний интерес.

Он улыбнулся — широко, свободно, без напряжения, которое висело между ними ещё утром.

— Дальше, — сказал он, — мы просто идём. И позволяем городу вести нас. Куда захочешь. Или никуда. Можем смотреть на узоры, можем пить кофе, можем стоять и слушать, как площадь шепчет свои истории. Сегодня этот маршрут — твой.

И они пошли — рядом, плечом к плечу, пока площадь Рун раскрывала перед ними свои маленькие тайны, одну за другой.

— Кстати, — внезапно спохватился он, взглянув на хронометр на запястье, — уже почти полдень. Ты, наверное, устала. Давай зайдём в «Поток»? Это моё любимое кафе. Там подают блюда из продуктов с городских ферм — всё свежее, будто только что с грядки. И вид оттуда отличный: сквозь прозрачные стены видно, как ветер шевелит листву в вертикальных садах.

Дениса кивнула, и в её глазах мелькнуло предвкушение.

Кафе «Поток» оказалось уютным полукруглым павильоном, будто вырастающим из самой земли. Внутри было светло, но не ярко: мягкий рассеянный свет струился сквозь полупрозрачные панели, а вдоль стен тянулись живые зелёные стены, в которых прятались крошечные светильники, напоминающие светлячков.

Официант в лёгкой серой униформе встретил их приветливой улыбкой и провёл к столику у окна.

— Что посоветуешь? — спросила Дениса, пробежавшись взглядом по лаконичному меню на тонкой стеклянной пластине.

Тамиру чуть покраснел, будто от этого вопроса зависела его репутация знатока города.

— Попробуй «Сириус-салат» — его делают из микрозелени с верхних ферм и добавляют кусочки запечённого корнеплода, который растёт только в наших оранжереях. А к нему — чай с горными травами. У него такой аромат, что сразу вспоминаешь, как в детстве ходил в походы к предгорьям.

Заказ принесли быстро: салат лежал на чёрной каменной тарелке, украшенный тонкими ломтиками цитруса, а чай дымился в прозрачных чашках, источая тонкий пряный аромат.

Дениса попробовала салат и закрыла глаза, будто прислушиваясь к вкусу.

— Ммм... в нём столько оттенков. Как будто каждый ингредиент рассказывает свою историю.

Тамиру улыбнулся, довольный её реакцией.

— Именно так. В Феху даже еда — это часть городского языка. Всё связано: фермы, климат, технологии, люди.

Пока они ели, по стене напротив медленно проплывали короткие истории жителей города — текстовые проекции, сменяющие друг друга, как кадры старого кино. Одна рассказывала о том, как маленькая девочка вырастила первый куст лаванды в школьной теплице, другая — о пожилом инженере, который до сих пор проверяет датчики на фасадах лично.

— Знаешь, — тихо сказала Дениса, когда они допили чай, — теперь я понимаю, почему ты так любишь этот город. Он не кажется холодным или слишком технологичным. В нём есть душа.

Тамиру посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на благодарность.

— Спасибо, что увидела это. Не все замечают.

Они шли по «зелёным артериям» — пешеходным бульварам, где город будто замедлял свой бег. Над дорожками нависали лёгкие навесы, отбрасывая на мостовую кружевную тень, а между рядами деревьев поблёскивали узкие водоёмы: в их спокойной глади отражались фасады, дробясь на сотни бликов.

Дениса остановилась, заворожённая тем, как меняется сам воздух — здесь он был чуть прохладнее, чище, будто бульвары и правда были «артериями», по которым по городу текла свежая, живая энергия.

— Смотри, — тихо сказал Тамиру, указывая на ближайший дом. — Сейчас увидишь.

И в тот же миг фасад здания словно вздохнул: полупрозрачные панели, из которых состояла стена, плавно меняли прозрачность, подстраиваясь под движение солнца. То они становились почти зеркальными, отражая небо, то делались матовыми, будто пряча дом от слишком яркого света.

— Это «умные» фасады, — пояснил Тамиру с едва заметной гордостью, как будто сам помогал их строить. — Они не просто реагируют на солнце — они берегут город. Меньше перегрева, меньше нагрузки на системы. Это не технологии ради красоты. Это забота.

Дениса протянула руку, не касаясь, будто хотела почувствовать это движение воздуха, эту тонкую настройку мира вокруг.

— Как будто город живой, — прошептала она.

Тамиру улыбнулся, не отвечая словами — ему было достаточно того, что она это увидела.

Они свернули в небольшой сквер, скрытый от главной аллеи живой изгородью. Здесь сразу стало тише: гул города будто отсекло невидимой завесой. В центре сквера стояла гладкая каменная стена — ровная, без узоров, но отчего-то притягивающая взгляд.

— «Стена тишины», — тихо произнёс Тамиру. — Здесь специально снижают уровень шума. Не чтобы спрятаться от города, а чтобы услышать себя.

Дениса замерла, прислушиваясь. И правда: исчезли резкие звуки, обрывки разговоров, далёкий гул транспорта. Остались только самые тихие, почти незаметные вещи: шелест листьев, редкий крик птицы, собственное дыхание.

Она медленно подошла к стене и приложила к ней ладонь. Камень был прохладным, спокойным.

— Иногда мне кажется, что в шуме мы теряем самое важное, — тихо сказала она, не оборачиваясь. — Свои мысли. Свои чувства. Просто... себя.

Тамиру не стал ничего отвечать. Он просто встал рядом, не нарушая этой тишины, и тоже прислушался — не к городу, а к тому, что происходит внутри.

И вдруг стена мягко засветилась. Тонкие линии побежали по её поверхности, складываясь в плавные, ритмичные узоры — то ускоряясь, то замедляясь, как дыхание.

— Световая инсталляция, — так же тихо объяснил Тамиру. — Она показывает «дыхание» города: ветер, температуру, уровень CO₂. Это не просто картинка. Это пульс.

Узоры переливались, дышали, жили. И в этом танце света было что-то удивительно гармоничное — будто город и правда был единым существом, и сейчас он спокойно вдыхал и выдыхал, позволяя им стать частью этого ритма.

Дениса смотрела на стену, и в её глазах отражались эти бегущие линии — как будто она пыталась запомнить этот миг, сохранить его где-то глубоко внутри.

— Красиво, — прошептала она наконец. — Не броско. Не громко. А... по-настоящему.

Тамиру кивнул, чувствуя, как в груди разливается тихая радость: она поняла. Не умом, а сердцем.

— Пора идти дальше, — мягко сказал он, не торопясь, но и не желая терять время. — У меня для тебя ещё одно место.

Музей прятался в небольшом переулке, почти незаметный за высокими стенами соседних домов. Его фасад был нарочно сдержанным — никаких ярких вывесок, только тонкая гравировка руны Феху над входом, едва различимая в полутени.

Когда они переступили порог, шум города остался где-то далеко, будто его отрезало тяжёлой дверью. Внутри царил полумрак, рассеянный мягкий свет ложился на витрины, не ослепляя, а приглашая присмотреться.

В экспозиции были камни с плато — грубые, тяжёлые, с неровными краями, будто сами скалы хотели что-то сказать, но не знали, как облечь это в слова. Рядом лежали старые чертежи: на пожелтевшей бумаге тонкими линиями были нарисованы первые дома, первые улицы, первые попытки приручить этот суровый край.

Интерактивные панели показывали, как менялся город: как росли башни, как появлялись бульвары, как город учился дышать в такт ветру.

Тамиру шёл чуть впереди, но не торопил Денису: он знал, что такие истории нельзя глотать залпом. Их нужно пробовать по капле, давая каждой осесть и найти своё место.

Наконец они дошли до «комнаты тишины». Дверь была приоткрыта, и из неё лился один-единственный луч света — прямой, чистый, будто прожектор, который нашёл самое важное.

Внутри, в центре комнаты, стояла единственная витрина. В ней лежал камень — неприметный, серый, с едва уловимыми очертаниями руны Феху. Вокруг не было ни подписей, ни объяснений. Только камень. И тишина.

— Здесь не принято громко разговаривать, — прошептал Тамиру, почти касаясь губами её уха, чтобы голос не нарушил эту хрупкую атмосферу. — Говорят, город лучше всего рассказывает свои истории шёпотом.

Дениса подошла к витрине и остановилась. Она не тянулась к стеклу, не пыталась рассмотреть каждую деталь под лупой. Она просто стояла и смотрела — так, будто пыталась услышать то, что этот камень шептал сквозь века.

— Он такой... простой, — так же шёпотом произнесла она. — И в этой простоте — целая история.

Тамиру молча кивнул. Ему не хотелось ничего добавлять. Пусть этот камень скажет за себя. Пусть расскажет о первых поселенцах, о Лире, о том, как из одного знака рождался целый город.

Они постояли ещё немного, позволяя тишине наполнить их, а потом так же тихо вышли из комнаты, из музея, обратно в город — но уже немного другими. Будто теперь они не просто гуляли по улицам, а читали книгу, где каждая деталь была словом, каждый поворот — предложением, а каждый взгляд друг на друга — точкой в конце фразы, которая обещала продолжение.

Солнце уже клонилось к закату, и город постепенно менял краски: из золотисто-янтарного становился розовато-лиловым, будто примерял вечерний наряд. Тени вытягивались,

ложились на мостовые длинными полосами, и даже шум улиц звучал теперь мягче, приглушённое — как будто Феху сам замедлял дыхание перед наступлением ночи.

— Знаешь, — тихо сказал Тамиру, чуть наклонив голову в сторону набережной, — к вечеру город становится другим. Не менее живым, но более откровенным. Пойдём к воде? Там сейчас самое тихое и самое настоящее.

Дениса кивнула, и в этом кивке не было ни спешки, ни суеты — только спокойное согласие идти туда, где день начнёт складываться в воспоминания.

Они шли не торопясь, позволяя себе замечать мелочи: как на фасадах загораются первые огни, как ветер приносит с реки запах соли и трав, как в витринах кафе мелькают тёплые отсветы, обещая уют.

Набережная встретила их тихим плеском волн о каменные ступени и ровным, неторопливым ритмом города. Вода была тёмной, почти чёрной, но в ней дрожали и переливались огни — будто кто-то рассыпал по поверхности тысячи крошечных звёзд.

— Можно прокатиться на водном такси, — предложил Тамиру, кивнув на причал, где у берега покачивались изящные узкие лодки с бесшумными двигателями. — Они скользят по воде, как тени, и с реки город выглядит совсем иначе. Но если хочешь просто посидеть... вон там есть скамейка, прямо у кромки воды.

— Посидим, — улыбнулась Дениса, и в этой улыбке было столько покоя, что Тамиру даже не стал уговаривать.

Они сели рядом, не слишком близко, но и не так, чтобы между ними чувствовалась пустота. Волны тихо шептали что-то своё, вечное, а огни Феху отражались в воде, дробясь и собираясь снова, словно пытались рассказать какую-то историю.

Чуть дальше, вдоль набережной, тянулась «Аллея обещаний» — ряд металлических пластин, закреплённых на невысокой ограде. На каждой были выгравированы короткие фразы: кто-то писал о том, что хочет отпустить, кто-то — о мечте, которую собирался воплотить, кто-то просто оставлял слово, в которое хотел верить.

Дениса медленно шла вдоль аллеи, читая эти строки. «Прощаю», «Начинаю заново», «Верю, что получится», «Спасибо этому дню». Некоторые фразы были едва заметны от времени, другие — яркие, свежие, будто только вчера кто-то стоял здесь и решался доверить городу свой секрет.

Она остановилась у одной пластины, на которой было выведено всего одно слово: «Жду». Простое, тихое, но в нём слышалось столько надежды, что у Денисы на мгновение сжалось сердце.

Тамиру не торопил её, не тянул дальше. Он просто стоял рядом, давая ей столько времени, сколько нужно, чтобы прожить эти слова, примерить их на себя или просто отпустить.

Вода тихо плескалась о камни, отражая огни города, а воздух был наполнен запахом соли и трав. На «Аллее обещаний» Тамиру остановился у одной из металлических пластин, на которой кто-то выбил короткую фразу: «Начать заново».

— Знаешь, — негромко сказал он, глядя на надпись, — говорят, именно это и значит руна Феху. Не просто начало, а возможность начать заново, даже если кажется, что всё потеряно.

Дениса кивнула, не отводя взгляда от воды, и тихо ответила:

— Мне нравится эта мысль.

И в этот момент Тамиру понял, что день получился именно таким, каким он хотел: не парадной экскурсией, а чем-то настоящим. Городом, который он смог показать не как набор достопримечательностей, а как живое, дышащее место — и она это почувствовала.

— Хочешь оставить своё? — тихо спросил он, кивнув на свободные пластины. — Или просто почитать. Или ничего. Здесь не заставляют.

Дениса покачала головой, чуть улыбнувшись:

— Сегодня я просто почитаю. Пусть чьи-то чужие надежды немного согреют.

И они пошли дальше, возвращаясь к скамейке, к воде, к этому тихому вечеру, который будто специально был создан для того, чтобы выдохнуть всё лишнее.

Терраса «Горизонт» располагалась на небольшом возвышении, откуда открывался вид на весь город — от первых башен на плато до мерцающей ленты набережной. Здесь было не шумно, не торжественно, а именно так, как нужно в конце долгого дня: спокойно, тепло, без лишней суеты.

Официантка принесла им тёплые напитки — пряный чай с нотками корицы и мёда для Денисы, травяной настой для Тамиру — и лёгкие десерты, похожие на облака из взбитых сливок и ягод.

Они сидели у перил, глядя, как город переходит из дневного режима в ночной. Фасады становились глубже, тени — длиннее, а на площади Рун проекции медленно складывались в новую, вечернюю картину: не ту, что днём, лёгкую и игривую, а более серьёзную, собранную, будто город надевал свою парадную мантию.

— Красиво, — прошептала Дениса, прижимая ладони к тёплой кружке. — Как будто он показывает нам другую сторону себя. Не ту, которую видит каждый, а ту, которую доверяет немногим.

Тамиру кивнул, не отводя взгляда от горизонта, где солнце медленно опускалось за край города, оставляя после себя полосу света — то ли прощальную, то ли обещающую новый день.

— Именно здесь лучше всего подводить итоги, — сказал он тихо. — Не в спешке, не на бегу. А вот так: с тёплым напитком, с видом на город, который сегодня столько тебе показал. И можно подумать, что хочется открыть в Феку завтра. Потому что он не заканчивается на одном дне. Он всегда оставляет что-то ещё, что ждёт своего часа.

Дениса улыбнулась, и в её глазах отражались и закат, и огни города, и этот тихий вечер, который они прожили вместе.

— Завтра, — сказала она, будто пробуя слово на вкус. — Завтра я хочу увидеть, как эти проекции на площади Рун сложатся в созвездия. Хочу постоять в центре, пока узор не замкнётся. Не чтобы загадать желание... а чтобы просто побыть частью этого момента.

Тамиру улыбнулся в ответ, и в его улыбке было столько тепла, что казалось, будто оно способно согреть даже самый холодный вечер.

— Тогда завтра мы будем там, — пообещал он. — И будем смотреть, как город рисует небо на своей мостовой.

А пока они сидели на террасе, слушая, как город шепчет свои вечерние истории, и чувствовали, как день, полный открытий, тихо и правильно подходит к концу.

— Мне пора, — встала Дениса, и голос её прозвучал твёрже, чем она чувствовала на самом деле.

Внутри всё сжималось от неловкости — ей хотелось и остаться, и сбежать, и в этой борьбе желаний каждое слово давалось с трудом.

— Ты уходишь? — встревожился Тамиру, будто от её ответа зависело что-то очень важное, почти хрупкое, готовое рассыпаться от одного неверного звука.

Он шагнул вперёд, словно хотел удержать её не словами, а самым своим присутствием.

— Да, — неуверенно кивнула девушка, опуская глаза, чтобы не утонуть в его взгляде. — Я должна вернуться.

— Да, но... — Тамиру растерянно переминался с ноги на ногу, будто земля под ним вдруг стала зыбкой. — Я думал, мы ещё побродим по набережной... что у нас есть время.

— Завтра я постараюсь... — Девушка коснулась ладонью лба, пытаясь собрать мысли, которые разлетались, как испуганные птицы.

Она запнулась, потому что не знала, что именно пообещать: прийти, не сердиться, не вспоминать ту ночь... Всё казалось слишком большим для одного короткого слова.

Взгляд Тамиру её смущал. В нём было столько ожидания, столько надежды, что ей становилось не по себе — будто она вот-вот разобьёт что-то дорогое. Он стоял так близко, что она чувствовала едва уловимый запах ветра и городских улиц, оставшийся на его куртке, и это делало прощание ещё тяжелее.

— Почему ты уходишь, Дениса? Я обидел тебя? Скажи честно.

— Нет, — девушка отступила на шаг назад, увеличивая эту маленькую, но такую нужную дистанцию. Она старалась найти слова, которые не ранили бы его, но и не были бы ложью. — Я должна вернуться домой. Извини. Мне... мне сейчас нужно просто оказаться там, где всё привычно.

Девушка развернулась и побежала прочь, сама не зная, от чего спасается — от его вопросов, от своих чувств или от того, как сильно ей хотелось остаться. Лёгкий ветер подхватил край её платья, а Тамиру остался стоять, будто пригвождённый к месту. Юноша тяжело вздохнул, провожая девушку взглядом, и в этом вздохе смешались растерянность и тихая обида, которую он тут же постарался прогнать.

Внезапно Дениса развернулась и подбежала к нему, дыхание сбилось, а в глазах мелькнуло что-то новое — не решимость, а скорее отчаянная просьба о поддержке.

— Ты проводишь меня до челнока? — робко спросила она, покусывая губы, будто пыталась удержать слова, пока они не сорвались.

Её щеки залил румянец — то ли от бега, то ли от смущения, то ли от того, что она наконец позволила себе попросить о помощи.

— Да, конечно, — растерялся тот, и на лице его промелькнуло облегчение, смешанное с удивлением. — Я и собирался предложить тебе, но ты не дала мне даже шанса всё объяснить.

— Тамиру, — девушка буквально прильнула к нему, будто ей вдруг стало страшно идти одной даже эти несколько шагов, и яростно зашептала, вжимаясь в его плечо, — обещай мне, что та ночь больше никогда не повторится.

— Дениса, ты не так всё поняла... — Юноша осторожно коснулся её лица, стараясь заглянуть ей в глаза, но она тут же опустила ресницы, прячась от этого взгляда.

— Нет. Обещай мне, Тамиру. Если я... Если мне суждено будет остаться с тобой, та ночь...

— Дениса...

— Ты будешь один, — перебила его девушка, сжимая пальцами ткань его куртки, будто это была единственная опора в мире, который вдруг качнулся. — Со мной будешь только ты... один. Никаких теней прошлого. Только ты.

— Обещаю, — тихо, но твёрдо кивнул он, понимая, что сейчас бесполезно что-либо объяснять: её сознание не готово к восприятию информации такого рода, и любые оправдания прозвучали бы как оправдания, а не как утешение.

— Идём, я провожу тебя, — притянув девушку к себе, Тамиру обнял её на мгновение — коротко, бережно, давая почувствовать, что он рядом. Потом, не отпуская её руку, он направился вдоль набережной.

Вечер уже набросил на город тонкую вуаль сумерек: огни фонарей зажигались один за другим, отражаясь в воде дрожащими золотыми нитями. Волны тихо шептали что-то своё, вечное, а шаги Денисы и Тамиру звучали в этом шёпоте почти в унисон — как будто город сам подсказывал им: не торопитесь, сегодня достаточно просто идти рядом.

Люцифер поднялся на одну из площадок седьмого этажа. Этаж был встроен в отвесную скалу — мрачную, величественную, будто высеченную самим временем. На скале всегда останавливались драконы в ожидании своего хозяина — напарника, проще говоря, самого седока — наездника дракона.

Он знал, что встретит Денницу именно здесь, и сердце его невольно учащённо забилося. Волнение смешивалось с предвкушением: он давно не видел сестру и теперь с нетерпением ждал встречи. Она заканчивала обучение одного из драконов-персоналиев.

Персоналий — царь подземного мира. Это та самая грань между мёртвыми и живыми — грань, в которой душа имеет право выбирать, идти ли ей в царство Аида или же вернуться обратно. Люцифер на мгновение замер, погружившись в эти мысли. В груди защемило от тяжёлых воспоминаний — он слишком хорошо знал, каково это: стоять на пороге выбора.

Перед ним раскинулся прекрасный вид горной долины: каменные колонны, словно стражи древности, чистый воздух, наполненный ароматами горных трав, прозрачная вода, искрящаяся на солнце. Внизу долины, на самом её дне, перебегая с камня на камень, с порога на порог, бежал ручей. Его шёпот успокаивал и усыплял — Люцифер невольно расслабился, плечи опустились, дыхание стало ровнее. Теперь понятно, почему для стоянки драконов выбрали именно это место.

Драконы — существа очень эмоциональные и даже немного вспыльчивые. Это новая живая особь, выведенная для планеты Нибирум. В силу своей молодости они не могли долго контролировать себя без наездника или наставника. Успокаивающие элементы внешних факторов были необходимы для выработки положительных эмоций. Именно такими достоинствами обладало это место — здесь даже самый беспокойный дракон мог обрести покой.

— Ако! — резкий возглас сзади заставил Люцифера обернуться так резко, что воздух вокруг него зашумел.

Он вздрогнул, но тут же улыбнулся, узнав голос сестры.

Дракон сложил свои крылья, демонстрируя своё величие. Он был великолепен, переливаясь в свете грёз всеми цветами радуги — от глубокого сапфирового до нежно-лавандового, от огненно-оранжевого до изумрудно-зелёного. Ромбовидные чешуйки, покрывающие тело с головы до кончика хвоста, меняли оттенок в зависимости от освещения и времени суток. Его окрас менялся подобно хамелеону, завораживая и гипнотизируя.

Люцифер так и не понял, почему она назвала его Ако. Откуда такое нелепое сочетание букв? Он слегка нахмурился, пытаясь разгадать эту загадку, но тут же отмахнулся от мыслей — не сейчас. Вообще, дракон был изящен и чист, как хрустальная слеза. Сразу чувствовалось присутствие женской руки, как бы ни было скорбно это признавать. Люцифер не мог не восхититься: мастерство Денницы поражало.

Все драконы, выведенные Люциферит, отличались изяществом, скоростью и манёвренностью. Живя на земле, она, конечно же, знала, что именно нужно людям и зачем. Чешуя горела, как жар. Расправив ещё раз огромные крылья и закрывая собой весь небосвод, дракон фыркнул на свою же тень — звук получился забавным, почти детским. Люцифер не сдержал тихого смеха.

Люцифер не был здесь чужаком, но и в контакт с драконами не входил. У него был свой набор крылатых помощников — остальных он не баловал своим присутствием, не считал нужным. В глубине души он завидовал тем, кто умел находить общий язык с этими величественными созданиями так же легко, как Денница.

Денница спрыгнула с плеча дракона, потрепав его по шее с такой нежностью, что Люцифер невольно позавидовал. Она что-то говорила, но Люцифер не понимал, о чём. Он никогда не понимал её разговоров с животными — ему это было не дано, как сказал ему однажды отец. В груди кольнуло от старой обиды, но он тут же отогнал эти мысли. Сейчас было важнее другое — видеть сестру счастливой, наблюдать, как светятся её глаза, когда она общается с драконами.

Зато он отличался в другом: с лёгкостью мог переключиться с одного языка на другой среди обитателей вселенной — от гортанных звуков ледяных гигантов до мелодичного щебетания звёздных певцов. Это умение всегда вызывало у Люцифера тихую гордость. Поэтому в

путешествии между фракталами мира ему переводчик не требовался — он чувствовал себя свободным, почти всемогущим, когда без труда понимал каждого встречного.

Дракон фыркнул ещё раз — уже более спокойно и размеренно, можно даже сказать, с нотками нежности. Звук эхом отразился от скал, создавая причудливую мелодию. Только сейчас Люцифер заметил за спиной девушки лук и стрелы. Его брови невольно приподнялись в удивлении — он не помнил, чтобы Денница раньше брала оружие. В груди шевельнулось беспокойство.

— Что-то случилось? — подошёл он вплотную, кивая ей за спину.

Голос прозвучал мягче, чем он планировал, выдавая его волнение.

Ако дал себя погладить, что было совсем не свойственно для него. Он даже немного зафыркал от явного удовольствия, когда сильные руки Люцифера прошлись по его мощному крупу. Люцифер невольно улыбнулся — прикосновение к тёплой чешуе всегда успокаивало его.

— Где ты была? — настойчиво повторил он свой вопрос, стараясь скрыть тревогу за твёрдостью тона.

Денница отвечать не спешила. По выражению её лица он понял, что, возможно, ответа не получит в ближайшее время. Когда девушка не хотела говорить, она отворачивала лицо и прятала глаза — как сейчас. Люцифер почувствовал, как внутри закипает раздражение, но усилием воли подавил его.

— Зачем тебе понадобились лук и стрелы? — вопрос прозвучал в пустоту, эхом отдаваясь в напряжённой тишине.

Он уже и так понял, что ответа не получит — по крайней мере, сейчас. Разочарование тяжёлым камнем легло на сердце, но он постарался не показывать этого.

— Ты что-то хотел, Люцифер? — ответила вопросом на вопрос девушка.

Её голос звучал отстранённо, почти холодно.

Да, его это не устраивало. Хотелось знать всё сейчас и сразу — нетерпение буквально жгло изнутри. Он сжал и разжал кулаки, пытаясь взять себя в руки.

«Ладно, — подумал Люцифер, чувствуя, как раздражение сменяется решимостью, — подождём!»

— Хотел тебе показать кое-что, — сказал он, стараясь придать голосу непринуждённости.

Вопросов было куча, но он решил пойти другим путём. В голове лихорадочно метались мысли: «Может, она в опасности? Или что-то скрывает? Но почему?»

Денница немного замешкалась, словно размышляя, нужно ли ей это. Её взгляд скользнул куда-то вдаль, будто она взвешивала все «за» и «против». После чего еле заметно кивнула — разрешение на диалог было получено. Люцифер едва заметно выдохнул с облегчением.

Люцифер кивком увлёк девушку за собой. Они прошли в одну из лабораторий седьмого этажа. Её окна выходили на противоположную сторону скалы, открывая взору вид на весь небесный свод и купол вселенной. Люцифер на мгновение замер, заворожённый зрелищем: миллиарды звёзд мерцали, словно драгоценные камни на чёрном бархате. Он почувствовал прилив вдохновения — именно здесь, в этом месте, всё казалось возможным.

— Как ты это делаешь? — спросила она, подходя вплотную к окну.

В её голосе звучало неподдельное восхищение, глаза расширились от изумления.

— Что именно? — уточнил Люцифер и с любопытством посмотрел на неё.

Уголок его рта невольно дрогнул в лёгкой улыбке — ему было приятно видеть её такой.

— Сколько разных красок и элементов в одном наборе! — она протянула руку, будто пытаясь коснуться звёздного полотна за стеклом, её голос дрожал от восторга.

— Хм... — Люцифер слегка нахмурился, вспоминая их предыдущий разговор. — Ну ты же мне тоже не говоришь, зачем взяла с собой лук и стрелы, — ответил он, и в его тоне проскользнула лёгкая обида.

Она бросила на него косой взгляд — быстрый, оценивающий. Люцифер замолчал — он решил дальше не продолжать. В воздухе повисло напряжение, но он почувствовал, что лёд тронулся. Их взгляды пересеклись. Кивком головы он предложил ей подойти. Он и так заметил интерес в её глазах: она следила за движением его рук по экрану планшета с таким вниманием, будто от этого зависела её жизнь. В этот момент он вдруг осознал, как сильно скучал по этим моментам совместного исследования, по их давнему взаимопониманию.

На экране появился сгусток тёмной энергии — зловещий, пульсирующий, будто живое существо. Энергии, которая зарождалась на краю вселенной, словно рана в ткани мироздания. Тёмная энергия проникала пятнами во все аспекты вселенной, словно кто-то прошёлся по ней вдоль и поперёк, оставляя след — след разрушения, искажающий привычные линии пространства. Люцифер невольно сглотнул: вид этой аномалии вызывал тревогу, почти первобытный страх.

— Ты следишь за мной? — Денница нарушила тишину первой.

Её голос прозвучал резко, с нотками обиды и раздражения.

О-о-о! Этот тон был ему знаком! Лучшая защита — это нападение. Люцифер отрицательно кивнул, не произнося ни слова. В груди закипала смесь досады и беспокойства. Говорить сейчас что-либо было бесполезно — он чувствовал, что любое неосторожное слово может спровоцировать взрыв. Он открыл записи с камер наблюдения, пальцы слегка дрожали от напряжения.

— Смотри, — наконец-то начал он, указывая на яркую светящуюся точку. Его голос звучал твёрдо, но внутри всё сжималось от тревоги. — Ты определилась сама. Система сдала тебя.

— Ещё скажи что... — произнесла Люциферит с нескрываемой дерзостью в голосе, вскинув подбородок.

В её глазах сверкнула искра вызова.

— Да, — не менее резко ответил он, заставляя её замолчать. Люцифер сделал глубокий вдох, пытаясь унять нарастающее раздражение. — Система выдала сигнал тревоги. Здесь находился я, поэтому и увидел.

Наступило минутное молчание. Тяжёлое, гнетущее. По играющим желвакам на её лице он понял, что она ничего не скажет — ответа он не получит. Отступить он был не намерен: в нём закипала решимость докопаться до истины.

— У тебя что-то происходит? — продолжал он более настойчиво, подавшись вперёд.

Его голос стал ниже, серьёзнее, взгляд — пронзительнее. — Либо сейчас, либо никогда.

— На Земле что-то происходит... — наконец ответила девушка, опустив глаза. — Вся энергия идёт из её центра.

Её голос дрогнул на последних словах, и Люцифер уловил в нём нотку страха.

Она молчала. Это немного начало выводить Люцифера из себя — он сжал кулаки, стараясь сдержать эмоции. В висках застучала кровь, а в груди нарастало ощущение, будто он стоит на пороге чего-то важного и пугающего.

— Послушай, Люциферит, если... — начал он, делая шаг к ней.

— Я не знаю, — её уверенный, но тихий тон выбил его из колеи.

Люцифер замер на полуслове, почувствовав, как внутри что-то оборвалось.

Вопрос, который он хотел задать — и не просто задать, а, скажем так, надавить на сестру, чтобы получить ответ, — повис в воздухе, тяжёлый и неумолимый. Он сделал паузу, пытаясь собраться с мыслями.

— Я не знаю, — повторила она, не отводя взгляда.

По её глазам Люцифер понял, что она говорит правду. В глубине её зрачков он увидел искреннюю растерянность и... страх?

— Я не знаю, — повторила она. — Что-то происходит, да. И это что-то идёт из центра Земли, ты прав. Но я не знаю, что это. Я не могу определить ни начала, ни конца. Энергия растёт сама по себе и сама по себе рассеивается. Такое ощущение, — тихо добавила она, и её голос почти сорвался, — что это вирус. Только откуда он здесь?!

В её словах прозвучала неподдельная тревога, почти отчаяние.

— Как давно ты знаешь об этом? — спросил Люцифер, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё кипело.

— Давно... Ну, как давно, — неуверенно продолжала она и поймала укор в его взгляде. Он заметил, как она слегка вздрогнула, и это лишь усилило его беспокойство. — Месяца два.

— Месяца два? — неуверенно повторил Люцифер. Его глаза расширились от изумления, брови сошлись на переносице. — И ты молчала всё это время?

— Да, месяца два.

— И уже такое большое пятно?! Хм... — он провёл рукой по волосам, пытаясь осмыслить услышанное.

В голове крутились тревожные мысли: «Почему она не сказала раньше? Что ещё она скрывает?»

— Оно уже было таким.

— То есть, — его заключение её убило, он это увидел по тому, как побледнело её лицо, — ты давно знаешь об этом и молчишь? Почему ты не говоришь об этом?

В его голосе прорвалась горечь, почти обида. Он сделал шаг назад, чувствуя, как доверие между ними даёт трещину.

Его вопрос остался без ответа. Тишина повисла в воздухе, тяжёлая и давящая. Люцифер сжал челюсти, глядя на сестру. В груди бушевала буря эмоций: разочарование, тревога, растерянность — и всё же где-то глубоко внутри теплилась надежда, что они смогут разобраться в этом вместе.

— Когда ты собиралась сказать об этом? Ответь мне, пожалуйста, на мой вопрос, — не унимался он, его голос дрожал от сдерживаемого раздражения. — Что ты знаешь ещё, Люциферит?

В его взгляде читалась смесь обиды и тревоги — словно он боялся, что сестра скрывает от него что-то действительно важное.

Бросив на него укоризненный взгляд, полный упрёка и лёгкой горечи, Денница отступила на шаг. Это была демонстрация конца разговора — дальше продолжать было бесполезно. Она сжала губы, плечи напряглись. Сейчас она развернётся и уйдёт, возможно, даже громко хлопнув дверью — Люцифер буквально чувствовал, как нарастает напряжение между ними.

Денница уже развернулась на полпути к выходу, когда голос брата остановил её. В его интонации прозвучала неожиданная мольба, заставившая её на мгновение замереть.

— Подожди. Я не за этим тебя позвал.

— Да? — она обернулась, приподняв бровь. Её голос сочился сарказмом, но в глазах мелькнула искорка любопытства. — А зачем? Что-то есть ещё, чего не знаю я, но знаешь ты, или наоборот?

Люцифер решил проигнорировать её сарказм. С ней было тяжело. С ней всегда было тяжело — их споры напоминали столкновение двух стихий, где каждый гнул свою линию. И спорить в такие моменты было бесполезно — впрочем, как и с ним. Он глубоко вдохнул, стараясь унять раздражение, и сменил тактику.

— Посмотри вот это, — он быстро вывел на экран одну из камер роста драконов.

Его пальцы слегка дрожали от предвкушения — он знал, что это зрелище произведёт впечатление.

— Ух! — Денница не смогла скрыть своё восхищение, её глаза расширились от изумления, а рот приоткрылся в немом восторге. — Красавец!

— Это она! — с гордостью произнёс Люцифер, не скрывая улыбки.

— Она?! — воскликнула Денница, делая шаг ближе к экрану.

В её голосе прозвучало неподдельное изумление.

Комната наполнилась лёгким смехом, звенящим, как утренние колокольчики в росе. Денница рассмеялась, и её смех, чистый и искренний, мгновенно растопил часть напряжения между ними. Люцифер невольно улыбнулся в ответ — ему было приятно видеть сестру такой оживлённой.

— Ничего себе! — выдохнула она, не отрывая взгляда от экрана.

— Да, — повторил Люцифер, его голос потеплел. — Это она.

— Необычный дракон, — задумчиво произнесла Денница.

Она подошла ещё ближе, всматриваясь в изображение, её пальцы непроизвольно сжались, будто ей не терпелось прикоснуться к этому чуду.

Дракон и вправду был необычным — синего, нет, даже нежно-голубого цвета, цвета утреннего неба в час рассвета. Он отличался от всех предыдущих длинным туловищем, демонстрирующим мощь и величие наряду с красотой и изяществом. Его хвост раза в два превышал длину тела самого дракона, создавая удивительное впечатление гармонии и силы.

Плотные треугольные чешуи протягивались, как горные цепи, вдоль хребта, переливаясь в свете ламп. Короткие изящные лапы и небольшая мордочка — по меркам дракона, правда, — говорили о том, что в лаборатории получен совершенно другой вид представителя этой фауны. Люцифер с гордостью рассматривал своё творение — в груди разливалась тёплая волна удовлетворения.

За ушами дракона протягивались две длинные нити, заканчивающиеся кисточками. Денница знала, что собой представляет такая нить: она уже встречалась с таким способом установления ментальной связи с животными. Её глаза загорелись пониманием, она повернулась к брату:

— Так вот как... — прошептала она.

Нити в руках надо держать крепко — как узду норовистой лошади. И через воронку мира на ладонях начинает устанавливаться контакт между двумя энергиями. Результат контакта зависит от чистоты мыслей наездника. Денница невольно сжала пальцы, вспоминая ощущения от первого контакта — трепет, волнение, почти священное благоговение перед силой, которую она держала в руках.

Дракон всегда чувствует наездника, особенно своего, и будет верен ему до конца своей жизни, если такой контакт установлен правильно. Люцифер кивнул своим мыслям — он знал это не понаслышке.

— Откуда она у вас? — спросила Рада, не отводя глаз от исполина.

В её взгляде читался неподдельный интерес, смешанный с восхищением.

— Мы нашли яйцо.

— Яйцо?! — её глаза расширились, она даже слегка подпрыгнула на месте от возбуждения.

— Да. В один из заходов на Нибиру. Вот и появилась невиданная зверушка. — Люцифер усмехнулся, глядя на её реакцию.

— Невиданная зверушка, — усмехнулась девушка, чуть потрянув головой. Но в её улыбке читалась искренняя радость и восторг. Она снова посмотрела на экран, и на её лице появилось мечтательное выражение. — Она прекрасна...

Дракон еле помещался в комнате — его массивное тело заполняло почти всё пространство, отбрасывая огромную тень на стены. Он перекрутился вокруг себя несколько раз, неся за собой свой изящный хвост — не менее длинный, чем он сам. Хвост плавно скользил по полу, оставляя едва заметные царапины на каменном покрытии.

Он резко остановился перед камерой — так внезапно, что Денница невольно отпрянула, затаив дыхание. У неё захватило дух при виде такой мощи рептилии: огромные перепончатые крылья, переливающаяся чешуя, умные глаза, внимательно изучающие окружающих. Она почувствовала трепет — смесь восхищения и первобытного страха перед этим величественным созданием.

— На каком он находится уровне? — спросила Денница, стараясь говорить ровно, хотя голос чуть дрогнул от волнения.

— Что ты хочешь? — переспросил Люцифер, слегка нахмурившись.

Хотя вопрос можно было и не задавать — он и так уже знал ответ. Он видел этот блеск в глазах сестры: тот самый, который появлялся, когда она загоралась новой идеей. В груди у него защемило от тревоги — он слишком хорошо знал, к чему могут привести её порывы.

— Я хочу протестировать систему, — ответила Денница, собираясь уйти.

Её пальцы нервно теребили край рукава — признак того, что она на самом деле гораздо более взволнована, чем показывает.

— У него и так все показатели в норме, — продолжал Люцифер, и на экране появился список характеристик нового вида.

Он старался говорить убедительно, но в глубине души и сам сгорал от любопытства.

— Да... но... как? — Денница шагнула ближе к экрану, её глаза горели азартом.

— Денница, я не знаю, как, и, как ни странно это звучит, никто не знает, как. — Люцифер развёл руками, чувствуя себя беспомощным перед её напором.

— Ты спрашивал? — она пристально посмотрела на него, чуть наклонив голову.

— Да, я спрашивал. Все биоматериалы в норме. Ну вот... Получилось то, что получилось. — Он вздохнул, провёл рукой по волосам — жест, выдававший его беспокойство.

— Я хочу увидеть его воочию, — твёрдо сказала Денница, выпрямив спину.

В её голосе прозвучала непреклонность.

— Это может быть опасно. Мы не знаем, как он поведёт себя. — Люцифер сделал шаг к ней, пытаясь донести всю серьёзность ситуации. Его взгляд был напряжённым, брови сошлись на переносице.

— Давай, инструкцию ты мне дашь по дороге в лабораторию, — резко перебила девушка, уже направляясь к двери.

Её решимость была почти осязаемой. Повисло неловкое молчание. Люциферу эта идея не понравилась — совсем. Если что-то пойдёт не так, не сносить ему головы. Он нёс ответственность за неё перед своим отцом, и эта мысль тяжёлым грузом легла на плечи. В висках застучала кровь, ладони слегка вспотели от тревоги.

А значит... Он замер, погрузившись в раздумья. Перед глазами промелькнули картины возможных последствий: дракон, вышедший из-под контроля, Денница в опасности, гнев отца...

— Я всё равно найду, — нарушила его раздумья сестра, резко обернувшись. Её глаза сверкали вызовом. — Лучше проводи меня сам.

После недолгих раздумий он молча кивнул. Ему самому был интересен этот новый вид, и так же, как и ей, не терпелось его протестировать в деле. Любопытство боролось в нём с осторожностью, и первое постепенно начинало побеждать.

Но... Он сделал глубокий вдох, пытаясь унять волнение. Всё чревато последствиями. Последствиями... Никто не знает, какими они будут, — это факт: положительными или отрицательными. Они могут быть разными. Впрочем, кто не рискует, тот ничего не имеет.

Значит, он будет просто рядом. Рядом... Люцифер сжал кулаки, принимая окончательное решение. Он защитит её, чего бы это ни стоило.

Конечно, такая перспектива его мало воодушевляла — сердце сжималось от тревоги при мысли о возможных опасностях. Однако любопытство взяло верх. Он бросил последний взгляд на экран с изображением дракона и решительно направился к двери:

— Хорошо. Пойдём. Но помни — ты слушаешься меня во всём. Одно неверное движение — и мы уходим. Поняла?

Денница улыбнулась — широко, радостно, почти по-детски:

— Поняла! — её глаза сияли от счастья. — Спасибо, брат.

Люцифер лишь вздохнул и слегка потрепал её по волосам — в этом жесте смешались отеческая забота, тревога и гордость за сестру.

Находясь на площадке, Денница сразу почувствовала: что-то происходит не так, как всегда. Её охватило навязчивое чувство тревоги — будто ледяной ветер скользнул вдоль позвоночника, а волоски на руках встали дыбом. Недоверие, тяжёлое и липкое, не покидало её, сжимая грудь тисками.

Ворота выхода были открыты — слишком легко, слишком приглашающе. Это только усилило тревогу.

Дракон сначала замер при появлении посторонних. Он застыл в воздухе, словно вырезанная из тьмы статуя, и на доли секунды завис — эти мгновения показались вечностью. Его крылья чуть дрогнули, зрачки расширились, а хвост нервно дёрнулся, выдавая нарастающее беспокойство. Дракон занервничал.

— Кто ты? — услышала девушка ласковый шёпот, обволакивающий, словно тёплый шёлк. — Дочь огня и дитя зари?

— Поговори со мной, — так же шёпотом попросила Рада, стараясь унять дрожь в голосе. — Назови мне имя своё.

— Кабо, — произнесла дракон, делая ударение на первый слог.

Её голос звучал низко и мелодично, будто далёкий звон хрустальных колокольчиков.

— Моё имя Кабо, что означает «сотворённая из света».

— Мне нравится форма общения с тобой, — мягко ответила Рада, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает её плечи.

— Но ты пришла ко мне не одна, — в голосе дракона зазвучали настороженные нотки.

— Да, я пришла к тебе не одна, — подтвердила Рада, стараясь говорить ровно.

— Тень. С тобой пришла тень, — прошипела Кабо, и её глаза сверкнули тревожным огнём.

— Какая тень? — недоумевала Денница.

Она резко обернулась, чтобы удостовериться в присутствии Люцифера. Её сердце забилось чаще, ладони слегка вспотели.

— Тень, которая может навредить нам всем, — голос дракона стал глухим, почти угрожающим.

Он метнулся из стороны в сторону в поисках выхода, его крылья захлопали с глухим стуком, а хвост заметался вслед за ним, рассекая воздух с резким свистом.

— И что же мне делать? — спросила Рада, и в её голосе прозвучала неподдельная растерянность. — Как остановить тень?

— Вонзи в неё свои стрелы света, — прозвучал ответ, холодный и решительный.

— Да, но... тогда... — Рада запнулась, её голос дрогнул.

В груди защемило от тяжёлого выбора.

— Слушай себя, — прошептала дракон, и в этом шёпоте было столько тепла и поддержки, что Рада почувствовала, как к горлу подступает комок. — И ты всё сделаешь правильно.

Она приблизилась к девушке так близко, насколько позволяли её размеры. Рада ощутила на себе тяжёлое дыхание дракона — тёплое, с лёгким ароматом озоновой свежести после грозы.

— Я выбираю тебя, — шёпотом произнесла Кабо. Её глаза, огромные и глубокие, словно бездонные озёра, смотрели прямо в душу. — Я выбираю тебя, — повторила она, смотря девушке прямо в глаза. — Я выбираю тебя.

— Интересно, кому ты это говоришь? — протянула Рада, пытаясь скрыть за небрежной интонацией бурю эмоций внутри.

Её пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

— Я говорю это... — Кабо задержала свой взгляд на ней, на мгновение застыла, будто взвешивая каждое слово, а потом выдохнула: — Тебе, — и перевела взгляд на стоящего сзади Люцифера, её зрачки на миг сузились.

И в этот момент Люцифер пожалел, что подошёл к краю так близко. Его спина покрылась холодным потом, а мышцы напряглись, готовые к прыжку.

Дракон устремился вниз — стремительно, неудержимо, с глухим рёвом, сотрясающим воздух. Денница, не раздумывая ни секунды, прыгнула вслед за ним. Её сердце бешено колотилось, а в голове билась одна мысль: «Только бы успеть!»

И он увидел, как она в прыжке поворачивается к нему лицом, стремительно разворачиваясь в воздухе, — её волосы развевались, словно тёмное облако. Она доставала лук и стрелы из-за спины с отточенной точностью, будто делала это сотни раз. Она собиралась выстрелить. Но в кого? Ответ не достиг своего адресата — время словно замедлилось, а в груди Люцифера зародился ледяной комок тревоги.

Сделав последний взмах перед лицом Люцифера, хвост рептилии с глухим свистом пронёсся мимо — юноша даже успел заметить чешую, отливающую бронзой в солнечных лучах, — и увлёк его за собой вниз. Падение началось внезапно, стремительно, и сердце Люцифера ухнуло куда-то в живот.

— Люцифер! — только успел он услышать тревожный крик Михаила.

Голос друга дрожал от страха, в нём звучала такая неподдельная тревога, что по спине Люцифера пробежал холодок.

Тревога в голосе была небезосновательной. Падать вниз ангелам нельзя — это означало потерю света, сущности, самого себя. Мысль промелькнула в сознании Люцифера на долю секунды, прежде чем его поглотила пустота. В последний миг, сквозь шум ветра и биение собственного сердца, он уловил едва слышный, но отчётливый звук — шипение, напоминающее шелест волн о скалы. Знакомое, пугающе мощное...

Левиафан.

Именно это имя всплыло в сознании, когда тьма вокруг начала рассеиваться, сменяясь мягким золотистым светом. Тьма. Падение. И вдруг — тишина.

Мгновение — и падение оборвалось так же внезапно, как началось. Вместо леденящего ужаса и стремительного полёта — тишина, тепло, покой. Холод пустоты сменился теплом. Свист ветра в ушах — плеском волн. Люцифер с трудом вдохнул — и вместо ледяного воздуха бездны лёгкие наполнились влажным, солёным ароматом моря.

Он открыл глаза — и вдруг осознал, что больше не падает. Под спиной ощущалась тёплая, слегка шероховатая поверхность, а лицо ласкал лёгкий ветерок, напоённый запахом соли и водорослей. Люцифер приподнялся на локтях, ещё не веря в перемену, и огляделся. Где он? Как здесь оказался? Вопросы роились в голове, но прежде чем он успел их сформулировать, взгляд упал на исполинское тело рядом.

Перед ним, занимая почти весь видимый горизонт, раскинулось исполинское змеиное тело. Чешуя отливала бронзой в солнечных лучах — точно так же, как мгновение назад, когда хвост пронёсся мимо его лица. Люцифер не сразу понял, где находится: перед глазами всё ещё мелькали обрывки образов, а в ушах звучал отчаянный крик Михаила. Но постепенно сознание прояснилось, и он осознал, что лежит на чём-то гладком и тёплом, а сверху его нежно греет солнце.

Рядом, величественно и неторопливо, изгибалось огромное змеиное тело, лениво перекатывающееся под лучами солнца.

Левиафан грелся на солнышке, подставляя то одно кольцо своего змеиного тела, то другое. Солнце было жарким в этот сезон, а водная гладь ласково охлаждала прогретые участки тела, даря блаженное ощущение покоя. Левиафан очень любил погружаться в океан, принимая образ огромного змея — в такие моменты он чувствовал себя частью чего-то большего, бескрайнего, вечного.

«Жизнь прекрасна!» — мечтал он, закатив глаза и слегка покачиваясь в такт тёплым волнам. Он даже начал мурлыкать какую-то древнюю мелодию, известную только морским созданиям.

Как вдруг услышал рядом с собой звук падающих тел в воду — громкий всплеск, нарушивший идиллию.

— Ух ты! — только и смог воскликнуть Левиафан, резко выпрямившись и расправив часть чешуи в изумлении. — Ё, ты моё!

Он встал над водой — насколько позволяло ему его массивное тело, — чтобы рассмотреть падающих. Его глаза расширились от удивления, когда внимание привлекла девица! Она падала, раскинув руки, её платье развевалось, а лицо выражало не страх, а скорее азарт и решимость.

Левиафан приподнял бровь, его зрачки сузились, изучая неожиданную гостью.

— Хм... Так это же... А что вообще происходит?! — его голос звучал растерянно, с ноткой любопытства.

— Левиафан! — прокатилось над водной гладью, заставляя всколыхнуться океан. Звук был таким мощным, что даже волны на мгновение замерли. — Нет!

— О-о-о! — только и выдавил тот из себя, невольно отпрянув. — Люцифер!

Люцифер скрылся под водой, теряя сознание... Или ему показалось, что Люцифер теряет сознание? Левиафан замер, в его груди зародилось странное чувство — смесь тревоги и беспокойства за друга.

Левиафан приподнял бровь. Не раздумывая, девица нырнула за своим спутником — её фигура мелькнула в воздухе и исчезла в глубине. Только сейчас он стал понимать происходящее, и в его сознании начали складываться фрагменты картины.

Собрав в себе всю мощь океана, Левиафан заставил воду всколыхнуться — его чешуя засияла, а глаза вспыхнули внутренним светом. И со дна морского поднялась огромная черепаха — творение самого Люцифера, по просьбе Левиафана, разумеется.

Океан надо было заселять! Иначе в нём было очень скучно! Да и любил Левиафан иногда принимать облик по образу и подобию своему и отдыхать на поверхности океана, греясь на солнышке и осматривая окрестности. В такие моменты он чувствовал себя почти богом — повелителем вод и глубин.

Люцифер лежал неподвижно, его руки были слегка раскинуты, а лицо казалось бледным даже сквозь капли воды. Денница стала на четвереньки, пытаясь отдышаться — её грудь часто вздымалась, а волосы прилипли к лицу. На миг она замерла, резко подняв голову и посмотрев в зелёные глаза Левиафана. Её взгляд был твёрдым, но в глубине зрачков читалась тревога за друга.

Сказать, что Левиафан был удивлён, — значит, ничего не сказать. Его сердце на мгновение замерло, а мысли закружились вихрем. Только задавать вопросы, вертевшиеся в его голове, он сейчас не решился: неподходящий момент, по его мнению. Хотя вопросов было много — они буквально жгли язык.

— Я тебя знаю, — единственное, что смог выдать из себя он, его голос прозвучал хрипло от волнения. — Ты Денница!

Она молча кивнула. Она всегда так делала. Причём кивнула так, что не поймёшь: то ли она согласна, что она Денница, то ли нет. В её глазах промелькнула тень — смесь вызова и скрытой боли, а губы едва заметно дрогнули, будто она хотела что-то добавить, но передумала.

Денница была человеком! А с людьми всегда было тяжело — сами не знают, чего хотят. Левиафан невольно вздохнул, чувствуя, как в груди зарождается привычное раздражение, смешанное с любопытством.

Денница окинула взглядом исполина. Левиафан ничем не отличался от Люцифера: он также был высок и статен, за исключением, конечно, его умения менять форму — переходить из человеческого облика в образ огромного змея. Его фигура казалась высеченной из цельного камня — мощная, величественная, внушающая трепет.

Чёрный костюм сидел на нём как влитой, скрывая все участки его тела. Смоляные чёрные волосы были строго уложены назад, что придавало образу некую педантичность и эстетичность. Чёрные глаза, прямой с горбинкой нос дополняли образ чертами греческого исполина, оратора и оракула одновременно. В его взгляде читалась вековая мудрость, а чуть приподнятый подбородок выдавал природное достоинство и властность.

— Люцифер! — Левиафан принял облик человека и опустился рядом с юношей.

Его движения были плавными, почти кошачьими, но в них чувствовалась сила, способная сокрушить горы.

Он боялся предположить страшное: ангелам падать нельзя. Падающий ангел теряет свою ангельскую сущность. В груди Левиафана защемило от тревоги, а пальцы невольно сжались в кулаки.

— Люцифер, — он приподнял ангела за плечо, стараясь придать голосу мягкость, — Люцифер, очнись.

Люцифер откашлялся, его дыхание было прерывистым, а лицо бледным.

— Как ты? — спросил Левиафан, вглядываясь в лицо юноши.

В его голосе звучала неподдельная забота, а брови слегка нахмурились от беспокойства. Но его вопрос остался без ответа. Внимание парня привлекли стрелы за спиной Денницы. Люцифер не сводил взгляда с сестры — его глаза потемнели от тревоги и подозрения, а на виске запульсировала жилка.

— Почему ты выстрелила? — резко спросил он у неё, и в его голосе прозвучала сталь.

— Не понимаю, о чём ты, — ответила она, стараясь говорить ровно, но её пальцы непроизвольно сжались, выдавая внутреннее напряжение.

— Почему ты выстрелила, я спрашиваю тебя?! — настаивал Люцифер.

Его голос зазвучал громче, в нём зазвучали гневные ноты, а кулаки сжались так сильно, что костяшки побелели.

Он повалил её на спину, пытаясь отнять стрелы. Его движения были резкими, почти грубыми, но в глазах читалась не только ярость, но и страх — страх за сестру, страх перед неизвестностью.

— Почему ты выстрелила? — повторял он свой вопрос, и в его голосе звучала отчаянная мольба получить хоть какой-то ответ.

— Не трогай меня! — воскликнула девушка, её голос дрожал от обиды и возмущения.

Глаза наполнились слезами, но она сжала зубы, стараясь не дать им пролиться.

— И что это за стрелы такие? — не унимался он, несмотря на её протест.

Его пальцы судорожно сжимали древко стрел, а взгляд метался между оружием и лицом сестры.

— Люцифер, не трогай меня! — повторила Денница, её голос сорвался на крик.

— Почему ты выстрелила, отвечай мне! И в кого ты выстрелила?! — Люцифер почти кричал, его лицо покраснело от напряжения, а дыхание стало прерывистым.

Ему удалось вынуть несколько стрел из её колчана. Металл холодно блеснул в его руке, словно укоряя в содеянном.

— Отойди от меня! — девушка вырвалась из его рук, отползла назад и вскочила на ноги.

Её грудь часто вздымалась, а глаза сверкали гневом и болью.

— Люцифер, — тяжёлая рука Левиафана легла на его плечо. В прикосновении чувствовалась твёрдость, но и поддержка.

Услышав голос друга и брата, Люцифер вздрогнул. Он резко обернулся, и на мгновение в его глазах отразилась вся буря эмоций — гнев, страх, растерянность, а затем усталость. Он опустил голову, тяжело дыша, и сжал кулаки, пытаясь взять себя в руки.

— В кого она стреляла? — не унимался он, его голос дрожал от сдерживаемого волнения, а пальцы непроизвольно сжимались и разжимались.

— Если выстрелила, то не в тебя, — спокойно ответил Левиафан.

Его голос звучал ровно, уверенно, а взгляд оставался невозмутимым, хотя в глубине глаз читалась тревога за брата.

— Да! — всё ещё возбуждённо произнёс Люцифер.

Его грудь часто вздымалась, а глаза горели нетерпением и недоумением.

— Этот лук, — кивнул он в сторону девушки, — сделал ей отец, а стрелы, — коснулся он руки Люцифера, и в этом жесте чувствовалась теплота и давняя привязанность, — стрелы ей сделал я.

— Да, я, — продолжал он, перехватив непонимающий взгляд Люцифера. В его голосе зазвучала нотка гордости, смешанной с лёгкой грустью воспоминаний. — Стрелы для её защиты.

— Для защиты? — дыхание Люцифера стало ровным, но в груди всё ещё клубилась буря эмоций. Он сделал глубокий вдох, пытаясь унять внутреннюю дрожь. — От кого? Для защиты от кого? — повторил он свой вопрос, и в его голосе прозвучала неподдельная тревога.

— Что-то происходит во вселенной, — произнёс Левиафан, и его взгляд на мгновение стал отстранённым, словно он видел что-то за пределами этого места.

— Что?! — удивлённо переспросил Люцифер, его глаза расширились от изумления, а брови невольно поднялись.

— Я не знаю, что. Тебе надо поговорить с отцом, — повторил Левиафан с нажимом, слегка наклонившись вперёд.

— Если что-то происходит во вселенной, почему мне ничего не говорят? — голос Люцифера зазвучал громче, в нём зазвучали нотки обиды и разочарования.

— Поговорить с отцом тебе надо. Я не могу ответить тебе на твой вопрос. Я знаю столько же, сколько и ты. Возможно, она — тоже, — Левиафан говорил медленно, взвешивая каждое слово.

Его лицо оставалось спокойным, но в уголках глаз залегли едва заметные морщинки напряжения.

Левиафан не отводил взгляда. Он всегда говорил, не пряча глаз — в этом была его сила и честность. Люцифер кивнул. Слова брата убедили его, хотя внутри всё ещё бурлили противоречивые чувства.

После недолгих раздумий он протянул стрелы сестре, не произнося ни слова, но с укором в глазах. Его взгляд был тяжёлым, полным невысказанных вопросов и боли. Она взяла стрелы — её пальцы слегка дрогнули при прикосновении — и отвернулась, демонстративно скрещивая руки на груди, всем своим видом показывая нежелание разговаривать. В её позе читалась обида и упрямство.

— Ха-а-а! — резкое шипение резануло по ушам, заставив всех вздрогнуть.

Звук был таким пронзительным, что по спине пробежал холодок.

Повернувшись назад, Левиафан столкнулся нос к носу с драконом. Его глаза расширились от неожиданности, а сердце на мгновение замерло.

— Господи! — воскликнул он, отступая на шаг и поднимая руки в инстинктивном жесте защиты. — Это ещё что? Новый вид?!

— Да, — ответил Люцифер, и в его голосе прозвучало что-то среднее между удивлением и восхищением.

Он с любопытством разглядывал создание.

— Станный... По-моему, таких раньше не было, — пробормотал Левиафан, медленно обходя вокруг дракона.

Его взгляд скользил по чешуе, крыльям, длинным когтям. Он не мог оторваться от этих огромных глаз напротив — они завораживали, манили своей глубиной и тайной.

— Нет... — прошептал он почти беззвучно, чувствуя, как внутри зарождается странное чувство — смесь тревоги и узнавания.

— Он похож на тебя, — бросила через плечо Денница.

В её голосе прозвучала лёгкая насмешка, но и неподдельное любопытство.

— Также меняет форму?! — то ли спросил, то ли констатировал Левиафан.

Его брови сошлись на переносице, а губы сжались в тонкую линию — он пытался осознать услышанное.

— Левиафан, — предположил Люцифер, наклоняясь ближе и понижая голос до шёпота, — а может быть, твоё семя взяли для создания этого вида?

— Ты меня спрашиваешь?! — резко воскликнул Левиафан.

Его глаза сверкнули гневом, но тут же в них мелькнуло что-то ещё — растерянность, недоверие. Левиафан и дракон одновременно взглянули на Люцифера: взгляд дракона был пронзительным и изучающим, словно он пытался прочесть мысли собеседника.

— Лаборатория у тебя, — пожал плечами Левиафан, отводя взгляд и пытаясь скрыть замешательство. Его пальцы непроизвольно сжали край одежды. — А знать должен я! Ну, нормально так... — в его голосе прозвучала горькая ирония, за которой скрывалась настоящая обида.

Бросив в их сторону взгляд через плечо, Денница усмехнулась — её губы изогнулись в едкой, почти презрительной усмешке, а глаза сверкнули холодным огнём.

«Да уж! Идиоты — один другого круче!» — пронеслось у неё в голове. Её разбирали злость и досада, в груди клокотала обида за то, что её снова не принимают всерьёз. Пальцы невольно сжались в кулаки, но она тут же заставила себя расслабиться, не желая выдавать свои эмоции.

— Такие драконы обитают в океанах Денеб, — зло шепнула она, пристально посмотрев Люциферу прямо в глаза. В её взгляде читалась смесь раздражения и упрёка, а голос дрожал от едва сдерживаемого гнева. — Или кто-то начисто забыл?

Люцифер только передёрнул плечами, стараясь выглядеть безразличным, но в глубине глаз мелькнула растерянность. А он ведь действительно забыл — забыл о тех далёких днях, когда своими глазами видел этих чудовищ среди инопланетных пейзажей. Воспоминания ускользали, словно песок сквозь пальцы, и это его тревожило.

— Денеб... — прошептал он, задумчиво проводя рукой по волосам. Его взгляд стал отстранённым, будто он силился разглядеть сквозь пелену времени картины прошлого. — Интересно, а что я делал на Денеб? И почему всё так выветрилось из памяти?..

— Ну и как она сюда попала? — задумчиво спросил Левиафан, постукивая пальцами по подлокотнику кресла.

Он слегка наклонил голову, изучающе разглядывая девушку, словно пытался прочесть ответ по её лицу. В его голосе звучало искреннее любопытство, смешанное с долей настороженности.

Девушка только развела руками, и на мгновение в её глазах промелькнуло замешательство. Она нервно облизнула губы, затем глубоко вздохнула, пытаясь собраться с мыслями. Её взгляд задержался на Левиафане — в нём читался немой вопрос, — после чего медленно переключился на Люцифера, в надежде найти в его лице хоть какую-то подсказку.

Дракон заинтересовался Левиафаном. Он с живым любопытством осматривал человека со всех сторон, склоняя голову то влево, то вправо, словно пытался разгадать загадку. Его большие глаза мерцали, а крылья чуть подрагивали от возбуждения.

— О-о-о! — произнёс осторожно Левиафан, и в его голосе прозвучала смесь настороженности и удивления. — Мне стоит волноваться?

Он не спускал глаз с летающей рептилии, его поза была напряжённой, готовой к мгновенной реакции. Особенно его насторожил хвост рептилии, который постоянно старался что-то зацепить — Левиафан невольно отступал на шаг каждый раз, когда тот приближался. Хотя прикосновения и были нежными, осторожными, Левиафан был от этого не в восторге: по спине пробежал холодок, а мышцы напряглись, готовые к действию.

— А как его зовут? — осторожно бросил он, стараясь говорить ровно, но в голосе всё равно проскользнула нотка тревоги.

Нет! Он не боялся каких-то там драконов. Левиафан сам мог в гнев землю разнести — он расправил плечи, вспоминая свою мощь, и на мгновение в глазах вспыхнул огненный отблеск. Что ему какой-то там дракон! Только вот хотелось бы всё мирным путём решить — он сделал глубокий вдох, пытаясь унять внутреннее напряжение.

— Её зовут Кабо! — ответила Денница, наконец-то повернувшись к собеседникам и делая ударение на первый слог.

В её голосе прозвучала гордость, а на губах мелькнула едва заметная улыбка — будто она делилась чем-то сокровенным.

Уловив вопросительный взгляд брата, Люцифер еле заметно пожал плечами, и в этом жесте читалась растерянность. Его брови слегка нахмурились, а в глазах мелькнуло недоумение.

— Она?! — Левиафан приподнял бровь, его глаза расширились от удивления, а уголки губ дрогнули в недоверчивой усмешке.

— Да, это она, — подтвердила девушка, глядя прямо в глаза брату.

В её взгляде читалась твёрдость, но где-то в глубине зрачков таилась лёгкая насмешка.

— Когда ты успела узнать её имя? — осторожно спросил Люцифер, стараясь скрыть своё раздражение.

Его голос звучал ровно, но пальцы непроизвольно сжимались и разжимались. Он чувствовал себя виноватым — в груди защемило, а щёки слегка покраснели. Но ему надоело вытаскивать из неё всё клещами. Хотя Люцифер понимал, что, вполне возможно, это не тайна сестры. Освещать её Денница не обязана. Молчание его убивало — он сглотнул, чувствуя, как внутри нарастает клубок противоречивых эмоций.

— Когда подала вниз?

— Нет, — спокойствие Денницы выбивало его ещё больше.

Он ожидал резкости, дерзости — обычно сестра не церемонилась с ним. А тут... Вот тебе раз! Люцифер невольно сжал кулаки, пытаясь справиться с раздражением.

— Перед падением, — продолжала девушка, переводя свой взгляд на страдающего от неведения Левиафана. В её голосе зазвучали мягкие, почти успокаивающие нотки. — Она назвала мне имя и предложила полетать.

— Да?! — воскликнул Люцифер, и в его голосе прозвучали нотки обиды и разочарования. — Я тоже входил в её планы — полетать!

— Нам, кажется, пора, — проигнорировала его вопрос Денница, кивнув в сторону Кабо. В её тоне прозвучала властная нотка, а взгляд стал решительным. — Иначе мы её отсюда не заберём.

Левиафан был несказанно рад такому решению. Происходящее его напрягало — он облегчённо выдохнул, расслабил плечи и провёл рукой по волосам, стряхивая остатки тревоги.

— Вам придётся преодолеть портал, — Левиафан посмотрел на небо, в сторону солнца.

Его взгляд на мгновение затуманился, словно он видел что-то за пределами этого мира, а на лице отразилась смесь тревоги и решимости.

Денница издала короткий мелодичный звук — нечто среднее между свистом и напевом. Кабо мгновенно отреагировала: зависла в воздухе, слегка взмахивая крыльями, в ожидании наездников, забыв про Левиафана. Её чешуя переливалась в лучах света, а глаза мерцали предвкушением.

— Нет! — резко остановил Люцифер, его голос прозвучал твёрдо и решительно. — Я поведу!

Окинув его кокетливым взглядом, Денница улыбнулась — её глаза заискрились лукавством, а губы изогнулись в игривой усмешке. На мгновение она задержала взгляд на брате, словно оценивая его решимость.

— Ты поведёшь, — кивнула она, и в её голосе прозвучала лёгкая насмешка, смешанная с одобрением.

Устроиться на спине дракона не составило труда. Кабо сохраняла удивительное спокойствие, лишь слегка покачиваясь в воздухе, в ожидании команд дальнейших действий. Её дыхание было ровным, а крылья едва заметно подрагивали в такт невидимому ритму.

— Держись крепко, — бросил Люцифер через плечо девушке.

В его голосе прозвучала забота, но и нотка напряжения — он сжал пальцами чешую дракона, проверяя хватку.

— Люцифер, — Левиафан заставил его наклониться, положив тяжёлую руку на плечо. В прикосновении чувствовалась сила, но и отеческая поддержка. — Тебе необходимо поговорить с отцом.

— Я понял тебя, — ответил тот, слегка кивнув.

В его глазах мелькнула тень тревоги, но он постарался скрыть её за внешней невозмутимостью.

— Хорошо, — сказал Левиафан. — Ну всё, полетели! — Он похлопал по боку дракона с энтузиазмом, но в глубине души ощущал беспокойство за молодых спутников.

От его прикосновения по телу Кабо пробежала мелкая дрожь, вызвав улыбку на лице Люцифера. Он невольно рассмеялся — коротко, радостно, — чувствуя, как волнение уступает место азарту.

— Ты готова? — шёпотом спросил он сестру, повернувшись к ней.

Его взгляд был внимательным, изучающим — он искал в её глазах признаки страха или неуверенности.

— Да, — кивнула она.

Её голос звучал ровно, но Люцифер заметил, как слегка дрогнули её пальцы, сжимающие чешую дракона.

— Я надеюсь, всё получится, — произнёс он, и в его голосе прозвучала искренняя надежда, смешанная с тревогой.

— Давай попробуем, — ответила Денница, стараясь говорить уверенно.

Она глубоко вдохнула, пытаясь унять учащённое сердцебиение, и улыбнулась брату в ответ — улыбка вышла немного нервной, но всё же настоящей.

Преодолеть пространственно-временной континуум было сложно, но возможно. Тем более драконы делали это беспрепятственно. Но как поступит этот дракон? Никто этого не знал. Воздух вокруг начал слегка мерцать, создавая ощущение нереальности происходящего.

Новый вид — новые возможности. Люцифер замер на мгновение, ощущая, как внутри него борются противоречивые чувства: азарт исследователя и страх перед неизвестностью.

Люцифер замешкался. Денница тоже была в замешательстве — её брови слегка нахмурились, а взгляд стал рассеянным. Он чувствовал поток её эмоций: волнение, любопытство, едва уловимый страх. Возможно, именно это и вводило его в транс, в ступор — словно чужие переживания на мгновение стали его собственными.

Он чувствует! Его сердце забилося чаще, а ладони слегка вспотели.

Но что он чувствует? Мысли? Эмоции? Или что-то другое? В голове крутились вопросы, а ощущения смешивались в причудливый коктейль.

Он взял усы дракона и, ощутив огромную силу животного — мощную, древнюю, почти первобытную, — выдохнул:

— Ух! — звук вырвался сам собой, полный восхищения и благоговения.

Больше он ничего не мог сказать. Чувство было новым, ощущения — яркими, почти осязаемыми. Он словно подключился к какому-то древнему источнику энергии, и это захватывало дух.

— Я готова, — услышал он навязчивую мысль.

Она прозвучала прямо в его сознании — чёткая, уверенная, с оттенком нетерпения. Люцифер вздрогнул, осознавая, что теперь он действительно слышит дракона.

Мысль исходила не от сестры — она исходила от Кабо. Это удивило его ещё больше, и на мгновение Люцифер замер, чувствуя, как по спине пробежал холодок изумления. Раньше такого чувствования чужого сознания не было: могли только предполагать по эмоциям и внешнему виду. Его сердце забилося чаще, а в груди разливалось странное ощущение — смесь восторга и тревоги перед чем-то совершенно новым.

— Только прикажи, мой хозяин, и я преодолею все дали. Я преодолею этот путь вместе с тобой — от начала и до конца, — прозвучало в его сознании.

Голос дракона был глубоким, мелодичным, словно далёкий гул океана, и в то же время удивительно мягким, почти ласковым.

«Да уж! Легко сказать: „Прикажи“, — когда ты с таким видом связки сталкиваешься впервые», — пронеслось в мыслях Люцифера. Он невольно сжал пальцами чешую дракона, пытаясь осознать происходящее. В голове крутились вопросы, а ладони слегка вспотели от волнения.

Люцифер тянул время, глубоко дыша и стараясь унять внутреннюю дрожь. Он чувствовал, как Денница рядом затаила дыхание, ожидая его решения.

— Такой же дракон, как и все, — услышал он шёпот сестры справа.

Она говорила тихо, прижавшись к плечу щекой так, чтобы не слышал Левиафан. Её дыхание было едва уловимым, тёплым, и это прикосновение неожиданно успокоило его, словно напомнив о чём-то родном и надёжном. Не поворачивая головы, Люцифер чуть повёл правым ухом. Эта особенность осталась у него от людей — и сейчас он невольно улыбнулся про себя, вспомнив детство.

Её голос придал ему силы и уверенности. Он ощутил, как напряжение понемногу покидает мышцы, а в душе зарождается решимость.

Нет, он не боялся. Нет, он ничего не боялся в этой жизни и никого — кроме самого себя. Но неизвестное пространство напрягало его в последнее время, вызывало какое-то странное чувство тревоги — словно где-то далеко звучал тревожный набат, который пока не мог разобрать никто, кроме него.

Нарушение безопасности... Такие мысли последнее время посещали его всё чаще и чаще, вводили в ступор. Он хмурил брови, пытаясь сосредоточиться, но ощущение угрозы оставалось — смутное, неуловимое, будто тень на краю зрения.

Сканирование окружающего пространства ничего не давало — словно кто-то спрятался под слоем мысли этого мира творения. Люцифер почувствовал, как внутри закипает раздражение, смешанное с досадой. Он сжал кулаки, стараясь не поддаваться панике, и сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться.

«Домой, Кабо», — повелел он, открывая перед собой пространство. Его голос в сознании звучал твёрдо, хотя внутри всё ещё трепетало от волнения. Дракон словно ждал этого не одну сотню лет — её крылья затрепетали в предвкушении, а глаза вспыхнули внутренним светом.

Взмахнув крыльями, она устремилась в открывающийся портал — стремительно, уверенно, с грацией, от которой захватывало дух. Левиафан чуть не перекрестился, вздохнув с облегчением. Его плечи расслабились, а на лице появилась улыбка — он провёл рукой по лбу, словно стряхивая остатки тревоги. Теперь можно и расслабиться.

Не любил он шумные компании. Нет, он обожал Люцифера и всех его братьев, да и с Денницей не прочь был познакомиться поближе. Только больно уж ребята сегодня шумные. Странные какие-то. Он нахмурился, наблюдая за ними, и в груди зашевелилось беспокойство.

Что-то в этом мире происходит... Левиафан уже не раз ловил себя на этой мысли. Он поднял взгляд к небу, чувствуя, как в душе нарастает тяжесть — словно мир вокруг медленно, но верно менялся, и эти изменения пугали своей непредсказуемостью.

С появлением человека всё стало меняться. Даже мыслеформы пошли другие. Создавая новый вид, Бог явно чего-то не учёл. Левиафан вздохнул, его глаза затуманились от раздумий. Он вспомнил, как раньше всё было проще, яснее — а теперь мир словно покрылся паутиной тайн, и каждая нить вела в неизвестность.

Михаил не отходил от компьютера. После падения Люцифера он еле сдержался, чтобы не полететь вслед за ним — его пальцы судорожно вцепились в край стола, а на лбу выступила испарина. В груди клокотала тревога, и он с трудом подавил порыв сорваться с места.

— Михаил, — голос Андрея привёл его в чувство и остановил от поспешных действий, — всё хорошо. Они преодолели пространственно-временной континуум, — продолжал юноша, обращаясь к идущему к нему Михаилу.

В голосе Андрея звучала уверенность, но Михаил уловил и нотку сочувствия.

— А как Люцифер? — спросил Михаил, и в его голосе прозвучала неподдельная тревога. Он невольно сжал кулаки, ожидая ответа.

— Всё хорошо. Они упали в воду, — добавил тот, поймав вопросительный взгляд архангела.

Успокоившись, Михаил кивнул, и плечи его слегка расслабились. Слова Андрея успокоили его. Он всегда старался ориентировать порталы во время испытаний на воду. Вода смягчает удар при падении ангелов и даёт шанс восстановиться быстро и безболезненно, даже не осознав толком, что с тобой произошло. Он мысленно выдохнул, чувствуя, как напряжение понемногу покидает тело.

Падение на другую поверхность привело бы к печальному исходу. Падать ангелу нельзя в пространственно-временной континуум: падая, ангел разбивается на фракталы, и восстановиться уже нельзя будет никогда. При этой мысли Михаил невольно содрогнулся — перед глазами промелькнули страшные картины, и он поспешил отогнать их.

— Всё хорошо, — не умолкал Андрей, в один клик выводя на экран цифры. Его пальцы быстро порхали над клавиатурой, а на лице играла ободряющая улыбка. — Все показатели в норме, даже черепаха и... — задумался юноша, сверяя данные, — Левиафан. Всё прекрасно, — одарил он улыбкой Михаила, — стресса никто не испытывает.

Слегка улыбнувшись в ответ, Михаил кивнул. На мгновение на его лице отразилось облегчение, но в глубине глаз всё ещё таилась тревога. Он ждал возвращения.

А сейчас он бросил взгляд вверх — ему надо было поговорить с самим Творцом. Его взгляд стал отстранённым, словно он уже мысленно находился где-то далеко, за пределами этой комнаты. В груди нарастало тяжёлое предчувствие.

— Скажешь, когда они вернутся, — бросил он Андрею, направляясь к лестнице.

В его голосе прозвучала усталость, но и твёрдая решимость.

— Хорошо, конечно, — ответил тот, не отрываясь от монитора.

Андрей на мгновение поднял глаза на Михаила, и в его взгляде читалось искреннее участие.

Люцифер натянул усы, как поводья, давая понять дракону, что надо остановиться. Кабо замерла на выступе площадки, широко раскрыв крылья. Фырканием она выразила недовольство от звука закрывающихся ворот — её глаза сверкнули раздражением, а хвост нервно дёрнулся. Люцифер почувствовал, как руки сестры поползли вниз.

— Рада! — он схватил её руки, с тревогой оборачиваясь назад.

Его сердце забилося чаще, а в груди защемило от страха за сестру.

— Меня укачало, — еле выдавила она.

Её голос звучал слабо, а лицо побледнело.

— Укачало?! — переспросил он, и в его голосе прозвучало искреннее изумление.

Брови Люцифера взметнулись вверх, а глаза расширились.

— Да. Даже немного вырубил.

— В смысле — вырубил? Ты понимаешь, чем это чревато? — в его голосе зазвучали тревожные нотки.

Он крепче сжал руки Рады, словно пытаясь передать ей часть своей силы.

— Да, я понимаю, — она уже была не рада, что начала этот разговор.

Её взгляд потускнел, а плечи поникли.

— А раньше такое было? — не отставал Люцифер, округлив от удивления и тревоги и без того большие глаза.

Он внимательно вглядывался в лицо сестры, пытаясь прочесть в нём ответ.

— Нет, никогда раньше такого не было, — тихо ответила она, опустив взгляд.

Он хотел ещё что-то спросить, но осёкся, увидев тревожное лицо Михаила. Люцифер невольно сглотнул — выражение лица старшего архангела говорило о том, что дело серьёзнее, чем казалось сначала. В воздухе повисло тяжёлое молчание, и Люцифер ощутил, как внутри зарождается холодный комок тревоги.

— Что-то случилось? — спросил тот, внимательно вглядываясь в лицо Люцифера.

В его голосе звучала искренняя озабоченность, а брови слегка сдвинулись к переносице.

Люцифер отрицательно кивнул, помогая девушке подняться. Его движения были резкими, почти нервными, а взгляд то и дело возвращался к сестре.

— Ваш вид мне не нравится, — продолжил он, пристально смотря на Люцифера.

В глазах собеседника читалась неподдельная тревога.

Тот взглядом указал на сестру. Не отходя далеко от ребят, Денница плюхнулась на каменный пол с глухим стуком. Обхватив колени, она спрятала лицо, её плечи слегка подрагивали.

— Рада, — Михаил слегка коснулся её плеча, и в этом жесте чувствовалась забота, — посмотри на меня.

Его голос звучал мягко, но настойчиво.

— Всё хорошо, — выдавила она едва слышно, не поднимая головы.

Её голос дрожал, а пальцы судорожно сжимали ткань одежды.

— Посмотри на меня! — приказал он твёрдо и, не дожидаясь ответа, взяв её лицо в свои руки, заставил посмотреть себе в глаза.

Прикосновение было осторожным, но уверенным. Выглядело грубовато со стороны, но другого пути не было — Михаил чувствовал, как нарастает тревога, и понимал, что медлить нельзя.

На него смотрела совсем другая Денница: затуманенный взгляд, расширенные зрачки, бегающие из стороны в сторону без фокусировки на определённом предмете глаза. Её дыхание было прерывистым, а кожа — бледной, почти прозрачной.

— Она отключилась при переходе через портал, — пояснил Люцифер.

Его голос слегка дрожал от беспокойства, а руки непроизвольно сжались в кулаки.

Михаил посмотрел на него, заглядывая в глаза. Примерно то же самое, только в меньшей степени, отметил он про себя, не произнеся ни слова. В груди у него защемило от тревоги за обоих. Он перевёл взгляд на застывшего в воздухе под куполом дракона. Кабо свернулась клубком и затихла, её крылья слегка подрагивали, словно от внутреннего напряжения.

По растерянному, бегающему взгляду, перебегающему от одного к другому, Люцифер всё понял. Дела были не очень хорошие — раз даже сам Михаил не понимал, что делать. В животе у Люцифера образовался холодный комок страха, а ладони невольно вспотели.

Люцифер хотел съязвить, выпустив пару-тройку колкостей, но что-то остановило его. Возможно, внешний вид сестры, а возможно, растерянность брата. Хотя, скорее всего, и то и другое. Сарказм в данном случае был бы неуместен — он ощутил это всем существом, и вместо привычной колкости в груди разливалась тяжесть беспокойства.

— Вам, — выдавил Михаил, тихо прочитав вопрос в глазах юноши, — надо в бокс... обоим, — добавил он после недолгого молчания.

Его голос прозвучал устало, но твёрдо, а в глазах читалась решимость.

Сопrotивляться Люцифер не стал. Желание сопротивляться он в себе сдержал. Он и сам чувствовал: что-то неладное, не очень хорошее происходит. По спине пробежал холодок, а в горле встал ком.

— Рада, — начал Михаил, но Денница его перебила:

— Господи, не будь занудой, я... — проворчала она, резко вставая.

В её голосе прозвучало раздражение, смешанное с усталостью, а движения были резкими и неуверенными.

Михаил открыл рот, чтобы возразить, но застыл в изумлении. Его глаза расширились, а брови взметнулись вверх. Не договорив, девушка упала ему на руки.

— Я не понимаю, почему ты отключилась! — недоумевал Михаил.

Его голос дрогнул, а пальцы слегка затряслись. Он тысячу раз изучил все показатели, и всё было в норме. В груди нарастала паника, которую он изо всех сил пытался подавить.

Денница сидела на кушетке напротив большого окна, наблюдая за суетящимися вокруг ангелами. Её взгляд был отстранённым, словно она находилась где-то далеко, а пальцы бессознательно теребили край одежды.

— Я несколько раз, — он закрыл чёрную папку и протянул ей, — перечитал всё и так и не могу понять, где, когда и, главное, почему произошёл сбой.

В голосе Михаила звучала усталость и напряжение, а между бровями залегла глубокая складка.

— Я не знаю, — пожала плечами та, положив папку на колени, — меня словно вырубил. Её голос звучал безжизненно, а глаза избегали взгляда Михаила.

— Вырубил... — Михаил сел рядом.

В его вздохе слышалось беспокойство. Он скрестил руки на груди, вытянул длинные ноги, слегка оперевшись спиной о выступающий угол окна. Взгляд его стал задумчивым, а пальцы непроизвольно постукивали по колену в нервном ритме.

— Да, такое было ощущение, что меня выключили, — голос Денницы звучал тихо и отстранённо, словно она всё ещё находилась где-то далеко, за гранью реальности.

Её пальцы бессознательно теребили край одежды, а взгляд был расфокусирован.

— Хм... — он слегка приподнял брови в раздумье, внимательно изучая лицо девушки.

В глазах Михаила читалась напряжённая работа мысли, а между бровями залегла глубокая складка. Он слегка постукивал пальцами по подбородку, пытаясь осмыслить услышанное.

— Да, — продолжила Денница, её голос слегка дрогнул, — как обычную аппаратуру. Не знаю, словно кнопку кто-то нажал и обесточил.

Она нервно сглотнула, и на мгновение её плечи поникли, словно под тяжестью воспоминаний.

— Кнопку, говоришь? — Михаил встал и медленно прошёл взад и вперёд.

Его шаги были размеренными, но в них чувствовалась скрытая тревога. Он провёл рукой по волосам, пытаясь собраться с мыслями.

— Да, кнопку, — она смахнула выбившуюся прядь волос со лба. Её рука слегка дрожала, а дыхание оставалось прерывистым. — Я не знаю, что это.

В её голосе прозвучала искренняя растерянность, почти отчаяние.

— Раньше такое было? — Михаил остановился и пристально посмотрел на неё, слегка наклонив голову.

В его взгляде читалось не только любопытство, но и неподдельная забота.

— Нет, никогда. Иначе бы я сказала, — ответила она твёрдо, встретив его взгляд.

В её глазах мелькнула искра обиды — она чувствовала, что Михаил ей не до конца верит.

Михаил бросил на неё недоверчивый взгляд, но тут же смягчил выражение лица. «Хм, — подумал он. — Сказала... Как же. Из вас двоих клещами ничего не вытащишь». В груди у него защемило от беспокойства за девушку — он понимал, что она что-то недоговаривает, но не хотел давить.

Он бросил взгляд вверх, на стоящего у окна Люцифера, присутствие которого ощущал всё это время. Михаил заметил, как брат слегка напрягся, уловив перемену в настроении.

Он чувствовал, что Люцифер ловит каждое его слово, каждый жест, каждое движение. Люцифер — хороший аналитик, и Михаил прекрасно понимал: от его взгляда ничего не ускользнёт. На мгновение он встретился взглядом с братом — в глазах Люцифера читалась та же тревога, что и у него самого.

— Андрей! — на его зов подоспел молодой лаборант невысокого роста.

Михаил произнёс это резко, но тут же слегка улыбнулся юноше, смягчая тон.

Денница почему-то сопоставила его рост со своим. Лаборант выглядел почти мальчишкой — его щёки покрывал лёгкий румянец, а глаза сияли от усердия. Он протянул Михаилу планшет, слегка поклонившись.

— Посмотри на меня, — Михаил говорил мягко, но настойчиво, стараясь успокоить Денницу.

Его голос звучал ободряюще, а взгляд стал более тёплым.

— Что ты собираешься делать? — в голосе Денницы прозвучала настороженность, она слегка отпрянула назад, инстинктивно защищаясь.

— Я отсканирую твою сетчатку, — спокойно объяснил Михаил. Он сделал шаг вперёд, стараясь не напугать девушку. — Не бойся, это не больно.

— Зачем? — она всё ещё сопротивлялась, но уже менее уверенно.

Её плечи слегка опустились, а взгляд стал менее настороженным.

— Может, ты что-то видела в портале.

В его голосе прозвучала надежда:

— Иногда подсознание фиксирует то, что сознание не успевает осознать.

Он поднёс планшет к её лицу. Денница почувствовала покалывание в глазах. Такое было ощущение, что некая искра проникает через глаз в самое сердце, в солнечное сплетение, в кору головного мозга, пролистывая все нервные окончания. Её дыхание участилось, а пальцы

непроизвольно сжались в кулаки. По телу пробежала волна мурашек, и на мгновение ей показалось, что она снова находится в портале.

— Так, хорошо, — кивнул Михаил, заметив, как девушка слегка побледнела. Он быстро убрал планшет и мягко положил руку ей на плечо. — Всё, достаточно. Ты молодец.

— Я могу быть свободна? — она и так собиралась покинуть помещение.

Надоела беготня возле неё, сканеры, планшеты. Хотелось домой, закрыться на большой засов и никого не видеть. В её голосе звучала усталость, а плечи ссутулились от напряжения.

— Да, всё, — кивнул Михаил и быстро добавил: — Отсюда ни шагу.

В его голосе зазвучали стальные нотки, а взгляд стал твёрдым.

Её вопрос повис в воздухе. Что значит «ни шагу отсюда»? И откуда — отсюда: из этой комнаты или из этого мира? Денница почувствовала, как внутри нарастает тревога, а ладони слегка вспотели.

— Не уходи от нас, пока я всё не выясню, — поспешил пояснить Михаил, смягчив тон. Он слегка наклонился к ней, стараясь передать всю серьёзность ситуации. — Пойми, это ради твоей же безопасности.

— Денница, — перешёл он к официальной части.

Его голос стал строже, а осанка — более прямой. Значит, его что-то тревожит. Обычно, когда Михаил встревожен и зол, он переходит к официальным обращениям.

— Рада, — сменил он тон, и в его голосе прозвучала теплота, — я не знаю, что это. Понимаю, что сейчас всё выглядит нелепо, но давай мы не будем подвергать опасности себя и других.

Он слегка улыбнулся, пытаясь подбодрить девушку.

— Ты же знаешь... — тихо, почти беззвучно шепнула она, нервно покосившись на Андрея, её голос дрожал от тревоги. — Я не могу здесь остаться.

— Я предупрежу Ирму, — небрежно бросил Михаил, отворачиваясь и делая вид, что ситуация его совсем не волнует, но пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

— Михаил... — начала девушка, в её голосе звучала мольба, но он бесцеремонно перебил её.

— Рада, если это то, о чём я думаю... — Михаил на мгновение замаялся, в глазах мелькнуло что-то тревожное, почти испуганное.

— А о чём ты думаешь? — дерзко вскинула она свой носик, но в глубине её глаз читалась затаённая тревога.

— Михаил, — буркнул Андрей, его голос прозвучал резко, с нотками раздражения. — Да скажи ты уже ей, хватит ходить вокруг да около!

Михаил бросил на парня тяжёлый, предупреждающий взгляд, в котором читалось немое предостережение.

— Сам, — продолжил Андрей, демонстративно игнорируя взгляд Михаила. Его голос звучал вызывающе, а в глазах сверкал упрямый огонёк. — Скажи сам.

Посмотрев Андрею прямо в глаза — в них читалась неприкрытая злость, — Михаил медленно перевёл взгляд на девушку. Рада приподняла бровь, её лицо оставалось бесстрастным, но пальцы слегка дрожали, выдавая внутреннее напряжение.

— Вирус, — начал Михаил глухо, опустив глаза. — По системе расплзается вирус... — он произнёс это так, будто каждое слово давалось ему с трудом.

Михаил говорил нехотя, избегая смотреть сестре в глаза. У него не было ни малейшего желания посвящать её в то, о чём сам ещё толком не знал. Но, учитывая события последнего времени — странные исчезновения, тревожные слухи, — он понимал: сказать надо, как бы тяжело это ни было.

— Вирус, скорее всего, передаётся через зрительный канал, — его голос стал ещё тише, почти шёпотом. — Поедешь сейчас к себе — передашь дальше по системе через... через взгляд, от человека к человеку.

Михаил запнулся, сглотнул, его лицо исказилось от внутренней борьбы:

— Мне надо понять, что происходит, пока не стало слишком поздно...

Он сделал долгую паузу, напряжённо вглядываясь в лицо Рады, словно пытаясь прочесть в нём ответ заранее. Рада так же выдержала паузу — её грудь вздымалась чаще обычного, а пальцы судорожно сжали край платья, — после чего ответила, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо:

— Хорошо.

— Я постараюсь всё выяснить как можно скорее, — произнёс он хрипло, и в его голосе прозвучала искренняя тревога за сестру.

— Хорошо, — кивнула она, и на её лице мелькнула слабая улыбка, — я тебя услышала.

В её взгляде появилась благодарность за проявленное понимание.

— Я посмотрю все сканы. Возможно, это позволит выявить объект, увиденный тобой. — Михаил говорил уверенно, но в глубине души он понимал — ситуация гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд.

— Да, я видела, — нехотя призналась девушка, и её голос слегка дрогнул.

Она на мгновение опустила взгляд, словно заново переживая тот момент:

— Вспышку рядом с Люцифером. Да, это и вспышкой нельзя было назвать... — она запнулась, подбирая слова.

Её пальцы непроизвольно сжали край одежды, а дыхание участилось:

— Странная вспышка. Они обычно яркие, слепящие, как взрыв. А это... — Денница замолчала, нахмурившись, её глаза расширились, будто она снова увидела то, о чём говорила.

— Темнота, — осторожно вставил Михаил.

Он внимательно наблюдал за реакцией девушки, слегка наклонив голову. В его глазах читалась напряжённая работа мысли, а между бровями залегла глубокая складка.

— Да, тёмная, — согласилась девушка.

Её голос звучал отстранённо, словно она всё ещё находилась где-то далеко. Она медленно подняла взгляд на Михаила, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на страх.

Увидев рассеянный взгляд Денницы, он добавил мягче, стараясь не напугать её ещё сильнее:

— Вполне вероятно, это и выбило тебя.

— Скорее всего, — согласилась она, слегка вздрогнув.

Её плечи поникли, а пальцы разжались, отпуская ткань одежды. В воздухе повисло неловкое молчание. Оно давило на обоих, наполненное невысказанными вопросами и тревогой. Денница нервно облизнула губы, а Михаил непроизвольно сжал кулаки, пытаясь подобрать правильные слова.

— Когда будут результаты? — сдавленно спросила Денница.

Её голос прозвучал тише обычного, в нём слышались нотки отчаяния и усталости. Она с надеждой посмотрела на Михаила, её глаза чуть расширились в ожидании ответа.

— Дня через два, — ответил Михаил. Он сделал паузу, внимательно изучая лицо девушки. Его взгляд смягчился, а голос стал теплее. — Ты... — он замялся, подбирая слова, — ты уверена, что хочешь остаться здесь?

— Я буду здесь, — кивнула она твёрдо, хотя в глубине души ей хотелось оказаться как можно дальше от этого места. — Я буду у себя.

Её голос слегка дрогнул на последней фразе, но она постаралась скрыть это, выпрямив спину и подняв подбородок.

Михаил на секунду задержал на ней свой взгляд. В его глазах отразилась смесь беспокойства и уважения к её решению. Ему хотелось ещё что-то сказать в дополнение к происходящему — успокоить, подбодрить, заверить, что всё будет хорошо. Но вместо этого он просто кивнул, одобряя её решение, и слегка улыбнулся уголками губ.

Она всегда стремилась после испытаний уйти домой — причём независимо от чьего-либо мнения или разрешения. Исчезала так же внезапно, как и появлялась. Михаил помнил, как она порой буквально растворялась в воздухе, не прощаясь, не объясняя причин.

А тут всё же решила остаться. Михаил не стал задавать лишних вопросов. Решила — значит, решила. В груди у него шевельнулось что-то тёплое: возможно, это была гордость за её смелость или благодарность за то, что она готова довериться им в такой непростой ситуации. Он слегка склонил голову, давая понять, что уважает её выбор, и на мгновение в его глазах мелькнула искра надежды.

— Люцифер!

От звука голоса своего отца юноша вздрогнул, резко выпрямившись. Вздрогнула и Денница — её пальцы невольно сжались в кулаки, а дыхание на мгновение перехватило. «Сейчас начнётся разбор полётов», — промелькнуло в её голове, и она невольно втянула голову в плечи, словно пытаясь стать незаметнее.

Она подняла голову и встретила с укоризненным взглядом своего отца. Он смотрел на них сверху вниз, метая молнии — его брови были сурово сдвинуты, а губы сжаты в тонкую линию. Резиденция Создателя находилась на этаж выше. Он ждал, когда закончатся обследования вернувшихся с испытания. А теперь предстоял серьёзный разговор — в воздухе уже витало напряжение, почти осязаемое.

Люцифер вздрогнул и поднял голову. Звук, исходящий справа... Так и есть... Его сердце забилось чаще, ладони слегка вспотели.

Опершись слегка на перила, Создатель этого мира наблюдал за происходящим. Люцифер не заметил его присутствия, что было ему не свойственно вообще — обычно он чувствовал отца за версту. Сейчас же он ощутил укол стыда за свою невнимательность.

Он всегда ощущал присутствие отца, где бы ни находился. Бросив быстрый, ободряющий взгляд на сестру, он направился к лифту, стараясь идти ровно и уверенно, хотя внутри всё дрожало.

Двери кабинета были открыты нараспашку, приглашая войти. Люцифер на минуту замешкался, переминаясь с ноги на ногу. Его пальцы нервно теребили край рубашки.

Нет, он не боялся разговора с отцом! Только почему-то что-то останавливало его войти. Какая-то неведомая сила удерживала его, не давая возможности войти — словно невидимая стена преградила путь. Он глубоко вдохнул, пытаясь унять волнение.

— Входи, Люцифер, входи, — приглашение отца подтолкнуло Люцифера сделать первый шаг.

Его ноги будто налились свинцом, но он заставил себя переступить порог. Он вошёл в большой, залитый светом кабинет. Яркий свет резанул по глазам, заставив на мгновение зажмуриться.

Отец смотрел в окно, держа руки за спиной. Его поза была прямой и величественной, но Люцифер уловил едва заметное напряжение в плечах. Воцарилось тягостное молчание — оно давило на плечи, заставляя дышать реже.

— Ты звал меня? — нарушил тишину юноша.

Его голос прозвучал чуть выше, чем обычно, выдавая внутреннее беспокойство.

— Да, — твёрдо ответил тот, повернувшись к нему. В его глазах читалась серьёзность, но не гнев — скорее глубокая озабоченность. — Ты один? А где твоя сестра?

— Она в лаборатории Михаила. Всё как обычно, — ответил Люцифер, стараясь говорить ровно, но его пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Бог внимательно осмотрел своего сына. Мальчик вырос и превратился в высокого статного юношу. Он стал дерзок, резок и в то же время мил и обходителен, что не портило его, а, наоборот, даже придавало шарма. В глазах Создателя мелькнула гордость, тут же сменившаяся тревогой.

Дети выросли, и управлять ими становилось всё сложнее и сложнее. С одной стороны, он понимал, что надо дать им право самим делать шаги в этом мире. С другой — как позволить делать шаги в этом мире, не нарушая границ этого самого мира и его порядка? Он слегка провёл рукой по лбу, будто отгоняя тяжёлые мысли.

— Пригласи свою сестру, Люцифер. Разговор больше касается её, а не тебя, — произнёс он мягко, но непреклонно.

— Но, отец, я... — начал было Люцифер, чувствуя, как в груди закипает протест.

— Люцифер... — в этом коротком обращении прозвучало столько силы и власти, что юноша невольно замолчал, опустив глаза.

— Я здесь, — раздался голос из-за двери. Денница вошла плавно, но в её движениях читалась настороженность. — Ты хотел видеть меня?

Её голос звучал ровно, но глаза метали молнии — она явно была готова к обороне.

Голос отца разнёсся по всему зданию до самых нижних этажей — громогласный и властный, словно раскат грома в ясный день. Стены дрогнули, а витражи зазвенели, отзываясь эхом. Отец вышел из себя — это было слышно по стальной ноте в голосе, от которой у любого ангела зашевелились бы волосы на затылке.

Денница не успокаивалась, не уступала. Её обуял такой азарт, что кровь закипала в жилах. Она не могла остановиться в своём гневе и желании переспорить самого Создателя. В глазах сверкали искры, кулаки непроизвольно сжимались, а дыхание стало частым и прерывистым. «Да разве его переспоришь?» — пронеслось в её голове, но она упрямо вскинула подбородок, бросая вызов.

Люцифер молчал. Он был в ступоре — такого поведения от сестры не ожидал даже он. Его брови сошлись на переносице, а губы сжались в тонкую линию. Даже он, его сын, выросший на его руках, не позволял себе такого — и сейчас в груди разливалась смесь тревоги и недоумения.

Михаил замер на полпути в лабораторию с планшетом в руках. Пальцы невольно сжали край планшета чуть сильнее. Он поднял голову, вслушиваясь в раскаты голоса сверху, и посмотрел вверх, пытаясь понять суть разговора. В груди неприятно защемило — он предчувствовал, что грядет что-то недоброе.

— Твоих рук дело? — спросил с нотками упрёка в голосе подоспевший Рафаэль.

Его голос прозвучал тихо, но в нём чувствовалась сталь.

— Не понимаю, о чём ты! — Михаил перевёл на него задумчивый взгляд, но в глубине глаз мелькнула тень тревоги.

Он невольно сглотнул, пытаясь унять волнение.

— Я видел, как ты ходил к отцу после их полёта, — настаивал Рафаэль, сверля его взглядом.

Нависло тягостное молчание. Их взгляды встретились — в глазах Рафаэля читалось обвинение, а Михаил почувствовал, как внутри всё сжалось от недоброго предчувствия.

— Я должен был рассказать... — начал Михаил, не отводя своего взгляда, хотя внутри всё дрожало.

— Конечно, должен, — перебил его Рафаэль, подойдя так близко, что Михаил почувствовал прикосновение всей его ангельской сути до глубины души и вздрогнул. — Конечно, должен, — не унимался Рафаэль.

Его голос стал тише, но от этого звучал ещё веселее:

— Ты же знаешь, мы воспринимаем информацию так, как нам её представляют. Вот и отец наш, не исключение: Бог всех богов воспримет так, как её расскажешь ты. А вот как ты представил свой рассказ — будет на твоей совести.

Михаил хотел возразить, уже открыл рот, но слова застряли в горле. В этот момент дверь с грохотом открылась и так же закрылась, прервав его на полуслове.

Денница выскочила из кабинета как ошпаренная — её лицо пылало, глаза горели, волосы растрепались.

— Ха-а-а! — выдохнула она с яростным облегчением, преодолевая в два прыжка расстояние до перил.

Этот звук...

Михаил знал этот звук — это призыв к себе своего дракона.

Девушка перемахнула через перила и полетела вниз. Ветер взметнул её волосы, а на губах мелькнула отчаянная улыбка — смесь гнева и азарта.

По инерции Михаил рванулся вперёд, протянув руку, будто пытаясь удержать её. Рафаэль схватил его за плечо, удержав от последующего шага. Хватка была крепкой, почти болезненной.

Внизу, из самой глубины здания, показался дракон. Он еле помещался в пролёте между этажами — огромные чешуйчатые крылья едва не задевали стены, а когти скребли по камню. У Михаила захватило дух — величественное и грозное создание, воплощение силы и верности.

Дракон знал своё дело. Он был обучен на земле и не к таким ситуациям. Подхватив свою хозяйку с удивительной ловкостью, он развернулся прямо перед лицом Михаила. Взмах его крыльев создал мощнейшие потоки воздуха в маленьком помещении — настолько сильные, что Михаил невольно отшатнулся. Стопка белых листов разлетелась в стороны, кружась, как снежинки в бурю.

Михаил проводил взглядом Ако — дракона звали так, — его сердце билось учащённо. Только сейчас он увидел наблюдавшего за происходящим Люцифера. Тот стоял на месте своего отца — даже примерно в такой же позе, как и тот: спина прямая, руки за спиной, взгляд сосредоточенный. Но в глазах Люцифера читалось что-то ещё — смесь тревоги, недоумения и едва уловимой гордости за сестру.

Ангелы бросились собирать листы своих трудов, которые ещё долго витали в воздухе, кружась, словно опавшие листья в осеннем вихре. Вместе с листьями рассеялась тёмная пелена — будто тяжёлый туман, давивший на плечи, наконец отступил, оставив после себя лишь лёгкую тревогу.

— А что, если это вирус? — прошептал на ухо Гавриил, наклонившись так близко, что Михаил почувствовал его тёплое дыхание. — Что ты тогда будешь делать?

— Откуда ты взялся! — резко бросил Михаил, чуть отстраняясь от подошедшего и невольно отступая на шаг.

Его сердце забилося чаще — он не ожидал появления Гавриила, и это вызвало волну раздражения.

— Как вернёшь её обратно, Михаил? — не унимался тот, сверля своего собрата упрекающим взглядом.

В глазах Гавриила читалась не просто тревога — там была глубокая обеспокоенность, почти отчаяние.

Михаил молчал. Немой вопрос застыл у него на устах, впрочем, как и в глазах — в них отразилась внутренняя борьба, смесь вины, тревоги и бессилия. Он сжал кулаки, пытаясь взять себя в руки.

Гавриил замолчал, но его взгляд всё ещё говорил больше слов: в нём читалось ожидание, надежда на ответ, которого не последовало.

— Люцифер, — услышал тихий голос Михаил.

Юноша обернулся, и на мгновение его лицо отразило смесь удивления и настороженности.

— Зайди, нам надо поговорить.

Голос Творца звучал тихо и спокойно — настолько ровно, что это казалось почти неестественным. Ничто в его интонации не выдавало ни малейшего страха или гнева по поводу происходящего. Тихо, размеренно и спокойно — словно ничего и не было. Но Михаил уловил в этом спокойствии что-то тревожное, будто затишье перед бурей.

Кивнув в знак согласия, юноша бросил на Михаила мимолётный взгляд — в нём мелькнуло что-то вроде сочувствия или предостережения. Затем он направился в кабинет отца, его шаги звучали глухо, почти неслышно.

— Люцифер, — начал тот после того, как за юношей плотно закрылась дверь, — подойди сюда.

Один взмах руки — и окна превратились в экраны большого компьютера, на мониторах которых отображалась вся Вселенная. На минуту в комнате стало сумрачно — свет словно потускнел, создавая атмосферу таинственности и тревоги.

— Я должен был давно поговорить с тобой, — он сделал пару кликов, и их взору открылось огромное чёрное пятно в центре Вселенной. Насколько чёрное, что сама ночь казалась девственно прекрасной по сравнению с ним.

Создатель на мгновение замолчал, его взгляд стал тяжёлым, почти мрачным.

Люцифер недоумевал. Его брови сошлись на переносице, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Он вглядывался в экран, пытаясь осознать масштаб угрозы.

— Что это? — задумчиво произнёс он, и в его голосе прозвучала нотка тревоги.

— Я не знаю, — ответил Создатель, и впервые в его голосе проскользнула усталость. — Это появилось давно, скажу тебе. Вначале я решил, что это новая галактика родилась от меня извне. А потом я стал понимать, что это нечто другое. И это другое происходит из самого центра Вселенной. Только вот как оно туда просочилось — непонятно. Также непонятно, откуда идёт эта тьма. Место её рождения мне известно. Одно мне ясно: сознание наше будет меняться. Все, кто ей подвержены, будут меняться. Наши мысли, наши действия будут такими же чёрными, как она сама.

Люцифер молчал. Теперь он понимал, примерно почему Люциферит стала вести себя несдержанно. В его груди разливалась тяжесть — осознание того, что угроза реальна и гораздо масштабнее, чем он мог представить.

— Ты же уже понял, думаю, — продолжал отец, внимательно наблюдая за реакцией сына, — какая планета находится в центре Вселенной?

— Небиру! — неуверенно произнёс Люцифер.

Его голос дрогнул, а взгляд метнулся к экрану, будто ища подтверждения своим словам.

— Да, — подтвердил Создатель.

В его голосе прозвучало что-то неуловимое — то ли сожаление, то ли решимость. Он слегка наклонил голову, словно давая понять, что разговор только начинается.

На экране появилась огромная планета в окружении чёрной дымки. Она пеленой застилала всё пространство вокруг Небиру, с каждым днём становясь всё темнее и темнее — словно живая, она пульсировала, медленно поглощая свет звёзд поблизости. Люцифер невольно задержал дыхание, вглядываясь в зловещее пятно.

— Небиру, — повторил отец, и его голос прозвучал непривычно глухо. — Сознание людей меняется, и я боюсь... — он бросил тревожный взгляд на сына, в котором читалась неподдельная тревога, — не в лучшую сторону.

— Но откуда? Не понимаю... — Люцифер нахмурился, его пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Он не мог оторвать взгляда от экрана, где тьма вокруг планеты продолжала сгущаться.

— И я тоже не понимаю. Мы с Михаилом прошли очень много систем, — Создатель провёл рукой по лицу, будто стряхивая усталость. — Да-да, с Михаилом, — подтвердил он, поймав укоризненный взгляд Люцифера. — Я... — он глубоко выдохнул, на мгновение прикрыв глаза, — не стал привлекать тебя с одной единственной целью — уберечь тебя от происходящего. Ты понёсся бы всё узнавать сломя голову: что и как, — что, как ты уже понял, было бы не к месту.

— Да... Почему ты так думаешь? Если бы ты всё объяснил... — его негодованию не было предела.

В голосе Люцифера прозвучала горечь, а в глазах вспыхнул огонёк обиды.

— Если бы я всё объяснил ранее, ты уже купался бы в этой темноте, пытаясь справиться в одиночку, как... — он кинул взгляд на дверь, и в его глазах мелькнула тень боли, — та самая дива.

Чувствуя холодность в словах отца, Люцифер замолчал. Его внутреннее чутьё буквально кричало, заставляя его молчать. Пока — молчать. Он сжал челюсти, пытаясь унять бурю эмоций внутри.

— Вы два сапога пара, — не унимался отец, но его голос уже звучал мягче. — Созданные из огня самой Вселенной, таким же огнём и остаётесь. — Он сделал паузу, внимательно глядя на сына. — Я не имел права кем-то из вас рисковать. А тьма, — сбавил тон отец, и в его голосе зазвучала тревога, — распространяется как вирус.

— Вирус? — переспросил Люцифер, вскинув брови. Он обернулся к отцу, в его глазах читалось искреннее недоумение. — Почему ты так решил?

— Очень быстро распространяется. Смотри, — Создатель сделал несколько кликов, и на экране появились графики, показывающие стремительный рост тёмной области. — Видишь? За последние три цикла она увеличилась в семь раз.

— Да, очень, — Люцифер склонился ближе к экрану, его глаза расширились от осознания масштабов угрозы.

— Причём нет его источника. Мы не обнаружили источник. Хотя на Землю он попал извне.

— Хм... — Люцифер приподнял бровь, его взгляд стал пронзительным. — Что значит «извне»? Он не мог взяться из ниоткуда.

— Не мог. Ты прав, сын мой, — Создатель слегка улыбнулся, и в этой улыбке промелькнула гордость за сообразительность сына. — Как видишь, факты остаются фактами. И это не антиматерия, — заключил он, перехватив жест Люцифера, который уже собирался возразить.

Люцифер в два клика увеличил границу Вселенной, просмотрел её по контуру и развернул от себя в обратную сторону. Его пальцы дрожали от напряжения, но движения оставались точными.

— Антиматерия другая, — произнёс он задумчиво, вглядываясь в данные на экране.

— Да, отец, похоже, ты прав. Она плотнее, а это легче и всё проникающее, — Люцифер провёл рукой по волосам, пытаясь упорядочить мысли.

— Вот! Ты тоже это заметил, — Создатель был удовлетворён такими выводами.

В его глазах засветилась искорка радости, и он слегка похлопал сына по плечу.

— Ты сказал, — Люцифер просматривал планету, увеличивая метр за метром, пока его взору не открылось внутреннее ядро планеты. Его глаза расширились, а дыхание участилось. — На Землю вирус попал извне? Как? По воздуху?

— И да, и нет, — отец покачал головой, его лицо стало серьёзным.

— Обоснуй! — в голосе Люцифера зазвучали требовательные нотки.

Он выпрямился, глядя прямо в глаза отцу.

— Мы сами толком не понимаем, — Создатель вздохнул, его плечи слегка опустились. — Есть что-то, что проникло в материю планеты и оставило в ней свой след. Что-то древнее, чуждое...

— То есть... поселило вирус? — Люцифер сделал шаг вперёд, его голос дрожал от напряжения.

— Да. Это что-то принесло его на Землю.

— А...

— Мы не знаем, когда, — перебил его отец, и в его голосе прозвучала усталость веков. — В том-то и дело. Мы не знаем, когда это случилось. Может, давно, а может, недавно, — Бог развёл руками, и в этом жесте читалась беспомощность. — Как ни парадоксально это звучит, но я, создатель этой Вселенной, не знаю истории появления этого творения. Не моего творения, — он опустил голову, и на мгновение показался не всемогущим Творцом, а просто обеспокоенным отцом.

— Ваши прогнозы: насколько вирус опасен? — голос Люцифера прозвучал напряжённо, в нём читалось сдерживаемое беспокойство.

Он невольно сжал кулаки, ожидая ответа.

— Михаил назвал его вирусом разделения.

— Вирус разделения?! — воскликнул Люцифер, резко выпрямившись. Его глаза расширились от удивления, а брови взметнулись вверх. — Да что это вообще значит?!

— Да.

— Вирус, который заставит любые клетки распасться на части? — в голосе Люцифера зазвучала тревога.

Он сделал шаг вперёд, словно пытаясь разглядеть в словах отца больше информации.

— То есть...

— То есть клетка решит, что сама может существовать без организма, — твёрдо произнёс Создатель, глядя сыну прямо в глаза. — В его голосе звучала тяжесть осознания.

— Пока этот вирус действует на сознание человека. И, наверное, не только человека. Смотри... — Создатель сделал жест рукой, и камеры вывели на экран происходящее в поселении людей.

Люцифер взгляделся, но не видел ничего особенного — и это только усиливало его тревогу. Все были довольны и счастливы. Каждый занимался делом по душе, приносящим благо и себе, и сообществу. Дети играли в песке, строя замки, их смех доносился даже через экран. Но что-то было не так... Люцифер перевёл взгляд на отца, в его глазах читалось замешательство.

— Так что же здесь не так?! — его голос прозвучал чуть громче, почти срываясь на крик от напряжения.

— Ты на глаза их посмотри, — мягко сказал отец, увеличивая некоторые кадры. Его тон стал почти вкрадчивым, но в нём чувствовалась тревога. — Лица счастливые, а глаза...

Люцифер снова взгляделся в экран. Его дыхание участилось, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

— Глаза, не выражающие доброты, — задумчиво произнёс Люцифер.

Его голос звучал глухо, будто он сам не до конца верил в то, что видит.

— Смотрящие в пустоту, я бы сказал, — добавил Создатель, и в его голосе прозвучала глубокая печаль.

— Возможно, ты и прав, — согласился после долгого молчания юноша.

Он провёл рукой по лицу, пытаясь осознать увиденное. Внутри него нарастало неприятное чувство тревоги.

— Стрелы и лук Денницы дал я, — продолжил Создатель, слегка понизив голос. — Да, — добавил он, увидев во взгляде сына протест и недоумение. — Михаил мне это рассказал и показал.

— Она что-то видит?! — Люцифер резко обернулся к отцу, его глаза сверкнули.

В груди закипала смесь тревоги и гнева.

— Ну, ты же знаешь сестру: она умеет не только видеть, но и слышать, — отец слегка улыбнулся, но улыбка вышла грустной.

— Значит... — начал Люцифер, но отец остановил его, подняв руку.

— Тень. За твоими плечами была тень, — произнёс Создатель тихо, но отчётливо.

— Ты разговаривал с ней?! — удивился тот, отступая на шаг. Его глаза расширились, а голос дрогнул. — Когда?

— Нет. С ней разговор не получился, как ты уже видел. Михаил показал записи с камер, — Создатель вздохнул, и в этом вздохе прозвучала усталость.

— Если бы я не упал... — прошептал Люцифер, опустив голову.

В его голосе слышалось раскаяние.

— А всё было сделано, чтобы ты не упал. Вернее, чтобы стрела не попала в тебя. Никто не виноват, что ты потерял равновесие, — отец подошёл ближе и положил руку на плечо сына. Его прикосновение было тёплым и успокаивающим.

— Значит, — усмехнулся Люцифер, но в этой усмешке не было веселья, только горечь, — Кабо сделала это по её приказу?!

— Да. Именно так.

— Надо же, а мне ничего так и не сказала, — Люцифер сжал губы, в его взгляде мелькнула обида.

— А что она тебе скажет? «Извини, я выстрелила в тень у тебя за спиной?» — Создатель слегка наклонил голову, его голос звучал мягко, почти сочувственно.

Люцифер недоверчиво посмотрел на отца. В его глазах читались сомнения, обида и одновременно — отчаянное желание понять, что происходит во всём этом запутанном мире. Он глубоко вздохнул, пытаясь унять бурю эмоций внутри.

— И что ты от меня хочешь?! — голос Люцифера прозвучал резко, почти срываясь на крик. Он сжал кулаки, чувствуя, как внутри закипает возмущение. — Какова моя роль во всём этом?

— Присмотреть за ней... — спокойно ответил Создатель, но в его взгляде читалась твёрдая решимость.

— Ты шутишь?! — Люцифер отступил на шаг, широко раскрыв глаза от изумления. — Да я — за ней?! Хочешь, чтобы следующие стрелы полетели в меня?! — он нервно хохотнул, но в этом смехе не было веселья. — Хм... Тень... — его голос затих, а взгляд устремился куда-то вдаль, словно он заново переживал тот момент.

— Перестань, — твёрдо осек его отец, слегка повысив голос. — Твой сарказм неуместен сейчас.

— Да, но, отец!.. — Люцифер сделал шаг вперёд, его голос дрожал от негодования.

— Я понимаю твоё возмущение, — Создатель слегка смягчил тон, но взгляд оставался непреклонным. — Знаю, что к хорошему это не приведёт.

Люцифер развёл руками, его плечи опустились, а лицо исказила гримаса досады:

— И... — он замолчал, не зная, что ещё сказать.

— Ну ты же умный мальчик, — заключил отец, и в его голосе прозвучала нотка отеческой теплоты. — Придумай что-нибудь.

Воцарилось тягостное молчание. В комнате повисла тяжёлая атмосфера — Люцифер ощущал её почти физически, словно невидимую стену между ним и отцом.

Возмущение Люцифера не знало предела. Нет, он ничего не имел против сестры, но следить за ней... Он, как никто другой, представлял, какая реакция может последовать и какие события развернуться. В груди закипала смесь обиды и раздражения, а в висках начало пульсировать.

— Придумай что-нибудь! — проворчал он, нервно проводя рукой по волосам. — Хм... Придумаешь тут, с таким потенциалом сопротивления жизни, — его голос звучал горько, почти обречённо.

— Да. Установи наблюдение негласно, — нарушил его размышления отец.

Его тон снова стал деловым, без лишних эмоций.

— Как это? Негласно? — Люцифер передёрнул плечами, его лицо исказилось гримасой недоумения.

Он сделал несколько шагов по комнате, пытаясь осмыслить сказанное.

— Михаил осваивает новый проект.

Люцифер усмехнулся, приподняв бровь, и скрестил руки на груди.

— Да-да, новый проект, — продолжил отец, невзирая на протестующий вид сына. — По внедрению аватара среди людей.

— Ангелов уже недостаточно?! — голос Люцифера снова зазвучал резко. — Они у Михаила уже закончились?! — он вскинул руки в жесте отчаяния.

— Ты зря паясничаешь, — упрёкнул его отец, и в его взгляде мелькнуло разочарование. — Я могу понять твою сестру. Она выросла в другой среде, и многие наши правила ей незнакомы. Но ты-то знаешь, чем мы здесь все занимаемся.

— Я не могу понять, зачем нужны аватары? — Люцифер опустил голову, стараясь унять раздражение.

Несмотря на всю любовь к отцу, слушать его объяснения было утомительно, и он чувствовал, как усталость накатывает волнами.

— Во-первых, мы не можем подвергать опасности ни их, ни людей, — Создатель сделал паузу, внимательно глядя на сына. — Я не знаю, насколько вирус опасен. А ты сам знаешь: силы человека и ангела отличаются. А что, если вирус вызывает противоположные качества — не любовь и нежность, а агрессию — и приведёт к противостоянию двух кланов друг с другом? Сам, думаю, знаешь, чем всё может закончиться. Поэтому мы постепенно отзываем всех ангелов, создавая их аватары по образу и подобию. Они будут идентичны, и часть сознания будет загружена в них.

— А второе?! — Люцифер поднял взгляд, в нём читалось напряжение и ожидание.

— А второе... — Создатель сделал долгую паузу, словно взвешивая каждое слово. — Второе — мир уплотняется. И им и так придётся уйти.

— Уплотняется? Из-за вируса?! — Люцифер подался вперёд, его глаза расширились от тревоги.

— Да. Думаю, да. С его появлением материя жизни на планете стала меняться. Она стала плотнее и жёстче. Так что, думаю, дело в нём. Поговори с Михаилом, — продолжил он после недолгой паузы. — В его команде по данному проекту работает юноша по имени Андрей. Говорят, он мастер в этом деле. Он тебе поможет. Не уходи на Землю сам. Сделай того, кто будет твоими ушами и глазами.

— Хорошо, — наконец-то сдался Люцифер. Его плечи опустились, но в глубине души вспыхнул слабый огонёк любопытства. — Хорошо, — повторил он уже твёрже.

Ему было интересно, что из всего этого получится. Новый проект, новое дело, новые открытия... Он глубоко вдохнул, пытаясь унять волнение, и расправил плечи, готовясь к предстоящим испытаниям.

— Мне нужно знать, — не унимался Бог, и его голос звучал глухо, но твёрдо, словно отдавал приказ самой судьбе, — о каждом её шаге: где она, с кем и чем занимается. Мне нужно знать, что происходит среди людей от А до Я. — Он сделал короткую паузу, и в этой тишине Люцифер ощутил тяжесть грядущих событий. — Если... это то, о чём я думаю, мы должны среагировать вовремя, иначе всё пойдёт по другому сценарию. Не очень хорошему — как для нас, так и для людей.

Бог произнёс последние слова чуть тише, но от этого они прозвучали ещё весомее. Его взгляд, устремлённый на сына, был тяжёлым, почти давящим — в нём читалась не только власть, но и тревога, которую Создатель пытался скрыть.

Не произнося ни слова, Люцифер кивнул головой, выражая своё согласие. Но этот кивок дался ему нелегко: мышцы шеи напряглись, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Он заставил себя поднять взгляд и встретиться глазами с отцом — в этот момент он словно принял на себя невидимый груз.

В его душе роилось сомнение: правильно ли он поступает? Внутри всё протестовало — ему казалось, что он вот-вот предаёт сестру, хотя умом он понимал: отец не стал бы требовать этого без веской причины. В груди разливалась тяжесть, а в висках начала пульсировать кровь.

Он глубоко вдохнул, пытаясь унять бурю эмоций внутри. Перед глазами промелькнули образы: Денница, смеющаяся, свободная, непокорная... И одновременно — картины возможного будущего, мрачные и тревожные, которые описывал отец.

«А если он прав? Если это действительно угроза? Тогда любое промедление может стоить слишком дорого...» — пронеслось в голове Люцифера.

Но попробовать стоило. Он сжал зубы, стараясь подавить внутренний протест. В конце концов, он был не просто братом — он был ангелом, частью системы, ответственной за равновесие мира. И если для его сохранения требовалось пойти на такой шаг...

Игра стоила свеч. Эта мысль прозвучала в его сознании не как оправдание, а как горькая необходимость. Люцифер расправил плечи, стараясь выглядеть уверенным, хотя внутри всё ещё клокотала буря противоречивых чувств.

Глава 3. Сердце океана.

Левиафан нежился на солнышке, впрочем, как и всегда. Тёплые лучи ласкали его чешую, даря блаженное ощущение покоя. Он погрузил всё своё огромное тело в океан, оставив на поверхности лишь голову. Место выбрал тихое, глубокое — такое, где ни людей он не побеспокоит, ни люди его.

Его голова едва касалась поверхности. Он любовался своими разноцветными кольцами — сам с собой, своим телом, играющими кольцами солнечного света. Каждая чешуйка переливалась всеми оттенками синего и зелёного, отражая блики, словно драгоценные камни.

Он то прятал своё змеевидное тело в толще воды, то выставлял его напоказ, наслаждаясь собственной мощью. Опасаться было некого. Место было безлюдным: сюда даже рыба не всегда заплывала. Поэтому играть с солнечным светом, отражая его от своей чешуи, можно было вечно — пока самому не надоест.

А ему и не надоест. Он был прекрасен в своём грациозном величии. Гордая осанка, плавные движения — он чувствовал себя истинным властелином этих вод.

Он так увлёкся любованием собой, что не сразу увидел падающее тело. Всплеск воды и фонтан брызг привели его в чувство — резко, будто кто-то дёрнул за хвост. Сердце на мгновение замерло, а затем забилось чаще.

Левиафан не видел, кто именно упал. Но он увидел, как этот кто-то стрелой полетел под воду, оставляя за собой розовый свет — странный, неестественный, тревожный.

— Не понял! — его голос прозвучал низко и хрипло, выдавая удивление.

— Что?! — повторил он уже громче, с ноткой тревоги.

Он поднялся над водой. Левиафан, вытягиваясь в полный рост, не отрывал взгляда от стремительно удаляющейся от него точки под водой. Его глаза сузились, зрачки расширились — он пытался понять, что происходит.

Океан взбудоражился. Вся толща воды всколыхнулась от чужого присутствия, словно сама стихия возмутилась вторжением.

— Что происходит?! — выдавил задумчиво Левиафан. Его голос дрогнул, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Он почувствовал, как вода нагревается. Покрывающие его тело чешуйки растопырились в стороны, словно пытаясь защититься. Казалось, ещё немного — и они отпадут от тела. По спине пробежала волна мурашек — не от холода, а от предчувствия чего-то необычного.

Маленькая рыбёшка выпрыгнула из воды и ударила его в брюхо. За ней посыпались тысячи таких же — они метались вокруг, словно обезумевшие. И, наконец, всплыли киты. Их огромные тела медленно поднимались из глубины, создавая волны и водовороты. Океан закипал...

— Так, СТОП! — прокричал змей, и его голос эхом разнёсся над водой. В нём звучала властность, но и нотка растерянности.

В этот момент он расслабил своё тело и плашмя упал в воду, поднимая столб брызг и пены. Вода вокруг него забурилась, а воздух наполнился запахом соли и чего-то неведомого. Надо было во что бы то ни стало найти возмутителя спокойствия — того, кто взбаламутил океан.

Расправив всё своё тело, Левиафан заполнил собой весь океан. Он ощущал каждую волну, каждое движение воды. Его сердце билось в унисон с ритмом стихии.

Он двигался вниз под водой, считай, что у самого дна. Так было легче вычислить обидчика. Мышцы напрягались с каждым гребком, а дыхание становилось глубже. И он увидел его — в толще, в самой гуще поднявшейся со дна пыли с примесью морского пепла. Силуэт был размыт, но явно двигался с какой-то целью.

Левиафан устремился к нему вверх, преграждая путь. Его движения были резкими, но точными — он не собирался упускать незнакомца.

Этот кто-то также взял курс наверх, не сбавляя скорости. Его силуэт мелькал в облаке взвеси, то появляясь, то исчезая.

Левиафан не сдавался. Он мог подниматься бесконечно долго — хоть до чертогов самого отца, создателя вселенной. В груди закипала смесь азарта и решимости. «Кто бы ты ни был, — мысленно произнёс он, — я узнаю, что ты здесь делаешь!»

Преодолев порог страха, всадник остановился, тяжело дыша. Его мышцы дрожали от напряжения, а крылья едва удерживали его в воздухе.

— О-о-о! — выдавил Левиафан, осознавая, кто перед ним.

Его глаза расширились от удивления, а брови невольно приподнялись. В груди что-то ёкнуло — он не ожидал увидеть её здесь, в такой ситуации.

Дракон запыхался, с пеной у рта судорожно хватал воздух. Он повис на мгновение — но силы вот-вот должны были покинуть его. Его крылья безвольно опустились, а хвост слабо шевелился в воде, будто пытаясь найти опору.

Денница была явно чем-то встревожена. Даже очень, как отметил Левиафан. Он не мог не заметить её взъерошенный вид: волосы прилипли к лицу, одежда была местами помята, нервное дыхание вырывалось прерывистыми вздохами, а взгляд, помутневший от злости, метался из стороны в сторону.

Дракон фыркал, выражая недовольство и растерянность одновременно. Из его ноздрей вырывались клубы пара, а глаза беспокойно бегали. Он понимал: прояви он сейчас настойчивость — девушка не сдастся никогда. Левиафан понял это по её глазам: в них читалась упрямая решимость, почти вызов.

И тут дракон осел от бессилия. Его тело обмякло, крылья безвольно сложились, и он медленно скрылся под водой, оставив после себя лишь круги на поверхности.

Но через некоторое время Денница и дракон всплыли на поверхность, жадно хватая воздух. Рядом, из глубины океана, с величественным спокойствием поднялась огромная черепаха.

Её панцирь блестел в лучах солнца, словно древний артефакт. На её спине стоял Левиафан в человеческом обличье — высокий, стройный, с серьёзным, но не лишённым теплоты взглядом.

— Ты успокоилась? — мягко спросил он, протягивая ей руку для помощи. В его голосе звучала искренняя забота, а в глазах — лёгкая тревога.

Девушка держалась за край панциря, её пальцы побелели от напряжения. Она недоверчиво посмотрела на широкую мужскую ладонь, потом — в глаза наклонившегося перед ней человека. В её взгляде читалась смесь благодарности и настороженности.

— Как тебе удаётся, — выдавила она сквозь зубы, хватаясь за край панциря, — так быстро менять образ?

В её голосе слышалась не только досада, но и неподдельное любопытство.

— Таким меня создал Бог, — ответил он с лёгкой улыбкой, хватая девушку за руку и, не дожидаясь её согласия, вытянул на поверхность. — Иди сюда, — добавил он уже мягче, поддерживая её, чтобы она не потеряла равновесие.

Ощувив под ногами твёрдую поверхность, девушка отстранилась от своего спасителя. Она сделала глубокий вдох, выдохнула и расправила плечи. Она уже дышала ровнее, спокойнее — блеск молний в глазах угас, сменившись усталостью и облегчением.

«Страсти улеглись», — отметил про себя Левиафан, наблюдая за ней. В груди разливалась тёплая волна облегчения.

«Ну и характер!» — по его спине пробежала небольшая дрожь, но это была не дрожь страха, а скорее восхищение силой её духа.

— Фурия! — воскликнул Левиафан с улыбкой, в которой смешались нежность и лёгкая насмешка.

Он жестом предложил ей сесть, мягко указав на место рядом с собой. Не говоря ни слова, Денница сняла обувь и вылила из неё воду. Её движения были резкими, но в них чувствовалась усталость.

— Поговорить хочешь? — осторожно спросил Левиафан.

Его голос звучал тише обычного, почти шёпотом, словно он боялся спугнуть её. Он уселся чуть позади неё, чтобы не вызывать раздражения своим присутствием. Его поза была открытой, но ненавязчивой — руки расслабленно лежали на коленях, а взгляд был направлен вперёд, давая ей пространство.

В знак протеста девушка шмыгнула носом. Она поставила обувь рядом, положила руки на колени, едва удостоив Левиафана взглядом. Её плечи были напряжены, а пальцы слегка подрагивали.

А он решил подождать. Молча, терпеливо, давая ей время прийти в себя. Его сердце билось ровно, но внутри он чувствовал странное волнение — смесь тревоги и надежды.

— Ты понимаешь свою силу, которая заложена в тебе? — осторожно начал он, чуть подсаживаясь ближе, о чём сразу же пожалел. Он заметил, как она невольно напряглась, и поспешил добавить: — Я не хочу тебя пугать или давить. Просто... просто мне важно, чтобы ты осознавала, на что способна.

— Конечно, понимаю! — резко перебила его она, разворачиваясь на 180 градусов прямо на своей пятой точке. Её голос прозвучал резко, почти яростно, а глаза сверкнули вызовом. — Все только мне об этом и говорят: «О-о-о! А ты понимаешь то, а ты понимаешь это?» — передразнила она кого-то, скривив губы. — А меня кто-нибудь спросил, чего я хочу? — в её голосе прорвалась горечь, почти обида, накопившаяся за долгое время.

Она села так близко, что Левиафан слышал биение её сердца — частое, неровное, как у загнанного зверя. Такая близость его не устраивала: он невольно напрягся, мышцы шеи слегка затвердели. От неё исходило сейчас столько энергии, что, если бы она захотела подавить этот мир, сделать это не составило бы труда.

Весь мир! А что уж говорить о нём, Левиафане! Он ощутил, как по спине пробежал холодок — не страха, а скорее благоговейного трепета перед этой необузданной силой.

Он попытался отсесть, но под пристальным наблюдением карих, почти чёрных глаз не смог двинуться с места. Её взгляд будто пригвоздил его к земле — глубокий, пронзительный, полный невысказанной боли и гнева.

— А чего ты хочешь? — ещё осторожнее спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но в нём всё равно проскользнула нотка искреннего интереса.

— Ничего, — дерзко бросила она, отворачиваясь от него и занимая своё прежнее положение. Её плечи напряглись, а пальцы непроизвольно сжали ткань одежды.

Левиафан вздохнул с облегчением — выдох получился долгим, почти неслышным, но внутри он почувствовал, как напряжение понемногу отпускает.

— Отец? — чуть слышно вставил он, понизив голос почти до шёпота.

Девушка согласно кивнула, не поднимая глаз. Её лицо на мгновение смягчилось, но тут же снова стало замкнутым.

— Почему ангелам нельзя падать? — бросила она через плечо, и в этом вопросе прозвучала не просто любознательность, а глубокая, затаённая тревога.

— Так вот в чём дело! — Левиафан сел к ней ещё ближе.

Теперь они находились на одном уровне, и он смог разглядеть мельчайшие детали её лица: лёгкую дрожь ресниц, едва заметную морщинку между бровей. В его взгляде появилось понимание, почти отцовская забота.

— Я готов сказать тебе. Только при условии, что ты будешь слушать, — добавил он, внимательно следя за её реакцией.

— Не перебивая, — уточнил Левиафан, слегка наклонив голову и мягко улыбнувшись, пытаясь разрядить обстановку.

— Хорошо, — небрежно бросила она. — Слушаюсь и повинуюсь, — в её тоне сквозила ирония, но в глазах мелькнуло что-то ещё — любопытство, смешанное с надеждой.

— Видишь, в чём суть, дитя моё, — начал Левиафан уже мягче, почти по-отечески. Он сделал небольшую паузу, подбирая слова. — Когда ангел падает в портал времени, он может разбиться на фракталы. Я даже не знаю, с чем тебе сравнить... — он на мгновение замолчал, подыскивая образ. — Как разбитое стекло — и собрать его очень сложно потом. Если быть честным, практически невозможно. — Его голос стал тише, серьезнее. — Причём разбивается не только он, но и его сознание. Оно теряется среди материи вселенной. Из него потом даже эфир не получить, не говоря уже о самом ангеле. Точка его сборки теряется во фракталах небесной структуры. Для ангела любое падение во фрактал другой мерности и плотности — смерти подобно.

В его словах звучала неподдельная печаль, будто он вспоминал что-то давнее и болезненное. Он внимательно следил за реакцией Денницы, отмечая, как её лицо постепенно теряет насмешливое выражение и становится всё более задумчивым.

— Но я не ангел, и... — начала она, и в её голосе впервые прозвучала неуверенность, почти уязвимость.

— Да, — перебил её Левиафан мягко, но твёрдо. — Ты и Люцифер — не ангелы, но и не люди. Вы у нас — полубоги-полулюди. И никто не знает, к каким последствиям для вас это чревато. — Он сделал паузу, давая ей осознать сказанное. — Вы остались живы по одной простой причине: поверхность, на которую вы упали, была водной. Вода может всё: исцелить и может убить. Будь то земная суша — вас было бы не собрать. И ты сейчас со мной не сидела бы и не спорила.

Его голос звучал спокойно, но в глубине глаз читалась тревога за неё — не как за строптивую девушку, а как за кого-то близкого, кому грозит неведомая опасность.

— Такое уже было? — не сдавалась Денница, её голос звучал настойчиво, почти требовательно. — Откуда такие данные?

Левиафан улыбнулся — не насмешливо, а с тёплой, чуть усталой нежностью. Истинная сестра своего брата: та же несдержанность и горячность, тот же огонь в глазах, что когда-то горел и в Люцифере.

«Молодость — глупость», — подумал он, но без осуждения, скорее с лёгкой ностальгией. В глубине души он даже восхищался этой неукротимой энергией.

Он только с её появлением стал более-менее медлительным и рассудительным — будто её вихрь заставил его замедлиться, присмотреться к миру внимательнее.

— Да, Рада, такие опыты проводились, — ответил он, и в его голосе прозвучала тень грусти, будто он вспоминал что-то тяжёлое.

— Нет, но подожди: а если ангел преодолевает портал? — не унималась она, подавшись вперёд. В её глазах вспыхнул огонёк любопытства, смешанного с вызовом.

— Преодолевать и падать — два разных действия, — терпеливо объяснил Левиафан, стараясь донести до неё суть. — Преодолевает он осознанно, и мысленно он рисует себе путь. И опять же — преодолевает не прыгая в бездну, а с помощью... — Он перевёл взгляд на отдыхающего на поверхности воды дракона. Его голос стал тише, задумчивее, словно он делился не просто информацией, а сокровенным знанием.

— Возможно, и так, — согласилась девушка, тяжело вздохнув.

Её плечи опустились, а взгляд стал рассеянным — видно было, что она переваривает услышанное.

Воцарилось молчание. Воздух между ними будто сгустился, наполнившись невысказанными мыслями.

— Получается, — она взглянула на Левиафана, и в её глазах мелькнуло что-то новое — не упрямство, а искреннее раскаяние, — я зря вспылила.

Не зная, что ответить, он развёл руками — жест получился не беспомощным, а скорее понимающим, примиряющим.

— Не переживай, — слегка толкнул он её плечом, и в этом движении была дружеская поддержка. — Люцифер не такое вытворял в своё время. Он только с появлением тебя поспокойнел.

Денница криво усмехнулась, но в этой усмешке уже не было прежней горечи — лишь лёгкая ирония над собой.

— Ответственность появилась, — заключил Левиафан, разводя руками. — На пользу пошла ответственность. Думаю, несмотря на ссору, ты можешь всё равно вернуться домой.

В его голосе звучала искренняя забота, почти отеческая.

— Нет, — твёрдо заявила она, и в голосе зазвучала стальная решимость. — Домой я не вернусь: ни на небо, — она посмотрела вверх, и в её взгляде промелькнула тоска, — ни на землю, — добавила девушка, посмотрев в сторону, и в этом жесте читалась непримиримость.

На минуту Левиафан растерялся. Его брови слегка приподнялись, а в глазах отразилась смесь удивления и тревоги. Он не ожидал такой категоричности.

— А знаешь что? — спохватился он после долгих раздумий, и в его глазах вспыхнула идея. — А давай я покажу тебе свои владения!

В голосе зазвучал энтузиазм, он словно хотел подарить ей что-то волшебное, чтобы развеять мрачные мысли.

— А давай, — согласилась она и тут же пожалела о сказанном.

Её глаза на мгновение расширились, а губы сжались — она поняла, что поддалась порыву. Левиафан резко наклонил её к себе, надев на лицо прозрачную маску из мягкого материала. Девушка попыталась вырваться — её движения были резкими, инстинктивными, но в них не было настоящей агрессии.

— Дыши, — услышала она приглушённый голос Левиафана. В нём звучала уверенность, которая невольно передавалась ей.

Он переключил клапан у основания маски, и поток кислорода хлынул в её лёгкие. Денница сделала глубокий вдох — и на мгновение замерла, ощущая, как напряжение покидает тело, а на смену ему приходит странное чувство защищённости.

— Маску сотворил Люцифер, чтобы дышать в воде могли такие, как ты. Она расщепляет воду на кислород. Только дыши размеренно, — пояснил он, мягко улыбнувшись и слегка коснувшись её плеча в знак поддержки.

Не успел он это договорить, как черепаха начала своё погружение. Её массивное тело плавно скользнуло вниз, и Денница невольно схватилась за край панциря, её пальцы слегка задрожали.

— А ты тоже нет? — спросила девушка, отрицательно покачав головой и указывая на маску, которую также надел Левиафан.

В её голосе прозвучало искреннее любопытство, смешанное с лёгким недоумением.

— В человеческом обличье — нет, — подтвердил тот, его взгляд стал чуть мягче. — И когда спокоен. А сегодня я спокоен, — добавил он, и в его голосе прозвучала нотка уверенности, которая должна была успокоить спутницу.

Водный мир прекрасен в своём проявлении красоты, и равновесие этого мира ощущалось повсюду. Поначалу Деннице было немного не по себе — она невольно задержала дыхание, а сердце забилось чаще.

Она и раньше погружалась, но быстро и ненадолго. Почувствовав её волнение, Левиафан мягко накрыл её ладонь своей рукой и помог ей принять горизонтальное положение.

— Всё хорошо, — прошептал он. — Просто дыши и доверяй воде.

Черепаха погружалась медленно, плавно, словно несла на себе драгоценный груз. Денница постепенно расслабилась, её дыхание выровнялось, а глаза широко раскрылись от восхищения.

Солнечный свет проникал сюда не так, как на поверхности. Он пробивался через толщу воды, разделяясь на разные спектры — словно волшебная радуга, рассыпавшаяся на миллионы искр. Поверхность казалась прекрасной и чистой, будто далёкий, недостижимый мир.

Девушка подняла руку вверх. Она закрыла ладонью самый большой спектр света и раскрыла пальцы веером. Она всегда так смотрела на солнце там, на поверхности, и сейчас её губы невольно тронула улыбка — детская, искренняя, полная восторга.

Ей очень нравилось наблюдать за тем, как солнечные лучи разбиваются на спектры: синий, фиолетовый, голубой, красный — и как светится при этом её рука с просвечивающими капиллярами. Она на мгновение залюбовалась этим зрелищем, забыв обо всём на свете.

Фосфоресцирующее свечение её кожи... Здесь, в подводном мире, всё происходило примерно так же, только немного приглушённо. Но от этого зрелище становилось ещё более загадочным, почти магическим.

Черепаха опускалась всё ниже и ниже, всё глубже и глубже. С глубиной полоса проникающего света меняла свою структуру: она расширялась сверху вниз, превращаясь в световой поток, который окутывал их, словно мягкое покрывало.

Они опустились достаточно глубоко — настолько, насколько позволяли выдержать давление воды и температура тела. Денница ощутила лёгкий холодок, пробежавший по спине, но он не пугал её, а лишь усиливал ощущение приключения.

Количество света стало уменьшаться. Левиафан увлёк девушку, заставив оторваться от спины черепахи и довериться воде. Он внимательно следил за её реакцией, готовый в любой момент прийти на помощь.

Он сразу понял, что отпускать её далеко от себя нельзя. В воздухе, на драконе, она вытворяла любые пируэты и брала любые высоты, а вот в воде, одна, без помощи, держаться не могла. Её движения стали неуверенными, а взгляд — растерянным.

Он пару раз отпустил её руку и понял, что делать так пока не стоит. Девушка терялась и начинала опускаться на дно. Её глаза расширились от тревоги, а дыхание участилось.

Левиафан тут же накрыл её ладонь своей рукой, заставляя успокоиться и замереть.

— Тише, — прошептал он, глядя ей прямо в глаза. — Всё под контролем. Просто расслабься и чувствуй воду. Она поддержит тебя.

Денница сделала глубокий вдох, затем выдохнула и кивнула. В её взгляде постепенно появилась уверенность, а на губах — едва заметная улыбка. Она доверилась ему, и это доверие словно создало между ними невидимую связь, объединившую их в этом удивительном подводном путешествии.

Он завис в толще воды, отдав себя во власть подводного течения. Его тело словно растворилось в стихии — он чувствовал каждое колебание, каждый завиток воды вокруг. Плавные движения поддерживали равновесие, а дыхание стало размеренным, почти медитативным.

Девушка повиновалась ему. Сначала её мышцы были напряжены, но постепенно она расслабилась.

Она перестала волноваться, перестала вообще думать. Мысли растаяли, как туман под утренним солнцем. Она отдалась власти водной стихии — полностью, безоговорочно. И тут она ощутила всю мощь океана, его освежающую, очищающую суть. Это было похоже на прикосновение чего-то древнего, мудрого, почти божественного.

Вода!

Обволакивающая со всех сторон, сковывающая движения — и в то же время оживляющая, наполняющая новой силой. Денница почувствовала, как каждая клеточка её тела откликается на этот контакт: напряжение покидало мышцы, а вместо тревоги пришло удивительное спокойствие.

Такого чувства комфорта Денница не испытывала никогда. Ей казалось, будто она вернулась домой — туда, где ей и место. Лёгкая улыбка тронула её губы, а глаза невольно закрылись от наслаждения.

Они купались в лучах света, пробивающегося через огромную толщу воды. Лучи играли вокруг, создавая причудливые узоры, словно волшебные нити, соединяющие небо и океан. Они наполнялись этим светом, этой энергией, дающей живительную силу всему живому на земле. Денница ощущала, как тепло проникает в неё, согревает изнутри, пробуждает что-то давно забытое.

Денница расслабилась окончательно. Её сознание расширилось, вышло за пределы тела. Она ментально увидела, как Левиафан подставил центр ладони под солнечный спектр — и через него пошёл поток энергии. Через все его части — сверху вниз, до самого низа, до самого дна, до самого сердца океана. Его фигура светилась изнутри мягким голубым светом, а вокруг него кружились мельчайшие частицы энергии, словно танцующие в невидимом ритме.

Спящий океан словно ждал этого призыва. Он слегка встрепенулся — не резко, а плавно, величественно, как пробуждающийся гигант. И дал обратный отклик в виде мощного столба света, который устремился вверх, пронзая толщу воды, словно луч маяка в ночи. Столб света пульсировал в такт невидимому ритму, окрашивая воду в оттенки бирюзы и аквамарина.

Наступила тишина — не просто отсутствие звуков, а глубокая, всеобъемлющая тишина, в которой можно было услышать саму вечность.

Денница слышала своё дыхание — ровное, спокойное — и биение сердца. Глухие удары отдавались в груди, создавая свой собственный ритм.

И тут...

Она услышала сердце самого океана — сердце, бьющееся с ней в такт. Сначала это был едва уловимый гул, затем он стал чётче, мощнее. Она не только услышала биение сердца этого могучего исполина, способного разметать в щепки целые континенты, но и почувствовала его вибрацию. Вибрация проникала в каждую клеточку организма при каждом ударе — не пугающая, а умиротворяющая, как колыбельная древнего мира. Денница ощутила, как её собственное сердце подстраивается под этот ритм, как её дыхание синхронизируется с дыханием океана.

По её телу пробежала волна тепла, а перед глазами вспыхнули образы: бескрайние водные просторы, подводные горы, светящиеся существа в глубинах... Она стала частью чего-то большего, чем сама.

Девушка не заметила, как Левиафан осторожно отпустил её руку. Она поднималась медленно, доверяясь нисходящему потоку и силе океана: то зависая в толще воды, то медленно двигаясь вверх. Её движения стали плавными, почти танцевальными — она больше не боролась с водой, а слилась с ней.

Когда она подняла глаза, то увидела, что Левиафан наблюдает за ней с мягкой улыбкой. В его взгляде читалось одобрение и что-то ещё — возможно, гордость или даже восхищение. Он кивнул ей, и она ответила едва заметным кивком, чувствуя, как внутри расцветает новое понимание: она действительно часть этого мира, и океан принял её.

Левиафан жил в племени народа цивилизации Тао.

Люди стихии воздуха, неба и земли — властители подводного мира. В этом сочетании стихий таилась их особая сила, их гордость, их тайна. Они чувствовали себя связующим звеном между мирами — и в этом ощущении была глубокая, почти священная радость.

Цивилизация нефилимов — древний народ, о котором слагались легенды и сказания. Их имя шепталось с благоговением и страхом, а истории о них передавались из уст в уста, обрастая новыми деталями, словно древний свиток, дополняемый поколениями.

Нефилимы включали в своей генной структуре код человека и код самого бога. Но что-то пошло не так... Эта мысль витала в воздухе, как тёмное облако, омрачающее судьбы целого народа.

Женщины племени долгое время не могли иметь детей. Боль и отчаяние царили в каждом доме. Матери, мечтавшие о потомстве, прятали слёзы, стараясь не показывать слабость, но в глазах их читалась безысходность.

Потомство нефилимов отличалось крупными размерами, и младенцы не могли появиться на свет естественным путём. Это была трагедия, передававшаяся из поколения в поколение, — проклятие, от которого не было спасения.

Более того, матери нефилимов не имели шанса пережить роды: они умирали от болевого шока ещё в начале родового процесса. Чтобы спасти ребёнка, знахари были вынуждены вскрыть живот матери. В эти мгновения в глазах знахарей читалась мука — они выполняли свой долг, но каждый раз это было как удар ножом в сердце.

С приходом Левиафана всё изменилось. Это событие вспоминали с благодарностью, почти с религиозным трепетом. Рада слышала несколько версий о появлении цивилизации Тао и, главное, о причинах пребывания Левиафана среди них.

Одни говорили о ссоре с отцом, после которой последнему было запрещено заходить в святую обитель — и ничего не оставалось, кроме как остановиться в первом попавшемся племени. В этой версии сквозила горечь, почти обида, будто Левиафан был изгнанником, вынужденным искать приют.

Другие утверждали, что сам Творец всех творцов ангельского мира поручил Левиафану решить проблему с деторождением у нефилимов. Смерть матерей во время родов не входила в планы Бога. В этой истории чувствовалась высокая миссия, предназначение, возложенное на плечи одного существа.

В то же время генный код людей Земли переписывался — из проекта «людин» в проект «человек». Этот процесс шёл незаметно для большинства, но те, кто знал, ощущали величие момента — словно перелистывалась страница огромной книги мироздания.

Люди Земли были созданы совершенно другой цивилизацией для освоения земного мира с целью выработки энергетического ресурса. Когда ресурс был исчерпан, цивилизация ушла, оставив людей на произвол судьбы. В этом факте читалась жестокая ирония судьбы: существа, созданные для определённой цели, вдруг оказались ненужными.

Обладая ограниченным умом и интеллектом, созданный народ начал вести себя подобно животным: проявлял агрессию и охотился друг на друга. В глазах людей застыла пустота, а в поступках — отчаяние. Они словно забыли, что когда-то были частью чего-то большего.

В результате долгих раздумий Творец принял решение исправить ситуацию. Опыта для создания человека у него было маловато, поскольку он имел представление только об ангельских сущностях. В его душе боролись сомнения и решимость — он понимал, что должен попробовать, хотя и не знал, получится ли.

Но привлечение нефилимов к решению проблемы дало свои плоды. В этот момент в сердцах нефилимов вспыхнула надежда — робкая, но светлая, как первый луч рассвета после долгой ночи.

Они вышли на песчаный берег. Левиафан поддерживал девушку за локоть — его прикосновение было лёгким, но уверенным, дарящим чувство защищённости. Довольные, они улыбались друг другу. В их улыбках читалась искренняя радость, облегчение после долгого пути, предвкушение чего-то нового.

Их встретила стройная девушка с чёрными глазами. Взгляд её был проницательным, изучающим — она словно пыталась прочесть в лицах гостей их намерения и мысли. Её чёрные волосы были собраны в пучок, локоны которого ниспадали вдоль спины до самых бёдер. В её осанке чувствовалась уверенность, но в то же время — настороженность, будто она оценивала, можно ли доверять этим незнакомцам.

На ней был чёрный топ с длинными рукавами и вырезами на плечах, а также такая же тёмная юбка. Ткань облегла фигуру, подчёркивая стройность, а в глазах незнакомки читалась смесь вызова и настороженности.

— Ты и есть Люциферит? — свысока спросила она, слегка приподняв подбородок и окинув Денницу оценивающим взглядом. — Наслышана о тебе, наслышана... — в её голосе прозвучала едва уловимая насмешка, а губы скривились в ироничной полуулыбке.

Она замолчала, смотря на девушку в упор — её взгляд был острым, словно клинок, и будто пытался проникнуть в самые глубины души. По её виду Денница поняла: разговор не склеится. В груди защемило от тревоги, а ладони невольно сжались в кулаки.

Она решила пока промолчать, чтобы спокойно оценить ситуацию и понять причину негативного восприятия. А в том, что её приняли негативно, девушка не сомневалась — это читалось в каждом движении незнакомки, в её напряжённой позе и холодном взгляде.

— Ты не похожа на Люцифера. Ты больше похожа на свою мать, — выдала она, и в её тоне проскользнула странная смесь ностальгии и горечи.

— Ты знала мою мать?! — воскликнула Денница, и сердце её забилось чаще.

В глазах вспыхнула искра надежды, смешанной с волнением. Она невольно сделала шаг вперёд, словно пытаясь ухватиться за эту ниточку прошлого.

— Где твой отец? — Левиафан старался перевести разговор в другое русло, мягко коснувшись плеча Денницы, словно напоминая ей о спокойствии.

— Там, — указала девушка жестом в сторону раскинувшейся на берегу деревеньки, — среди своего народа. Где же ему ещё быть? — в её словах прозвучала лёгкая усмешка, но за ней скрывалась какая-то затаённая боль.

— Ты зря провоцируешь эту девушку, — шепнул Левиафан на ухо Пари, и в его голосе прозвучала не просто предостережение, а искренняя забота.

— Да, и что она мне сделает? — не сдавалась Пари, вскинув голову и вызывая сверкнув глазами.

Её поза была напряжённой, а пальцы слегка подрагивали от сдерживаемых эмоций.

— Ты не представляешь, какая сила заключена в ней. Она может весь этот мир разрушить. И по мощности превосходит всех вас вместе взятых, — голос Левиафана звучал серьёзно, почти торжественно, и в нём чувствовалась глубокая уверенность.

— ...?! — Пари замерла, широко раскрыв глаза.

На мгновение маска вызова спала, обнажив искреннее изумление и даже страх.

— И не надо на меня права предъявлять. Ты знаешь, что вы все для меня — как сёстры, и не больше. Мы с тобой говорили об этом. Я не могу ни с кем из вас быть. И причину ты знаешь. Поэтому ревность твоя неуместна, — в голосе Левиафана прозвучала усталость, но в то же время твёрдость, не допускающая возражений.

— В деревне праздник? — Рада замедлила шаг и дождалась, пока Левиафан с ней поравняется.

В её голосе звучала лёгкая настороженность, но глаза искрились любопытством.

— Да, небольшой, — непринуждённо ответил он, и на его губах мелькнула улыбка.

— А по какому поводу?

— Не знаю, — пожал он плечами. — Сейчас узнаем.

В его тоне сквозило лёгкое веселье, словно он предвкушал что-то интересное.

Деревня нефилимов стояла полукругом, в виде подковы, открывая путь к океану. Волны мягко накатывали на берег, создавая успокаивающий ритм, а воздух был пропитан солью и свободой.

Это было и понятно, так как приход Левиафана всегда ожидали все. Жители деревни знали: когда он появляется, это значит, что грядут перемены — или хорошие вести, или важные решения. Такое расположение домов давало возможность видеть возвращение хозяина издалека. А в том, что Левиафан имел вес в этой деревне и последнее слово было за ним, девушка не сомневалась. Это чувствовалось в каждом взгляде, брошенном в его сторону, в почтительных поклонах, в тишине, которая наступала, когда он проходил мимо.

Дома нефилимов отличались от домов людей Земли: большие, просторные, с большими окнами, множеством комнат и веранд. Очень высокие, хотя все жилыцы дома могли рукой достать до потолка. Они были построены с размахом, словно отражая дух своего народа — величественного, свободного, связанного с силами природы. Тёплый солнечный свет проникал сквозь витражные стёкла, рассыпаясь цветными бликами по деревянным полам, а с веранд открывался потрясающий вид на океан.

В центре деревни раскинулась главная площадь — просторная, вымощенная гладкими камнями, отполированными ногами многих поколений. На ней во время праздников разводили огромный костёр: его пламя взмывало высоко в небо, озаряя лица собравшихся тёплым золотистым светом, а искры, словно светлячки, разлетались по округе, создавая волшебную атмосферу единения и радости.

В геномном коде нефилимов присутствовал код орионцев, который и наделял их высоким ростом и изящным, сильным телом. Это было заметно по каждому жителю деревни: их движения отличались особой грацией, осанка была прямой и горделивой, а взгляд — уверенным и спокойным, словно они с рождения знали о своей исключительности.

— Левиафан, друг мой, — поприветствовал их вождь племени, широко раскинув руки в дружеском жесте. Его лицо озарилось искренней улыбкой, а глаза заблестели неподдельной радостью. — Наконец-то ты вернулся! Мы уж начали волноваться.

В этот момент рядом с ними появилась молодая изящная женщина с чёрными глазами. Её лёгкие пальчики порхали по плечам Левиафана, заставляя последнего обернуться. По сияющей улыбке на его лице Рада поняла о близости между молодыми людьми — в этой улыбке читалась нежность, теплота давних отношений, что-то глубоко личное и сокровенное.

Он что-то шепнул на ухо своей избраннице — тихо, почти неслышно, но в его голосе прозвучала особая интонация, от которой щёки Таи покрылись лёгким румянцем. Она смущённо кивнула, опустив глаза, но уголки губ невольно приподнялись в счастливой улыбке.

— Тая покажет тебе твою комнату, — пояснил Левиафан госте, мягко коснувшись её плеча. — Ты же не планируешь уйти от нас прямо сейчас?

В его взгляде читалось искреннее желание удержать девушку рядом, поделиться теплом своего дома.

Девушка отрицательно кивнула в подтверждение его слов, хотя так и не поняла, спрашивал он её или утверждал. В душе у неё смешались чувства: благодарность за гостеприимство, лёгкая растерянность перед новым местом и едва уловимое волнение перед неизвестностью.

— Ну вот, — удовлетворённо кивнул Левиафан. — Если дома будет скучно, придёте к нам.

В его тоне звучала неподдельная забота, словно он говорил с младшей сестрой.

— Идём, — увлекла её за собой Тая, не дожидаясь повторного предложения. Её движения были лёгкими и стремительными, а в глазах читалось желание поскорее показать госте все прелести деревни.

— Левиафан, — вкрадчиво начал вождь, провожая женщин взглядом, — ты... кого к нам привёл?

В его голосе прозвучало неподдельное удивление, смешанное с настороженностью. Брови слегка сдвинулись, а пальцы непроизвольно сжали край одежды.

Левиафан улыбнулся, видя удивление в больших глазах вождя. В его улыбке читалась спокойная уверенность, даже лёгкая усмешка над волнением друга.

— Это же... — не унимался он, — Дениса. А... Нарык знает.

Вождь нервно провёл рукой по волосам, пытаясь осмыслить происходящее.

— Нет. Люцифер не в курсе... — спокойно ответил Левиафан, и в его голосе звучала твёрдость, не допускающая лишних вопросов.

— Ты говоришь об этом так спокойно... — вождь сделал шаг вперёд, в его взгляде читалось недоумение.

— Она тоже, — перехватил он укоризненный взгляд вождя, и в этом жесте была не только уверенность, но и намёк на давнее взаимопонимание между ними.

— А почему? Что за игры разума? — вождь слегка повысил голос, но тут же взял себя в руки, глубоко вдохнув.

— Она должна вспомнить сама, — твёрдо произнёс Левиафан, глядя собеседнику прямо в глаза.

В его взгляде была непоколебимая решимость.

— Ну да... Игры Михаила, — поймав на себе прямой взгляд собеседника, вождь продолжил, слегка расслабившись. — Вспомнить должна сама, тут ты, несомненно, прав.

В его словах прозвучало принятие, а на лице появилась улыбка — уже не настороженная, а понимающая. Левиафан посмотрел в след уходящим девушкам.

Они направились к высокому дому с резными окнами по вымощенной камнем тропинке. Камни под ногами были неровными, местами поросшими мхом, и слегка поскрипывали при каждом шаге. Воздух наполнял тонкий аромат цветущих трав и древесной смолы — где-то неподалёку росли старые сосны.

Дом располагался на достаточном расстоянии от входа в деревню, и, чтобы дойти до него, надо было пересечь всё поселение по периметру. По пути они миновали небольшие домики

с палисадниками: одни — скромные, с выгоревшей на солнце краской, другие — нарядные, украшенные резными наличниками и яркими клумбами. Из печных труб кое-где поднимался лёгкий дымок, а где-то слышался стук молотка — кто-то из жителей занимался починкой забора или крыльца.

С каждым шагом дом казался всё более внушительным. Он возвышался над остальными постройками, словно сторож, охранявший покой деревни. Высокие резные окна украшали затейливые узоры — завитки, листья, стилизованные изображения птиц. Казалось, мастер вложил в эту резьбу всю душу: каждая линия была выточена с любовью и терпением. Стены дома, сложенные из толстых брёвен, хранили следы времени — местами кора потемнела, но это лишь придавало строению благородства.

Тропинка слегка поднималась вверх, и с каждой ступенью открывался новый вид на деревню: крыши домов, утопающие в зелени, плетёные изгороди, тропинки, убегающие в сторону леса. Где-то вдалеке залиристо лаяла собака, а в ответ ей раздавалось квохтанье кур.

Рада шла по деревне Нифелимов, с любопытством разглядывая всё вокруг, и мысленно отмечала удивительные детали.

«Какое необычное место! — думала она. — Вот оно, сердце деревни — Площадь Круга Стихий. В самом центре возвышается древний обелиск, на нём чётко видны символы семи стихий. А вокруг — мозаичный круг из семи концентрических колец, и каждое окрашено в свой цвет: огненно-красный, глубокий синий, землисто-коричневый, прозрачный голубой, ослепительно-белый, сумрачно-чёрный и сияюще-серебряный. Наверное, здесь и правда проходят все важные события — турниры, праздники, собрания старейшин. Атмосфера какая-то торжественная, почти священная».

Её взгляд упал на постоянно горящий Костёр Единства. «Пламя и правда меняет цвет! Сейчас оно золотистое — значит, в деревне царит спокойствие. Интересно, а когда здесь тревога, оно становится багровым? А если радость — радужным? И как это возможно, что огонь подпитывается энергией всех жителей? Магия, чистая магия!»

Рядом с площадью высился Дом Старейшин — самое высокое здание в деревне. «Построен на естественном возвышении, чтобы все могли его видеть издалека, — отметила Рада. — Стены украшены фресками: на них изображены подвиги первых нифелимов. Наверняка каждая сцена — это целая история. А внутри, наверное, хранятся древние свитки и артефакты, полные мудрости веков».

Неподалёку виднелась Школа Стихий. «Вот где дети с 12 лет обучаются управлению своей магической силой, — подумала Рада. — Семь павильонов — по одному на каждую стихию. Во дворе — тренировочная площадка с зачарованными мишенями. Вижу, как несколько подростков отрабатывают движения: один создаёт маленький вихрь, другой пытается поднять камешек силой мысли. Как же это захватывающе — учиться владеть собственной стихией!»

Взгляд Рады переместился к лесу. У самого входа в него вырублен в монолитной скале Храм Предков. «Такое древнее сооружение! Внутри должен находиться Камень Предков — огромный монолит с высеченными рунами. Представляю, как раз в месяц старейшины проводят здесь ритуал почитания духов — наверняка это очень торжественное действо».

Прогуливаясь дальше, Рада обратила внимание на мастерские и лавки. «Кузница, где создают зачарованное оружие — вон там слышен звон молота. Рядом — ткацкая мастерская: вижу, как мастерицы вышивают символы стихий на мантиях. А вот и аптекарня: травница готовит зелья на основе местных растений. Воздух здесь пахнет травами и металлом — очень характерный аромат деревни».

Наконец Рада оглядела жилые кварталы. «Дома расположены кругами вокруг центральной площади — так символично, будто все жители объединяются вокруг общего центра. У каждого дома — небольшой сад с растениями, соответствующими стихии семьи. Вон там, у дома с рыжими цветами, наверняка живут „огненные“. А рядом — сад с серебристыми ивами,

там, должно быть, „воздушные“. И крыши всех домов покрыты черепицей из светящегося камня — вечером, наверное, вся деревня мерцает, как звёздное небо!»

— У вас праздник? — осторожно спросила Дениса, следуя за девушкой.

Тая ей нравилась: высокая, грациозная, с крепким станом — под стать Левиафану. Она двигалась легко и уверенно, каждый шаг выдавал в ней природную силу и достоинство. Её фигура не вписывалась в привычные стандарты: она не была худышкой, но и толстушкой тоже не была — в ней чувствовалась мощь, скрытая за плавными линиями тела. По сравнению с Левиафаном Тая казалась малышкой, но в этой миниатюрности была особая прелесть.

Все нефилимки, впрочем, как и мужчины, обладали достаточно крупными формами. Но их тела не были рыхлыми, как у обычных толстячков: они состояли из мускулов и костей, жилистых и крепких, — как пошутил однажды Люцифер в разговоре с ней. Дениса невольно залюбовалась походкой Таи: та шла впереди, расправив плечи, и солнечный свет играл на её тёмных волосах, собранных в толстую косу.

Дениса поглядывала по сторонам с нескрываемым любопытством — её глаза жадно впитывали каждую деталь. Яркие флаги с причудливыми символами трепетали на ветру, вдоль улиц тянулись гирлянды розовых фонариков, покачиваясь и переливаясь в свете дня. Аромат пряных трав и свежеспечённого хлеба витал в воздухе, смешиваясь с запахом разогретой земли и цветущих кустов. Периодически она бросала взгляды на Таю — ей хотелось завести с ней разговор, да и вообще — не только разговор, но и более дружеские отношения. В груди теплилось робкое волнение: а вдруг Тая ответит взаимностью?

Дениса понимала, что, как дочь творца, Земля — её планета. Для неё она была создана, и познать людей третьего глобуса Земли очень уж хотелось, тем более — людей самого Левиафана. В душе поднималась волна восторга: она оказалась в месте, где история оживала прямо на глазах, где легенды становились реальностью.

— Да, — кивнула Тая с улыбкой, словно прочитала её мысли. — Сегодня двойной праздник.

— Двойной? — переспросила Дениса, и в её голосе прозвучало искреннее удивление.

Брови невольно приподнялись, а глаза расширились от любопытства.

— День розовых фонариков и ночь первого воина.

— Хм, — усмехнулась девушка, и на губах заиграла лёгкая улыбка. — День розовых фонариков... Звучит волшебно.

— Да, — Тая недоверчиво посмотрела на неё, слегка прищурившись, будто оценивая искренность реакции.

— Как интересно, — шепнула Дениса, перехватив её взгляд. Она поспешила добавить с теплотой: — Я бы очень хотела узнать побольше. Расскажи, пожалуйста!

Нефилимы — левая производная творения сути первого начала. Когда-то они, как и их земля, были подвержены гонению и уничтожению. В воображении Денисы всплывали мрачные картины: тёмные фигуры в плащах, дым, крики, отчаяние в глазах тех, кто не мог защитить себя. Творец считал их неудавшейся производной, бракованной генетической ветвью — и от этой мысли внутри всё сжималось от боли.

Спас всех Левиафан. Он в своё время влюбился в женщину-нефилима, чем и разочаровал самого творца. Тот пророчил ему, в свою очередь, великое будущее и обещал брак с сутью вселенского разряда.

Однако Левиафан воспротивился и на сделку не пошёл. Его нефилимка — его Тая — на тот момент обладала идеальными формами, всё, как он и любил: пышная грудь, крутые бёдра, большие чёрные глаза с длинными ресницами и коса до пояса. Её лицо, обрамлённое густыми локонами, дышало добротой и простотой. Только ума маловато было, впрочем, как и у всех нефилимов. Проект создания людей такого рода признали нерентабельным и приговорили к

уничтожению. Всех нефилимов согнали на остров Тао третьего глобуса Земли и готовились сжечь заживо.

Левиафан ушёл за своей Таей, яростно пригрозив отцу расправой и всякими непристойностями — голос его гремел, как раскаты грома, а глаза сверкали такой решимостью, что даже творец на мгновение замер в изумлении. В тот миг Левиафан не думал о последствиях — в груди бушевала буря чувств: любовь, гнев, отчаяние и непоколебимая готовность защищать свою избранницу любой ценой.

Творец, конечно же, впал в ярость — его лицо побагровело, вены на лбу вздулись, а голос зазвучал так грозно, что стены небесной обители задрожали. Он изгнал сына своего на остров вместе с любимой, словно швырнув их в бездну одиночества. И обязал Михаила спалить всех нефилимов так, чтобы океан вскипел — в этих словах звучала холодная, беспощадная решимость, от которой мороз шёл по коже.

Михаил не выдержал такого напора создателя. В душе его шла жестокая борьба: долг перед отцом сражался с братской любовью и состраданием к невинным. Сердце сжималось от боли, когда он представлял, как пламя поглотит невинных, а океан закипит от жара. В конце концов, с тяжёлым сердцем и слезами на глазах, Михаил сам на Землю ушёл вслед за братом.

Долгое время он жил среди людей Ориона, периодически навещая Левиафана. Каждый раз, когда Михаил видел, как брат и Тая строят свою жизнь на острове, как нефилимы учатся жить в мире и согласии, его душа наполнялась тихой радостью — но тут же омрачалась чувством вины перед отцом. Не смог Михаил, несмотря на свою исполнительность, выполнить приказ отца — совесть оказалась сильнее долга.

Очередь пришла за Габриэлем. Тот планировал уйти на Денеб, оградиться ото всех куполом — да так, чтобы никто найти его не смог, — и жить, и творить в своё удовольствие, периодически устраивая мятежи и небольшие стычки среди своего народа. В его глазах горел огонёк бунтарства, а улыбка была дерзкой и свободной — он не собирался подчиняться воле творца, предпочитая путь независимости и творчества.

Понимая, что теряет своих сыновей один за другим, творец сам к Левиафану пришёл. Гордость боролась в нём с отчаянием, а гнев — с отцовской любовью. В цепи его заточил обманом, в башне запер и мантры петь заставил — в этом решении смешались обида, страх потери и отчаянная попытка удержать власть.

Левиафан петь не умел. Пел так, как мог, — так, как старейшины племени научили: хрипло, неровно, но с искренностью, идущей из глубины души. В мелодии этой звучали тоска по свободе, любовь к Тае и непокорность судьбе. В итоге в башню сползли змеи со всей округи, вместе с Люцифером пришли — их привлекала эта странная, завораживающая мелодия, полная первобытной силы и искренности.

Люцифер, увидев брата в оковах, почувствовал, как внутри всё закипает от гнева и сострадания. Он открыл двери и выпустил Левиафана — движение было резким, решительным, исполненным братской любви и праведного негодования. Потом творец долго по всей округе змей обратно расселял, жалея о том, что сделал со своим сыном — в глазах его впервые за долгие века появилась тень раскаяния, а плечи поникли под тяжестью содеянного.

С тех пор творец зарёкся удерживать детей своих силой — в душе его произошёл перелом. Он осознал, что любовь и свобода важнее власти и покорности. Левиафан на волю был отпущен, и в тот момент, когда цепи упали с его запястий, он глубоко вдохнул воздух свободы — в груди разливалась радость, а в глазах блеснули слёзы облегчения.

Создатель смирился с сыном своим и дал разрешение Михаилу усовершенствовать народ острова Тао. Так остались живы нефилимы — их смех снова зазвучал на улицах, дети побежали играть, а старейшины начали передавать мудрость новым поколениям.

Левиафан окончательно обосновался в деревне и в небесную обитель приходил только по зову отца. Теперь между ними установилось хрупкое равновесие — не было прежней близости,

но и открытой вражды тоже не было. В глазах Левиафана читалась мудрость, приобретённая через страдания, а рядом всегда была Тая — его опора, его любовь, его источник силы.

В этот момент Тая обернулась, поймав взгляд Денисы. В её глазах читалась тень давних страданий, но тут же она улыбнулась — тепло и открыто, и в этой улыбке было столько силы и жизнелюбия, что Дениса почувствовала, как её сердце наполняется восхищением.

— Пойдём, — мягко позвала Тая. — Покажу тебе, как мы отмечаем наши праздники. Ты увидишь, что даже после тьмы всегда наступает свет.

Дениса кивнула, чувствуя, как волнение сменяется радостным ожиданием. Она последовала за новой знакомой, а в душе расцветала надежда — надежда на дружбу, на понимание, на то, что прошлое больше не будет диктовать правила настоящему.

— Ты тоже можешь поучаствовать, — бросила Тая девушке через плечо, обернувшись с лукавой улыбкой. Её глаза блеснули, словно она уже представляла, как Дениса включится в общее веселье.

— В чём? — спросила та, слегка нахмурившись, пытаясь уловить суть. — В ночи первого воина?

— Да, — Тая одарила девушку очаровательной улыбкой, и в уголках её глаз собрались милые морщинки. — В творении розовых фонариков. Мы их мастерим всей деревней — каждый вносит частичку души.

— А, — поморщилась Дениса, невольно скривив губы. — Розовые фонарики... Не слишком ли... нежно?

— Имеешь что-то против? — в голосе Таи прозвучала лёгкая настороженность, но взгляд оставался доброжелательным.

— Да нет, — пожала она плечами, слегка смутившись. — Просто... Почему розовые, а не синие, например? Синий — цвет неба, глубины, силы...

— Свет цвета зари, — коротко произнесла Тая, и её взгляд устремился куда-то вдаль, словно она видела перед собой этот самый рассвет. — И раннего утра. Розовый — это надежда, обещание нового дня. Он напоминает нам, что после любой тьмы наступает свет.

— Понятно, — кивнула девушка, и на её лице отразилось новое понимание. — Цвет зари... Звучит романтично.

— Да. В празднике участвуют дети до 14 лет — в этой части праздника. Они делают фонарики, а потом развешивают их по всей деревне.

— Почему до четырнадцати? Почему не старше? — в голосе Денисы звучало искреннее любопытство.

— Рубеж взросления — 14 лет, — терпеливо объяснила Тая. — До 14 лет ещё детство. Вот малыши и приветствуют тех, кто уже перешёл рубеж взрослости. Они дарят им фонарики — как символ того, что помнят о них, любят и верят в их силу.

— Последний рубеж? — усмехнулась тихо Дениса, и в её усмешке проскользнула нотка горечи. — Рубеж вседозволенности?

— Нет, — твёрдо произнесла Тая, глядя ей прямо в глаза. В её голосе зазвучала глубокая уверенность. — Они ещё дети. О какой вседозволенности может быть речь? Это время чистоты, искренности, первых открытий. В 14 лет начинается путь воина — серьёзный, ответственный, но они всё ещё несут в себе свет детства.

— Тогда к чему этот праздник? — не понимала девушка, её брови сошлись на переносице.

— Это путь к взрослению, — мягко сказала Тая. — Дети учатся отдавать, заботиться, видеть в других не просто людей, а тех, кого нужно поддерживать. А воины вспоминают, откуда они пришли, и черпают силы в этой чистоте.

— Ночь первого воина... — задумчиво повторила Дениса.

— 14 лет, — улыбнулась Тая. — В эту ночь подросток впервые берёт в руки оружие не для игры, а для защиты. Но начинается всё с фонарика — с символа надежды.

— А, — поморщилась Дениса, потом махнула рукой, словно отгоняя сомнения. — Всё, я поняла. Прости, я просто не сразу уловила суть.

— Да, — Тая с улыбкой наблюдала за девушкой, и в её взгляде читалось одобрение. — Теперь ты видишь глубже.

Земная суть с кодом нефилима... Когда-то Михаил поделился своим генным кодом, чтобы жизнь ребёнку сохранить. Вот и выросло такое вот творение — с силой нефилимов и душой землян. Мысль промелькнула в сознании Таи, но она не стала озвучивать её вслух, а только одарила собеседницу улыбкой.

Подойдя ближе, они заметили широкое крыльцо с массивными резными перилами. Ступени, хоть и старые, выглядели надёжными — не скрипели, не шатались. Над входной дверью висел венок из засушенных трав и цветов, слегка потрёпанный ветром, но всё ещё хранящий остатки летнего аромата.

Дениса остановилась на мгновение, поднял взгляд на окна — в них мелькнуло отражение облаков, и на секунду ей показалось, что дом смотрит на неё в ответ. В груди шевельнулось странное чувство: смесь любопытства и лёгкой тревоги. Тая, заметив это, ободряюще положила руку на плечо:

— Ну что, идём? — тихо спросила она, и в её голосе звучала уверенность, которая немного успокоила девушку.

Они поднялись по высоким ступенькам, выточенным из тёмного камня с вкраплениями сверкающих минералов, и вошли в дом. Под ногами снова раздался едва уловимый скрип старого дерева — будто дом приветствовал гостей своим тихим голосом.

Девушка осматривалась по сторонам с широко раскрытыми глазами, впитывая каждую деталь. Воздух здесь был наполнен ароматом сухих трав и дерева, а мягкий свет проникал через витражные окна, рассыпаясь цветными пятнами по полу.

— Это дом Левиафана, — пояснила Тая, обводя рукой просторное помещение.

— Не похож на дом человека-творца, — задумчиво произнесла Дениса, проводя рукой по резной колонне. Её голос звучал почти благоговейно.

— Ты сейчас о чём? — нахмурилась Тая, слегка наклонив голову. В её глазах мелькнуло недоумение.

— Я о деревне Адама и Евы, — пояснила Дениса, оглядываясь. — Там всё такое... миниатюрное, аккуратное. Словно создано для хрупких существ.

Тая открыла рот, чтобы возразить, но так и закрыла его. На мгновение в её взгляде промелькнула тень боли — воспоминания о гонениях, о том, как их считали «неудачной ветвью». Но она быстро взяла себя в руки.

— Дома у людей меньше, — сделала вывод Дениса, осторожно подбирая слова. — И устроены иначе.

— А, — кивнула Тая. — Да, но они и по размеру меньше, чем мы, нефилимы. Наши дома должны вмещать нашу силу, нашу мощь. Но в них есть место и для тепла, и для уюта.

Девушки улыбнулись друг другу — искренне, открыто. В этот момент между ними словно протянулась невидимая нить взаимопонимания.

Тая собралась уходить, уже сделав шаг к двери.

— Да, — развернулась она перед дверью, и её улыбка стала чуть шире. — Если надумаешь, присоединяйся к нам. Будет здорово, если ты попробуешь сделать свой фонарик.

Дениса молча кивнула, и в её глазах мелькнуло что-то новое — интерес, готовность открыться чему-то необычному.

— Спасибо, — тихо произнесла она. — Я подумаю.

Тая кивнула в ответ и вышла, оставив Денису наедине с новыми мыслями и ощущениями. Девушка ещё раз оглядела дом, вдохнула его особенный аромат и улыбнулась — впервые за долгое время она почувствовала, что может стать частью чего-то большего.

Проводив нефилимку взглядом, Дениса вышла на широкую террасу с резными перилами. Тёплый ветер тут же подхватил пряди её волос, слегка растрепав их, а солнечный свет, пробиваясь сквозь лёгкие облака, лёг на плечи мягким золотистым покрывалом.

Хотя терраса больше всего напомнила ей балконы высоток Сириуса — те самые, с гладкими металлическими перилами и панорамными стёклами, за которыми мерцали огни мегаполиса, — здесь всё было иным. Вместо холодного блеска металла — тёплое дерево, искусно украшенное резьбой: завитки, стилизованные листья и птицы переплетались в узоры, словно рассказывая древнюю сказку. Перила были чуть шершавыми на ощупь, и в этой шероховатости чувствовалась рука мастера, вложившего душу в каждую линию.

Её взору открывался вид на главную площадь — и вся деревня была видна как на ладони. Жизнь здесь буквально кипела, наполняя воздух гулом голосов, смехом детей, перестуком инструментов и ароматом свежеспечённого хлеба, смешанным с запахом цветущих кустов. Люди сутились, готовились к празднику — кто-то развешивал гирлянды, кто-то расставлял лавки, кто-то проверял фонари. В воздухе витало предвкушение чего-то волшебного, почти осязаемое, как электрический заряд перед грозой, но вместо тревоги оно вызывало в душе Денисы трепетное волнение.

В самом конце площади стояли два огромных стола, сколоченных из толстых досок с заметными сучками и трещинами — видно, что служили они уже не первый год, но от этого выглядели только надёжнее. За ними ребячьи творили фонарики: дети разных возрастов с увлечением клеили, раскрашивали, украшали заготовки. Их лица светились от азарта, глаза горели, а смех звенел, как колокольчики.

Детьми руководили две молодые женщины. Они двигались между столами плавно и уверенно, подбадривали, помогали, показывали, как правильно сложить бумагу или нанести узор. Судя по внешнему виду, женщины относились к клану учителя. Их строгие костюмы с выбивавшейся белой вышивкой на груди и рукавах говорили сами за себя: аккуратные линии, чёткие силуэты, ни одной лишней детали — всё подчёркивало их статус и ответственность. Но при этом в их улыбках, в том, как они наклонялись к детям, чтобы что-то подсказать, в лёгком прикосновении к плечу — во всём этом читалась теплота и искренняя забота. Одну из них звали Элара, вторую Зорина.

Дениса невольно залюбовалась этой картиной. В груди разливалось странное чувство — смесь восхищения, лёгкой зависти и робкой надежды. Ей вдруг отчаянно захотелось присоединиться к этой суете, почувствовать себя частью чего-то большого и доброго, создать что-то своими руками для этого праздника, который казался таким настоящим, таким живым. Она глубоко вдохнула, наполняя лёгкие воздухом, пропитанным предвкушением, и улыбнулась — впервые за долгое время по-настоящему, без тени сомнений.

Рада стояла на террасе дома и с улыбкой наблюдала за оживлённой суетой во дворе. Под руководством двух опытных учителей группа детей 8–14 лет увлечённо мастерила небесные фонарики. Воздух наполнялся шёпотом разговоров, смехом и возгласами восторга — атмосфера была по-настоящему волшебной.

Сначала учителя провели подробный инструктаж. Рада видела, как внимательно дети слушали рассказ об истории небесных фонариков: как их запускали на Земле Ва, чтобы передать молитвы и желания небесам, как они символизируют свет, надежду и добрые намерения. Учитель подробно объяснил правила безопасности — особенно акцентировал внимание на осторожном обращении с огнём и горючими материалами.

Дети разложили на столах рисовую бумагу — её полупрозрачная текстура переливалась на солнце. Рада заметила, как сосредоточенно они вымеряли квадраты со стороной 60–80 см с помощью линеек и карандашей.

Когда дети приступили к склеиванию листов рисовой бумаги, у нескольких ребят возникли сложности: бумага то рвалась, то склеивалась неровно.

— У меня всё мнётся! — расстроилась Элира, глядя на покоробившийся лист.

— Давай попробуем вместе, — предложила ей Марета, которая уже справилась со своим куполом. — Смотри, нужно держать бумагу двумя руками и аккуратно наносить клей кисточкой. Вот так... Видишь, теперь ровно!

Рада с умилением наблюдала, как дети начали помогать друг другу: кто-то показывал, как правильно держать ножницы, кто-то делился секретами аккуратного склеивания.

— Ой, я порвал бумагу! — вдруг воскликнул Малех, чуть не плача.

— Ничего страшного, — тут же откликнулась Элара, спускаясь во двор. — Давай возьмём новый лист и будем клеить аккуратнее. Смотри, как я делаю: нахлёст должен быть 2–3 см, а клей наноси тонким слоем.

Она показала, как аккуратно работать с тонкой бумагой, и вскоре Дима уже с улыбкой продолжал работу. Марета тем временем спросила:

— А почему бумага такая тонкая?

— Потому что она рисовая, — пояснила Зарина. — Так фонарик будет легче и лучше полетит.

Некоторые дети решили проявить фантазию. Нифаэль, самый старший в группе, предложил:

— А давайте сделаем купол не конусом, а цилиндром? Так будет интереснее!

Учителя поддержали идею:

— Отличная мысль, Нифаэль! Эксперименты — это здорово. Только убедись, что форма будет достаточно жёсткой.

Рядом Дракен решил украсить свой купол:

— Можно я нарисую на бумаге узоры перед тем, как склеивать?

— Конечно, — улыбнулась Элара. — Только используй лёгкие линии, чтобы не утяжелять фонарик.

Вскоре на разных столах появились фонарики с цветочными орнаментами, геометрическими узорами и даже маленькими созвездиями.

Дети старательно складывали листы пополам, делали надрезы длиной 15–20 см через каждые 4–5 см, не доходя до центра примерно 10 см. Затем аккуратно загибали полоски внутрь по линиям сгиба.

Рада восхищалась их терпением: даже самые нетерпеливые старались делать всё аккуратно, чтобы купол получился красивым и ровным. Когда они склеивали противоположные углы, образуя конусообразную форму, лица детей светились гордостью.

Теперь дети взялись за проволоку диаметром 0,5–1 мм. Зарина объяснила, что круг из проволоки должен быть на 2–3 см меньше диаметра нижнего края купола.

Дракен хмурился, пытаясь согнуть проволоку ровно.

— У меня не получается! — вздохнул он.

— Давай я помогу, — Элара подошла и показала, как плавно сгибать проволоку. — Вот так, потихоньку. Видишь, уже лучше!

Затем дети положили две проволоки крест-накрест в центре кольца и скрутили их в точке пересечения — получилась крестовина. Ратмир радостно поднял свою работу:

— Получилось! Смотрите, у меня крестовина!

В какой-то момент дети устроили небольшое соревнование: кто сделает самый аккуратный каркас.

— Мой круг ровнее! — заявил Анарис.

— А у меня крестовина крепче! — возразил Торган.

Учителя поддержали дух соревнования, но напомнили о важности командной работы:

— Отлично, что вы стремитесь сделать лучше. Но помните: мы делаем это вместе. Если кто-то отстаёт, помогите ему!

Вскоре соревнование переросло в обмен опытом: Анарис показал Торгану, как делать идеально ровный круг, а Торган научил Анариса надёжно скручивать проволоку.

Аккуратно приклеивая проволочное кольцо к внутренней стороне купола (отступая 1–1,5 см от края), дети внимательно следили за каждым движением.

— А зачем надрезы? — поинтересовалась Адраэль.

— Чтобы бумага лучше держалась, — объяснила Зорина. — Смотри: надрезаем на 1–2 см через каждые 8–10 см, потом загибаем вниз.

Малех, попробовав, восхищённо воскликнул:

— Ух ты, теперь крепче!

Элара предложила выбрать: кто-то делал горелку из фольги, другие работали с парафином.

— Я хочу с фольгой! — вызвалась Марета.

— Отлично, — похвалила Зорина. — Сомни фольгу в чашку диаметром 4–5 см. Внутри положим четверть таблетки сухого горючего.

— А я буду с парафином! — заявил Дракен.

— Осторожно, Дракен, парафин горячий, — предупредила Элара. — Окунаем ткань, даём высохнуть, потом сворачиваем в прямоугольник 4×2,5 см.

Перед тем как отправиться на открытое пространство, дети с трепетом рассматривали свои творения.

— Он такой красивый! — восхищалась Элира.

— Надеюсь, он полетит высоко-высоко, — мечтательно произнёс Нифаэль.

— Я загадал, чтобы летом мы все вместе поехали в лагерь, — тихо поделился Торган.

Элара подошла к каждому, поправила что-то в конструкции, похвалила за старания и шепнула:

— У тебя всё получится. Твой фонарик обязательно исполнит желание.

Стоя на террасе и наблюдая за этой картиной, Рада почувствовала, как её сердце наполняется теплом. Она видела, как дети, работая вместе, учились не только мастерить фонарики, но и доверять друг другу, помогать, поддерживать.

«Это больше, чем просто творческий проект, — подумала она. — Это урок дружбы, терпения и веры в чудеса».

Учителя подходили к каждому ребёнку, хвалили за старания, а Элара с гордостью отмечала, как даже самые робкие участники — вроде Адраэль — теперь сияли от счастья.

— Молодцы, ребята! Все отлично поработали, — подытожила Элара.

— Это было так круто! — выдохнул Малех.

— Я горжусь вами, — улыбнулась Зорина. — Вы настоящие мастера!

— Давайте сделаем ещё раз? — предложила Марета.

— Конечно! — рассмеялась Элара. — В следующий раз попробуем фонарики другого цвета.

Дети радостно захлопали, уже представляя, как в следующий раз создадут ещё больше волшебства.

Рада устроилась поудобнее в плетёном кресле на террасе, подпёрла подбородок рукой и с интересом стала наблюдать за мальчишками. Те деловито сустились у небольшой полянки неподалёку от дома — явно собирались разжечь костёр.

Сначала подростки тщательно собирали основу для розжига: бересту, обрывки бумаги, сухие щепки, мох и тончайшие веточки — тоньше трёх миллиметров. Один из ребят Элирон, светловолосый и самый серьёзный на вид, внимательно осматривал каждую находку и откладывал в сторону всё хоть немного влажное. «Не пойдёт, — коротко бросил он, — должно быть совсем сухое». Рада мысленно похвалила его за внимательность: без этого пламя не появится.

Когда материала для розжига набралось достаточно, мальчишки аккуратно уложили поверх него мелкий хворост — веточки толщиной с карандаш, сантиметров двадцать-тридцать длиной. Их было всего пять-шесть штук, но они уже задавали форму будущей пирамиды. Реван — самый высокий из подростков осторожно заглублял концы веток в землю — чтобы конструкция не развалилась.

«Теперь средний слой», — скомандовал светловолосый, и ребята взялись за ветки потолще: от сантиметра до трёх в диаметре, длиной уже сантиметров тридцать-пятьдесят. Они выкладывали их неплотно, оставляя зазоры. «Нельзя закрывать всё плотно, — пояснил старший, обращаясь скорее к остальным, чем к кому-то конкретно, — огню нужен воздух». Рада невольно кивнула: она и не задумывалась, что горение так зависит от циркуляции воздуха.

Дальше пошли уже настоящие дрова — ветки от трёх до тринадцати сантиметров и толще. Мальчишки выбирали только сухие и мёртвые, ни разу не тронули живую ветку. «Нельзя природу портить», — бросил один из них, заметив, как его приятель потянулся к молодой берёзке. Дрова клали слоями, каждый раз укорачивая длину: снизу — подлиннее, сверху — покороче. На самый верх положили совсем тонкие веточки, не толще сантиметра.

Рада заметила, что с одной стороны, с наветренной, подростки оставили небольшое отверстие. «Так и поджечь легче, и воздух поступает», — пояснил светловолосый, словно отвечая на её немой вопрос. Рядом с пирамидой ребята заранее сложили запас хвороста и дров: «Когда начнёт оседать, надо будет подкидывать», — добавил он.

Рада улыбнулась, наблюдая, как ребята, довольные результатом, отошли на шаг и с гордостью разглядывали своё творение.

Девушка откинулась в кресло и закрыла глаза, устало выдохнув. Спинка кресла чуть скрипнула, принимая её вес, а мягкий бархат обивки приятно коснулся затылка. Она так и не поняла, как заснула — просто провалилась в тёплую, бархатистую темноту, где не было ни тревог, ни мыслей, ни времени.

— Рада? — услышала она голос Таи и стук её каблучков — ритмичный, настойчивый, будто отсчитывающий секунды до пробуждения.

— Что? — Дениса вздрогнула всем телом, резко выныривая из объятий сна. Сердце заколотилось где-то в горле, а кровь прилила к щекам от внезапного испуга.

Она сонно моргала глазами, часто-часто, пытаясь сфокусировать взгляд. Мир вокруг казался размытым, словно нарисованным акварелью: очертания предметовплыли, цвета смешивались, а звуки доносились будто сквозь толщу воды. В голове гудело, как после долгого забытья, и мысли путались, не желая выстраиваться в логическую цепочку.

«Где я? Сколько времени прошло?» — метались обрывки мыслей.

Постепенно зрение прояснилось. Перед ней стояла Тая — в своём любимом алом платье, с лёгкой улыбкой на губах и с локоном, игриво выбившимся из причёски. В воздухе витал тонкий аромат её духов — жасмина с нотками цитруса, который окончательно помог Денисе вернуться в реальность.

— Прости, что разбудила, — мягко сказала Тая, и в её голосе прозвучала нотка вины, тут же смягчённая тёплой заботой. — Но нам пора.

Дениса провела рукой по лицу, стряхивая остатки сна, и слабо улыбнулась в ответ. Тело всё ещё хранило блаженную расслабленность, но разум уже начинал работать в привычном ритме.

— Да, конечно... — пробормотала она, потягиваясь и разминая затёкшие плечи. — Просто уснула на минутку, кажется.

— Идём! — потащила она её за руку, энергично и чуть ли не вприпрыжку, словно ребёнок, которому не терпится показать что-то удивительное.

— Куда ты меня тащишь, Тая? — не понимая, зевнула Дениса, всё ещё сонная, с растрёпанными волосами и помятым рукавом блузки.

Её глаза слипались, а шаги были неторопливыми, будто она шла по вязкому песку.

— Идём со мной! — Тая, полная воодушевления, обернулась, подмигнула и снова потянула подругу за собой, её глаза горели азартом, а на губах играла озорная улыбка.

Они поднялись по пожарной лестнице — старой, чуть скрипучей, с металлическими перилами, холодными на ощупь. Ступени слегка дрожали под ногами, а каждый шаг отзывался глухим эхом. Лестница шла вверх, на крышу, где воздух становился свежее, а ветер — сильнее.

Напротив флигеля, увитого плющом, располагалась смотровая площадка — небольшая, с деревянными перилами, потемневшими от времени. С неё действительно открывался потрясающий вид: вся деревня лежала внизу, как на карте, с её извилистыми улочками, красными крышами домов и яркими пятнами цветущих клумб.

— Отсюда лучше видно! — защелкала Тая, вскакивая на невысокий парапет и раскидывая руки в стороны, будто хотела обнять весь мир. — Все участники как на ладони! Да и сам путь тоже — вон, видишь? — она указала вдаль, где по тропинке, выходящей между деревьями, уже бежали первые участники соревнований.

Дениса, окончательно стряхнув остатки сна, замерла, поражённая красотой вида. Сонливость как рукой сняло — вместо неё пришло восхищение и лёгкий трепет. Она подошла ближе к перилам, вдохнула полной грудью свежий воздух и улыбнулась.

— Да... — тихо произнесла она. — Действительно красиво.

Тая, довольная, хлопнула её по плечу:

— Ну вот! Я же говорила!

Дениса улыбнулась.

— Рада, ты только посмотри, какая суeta в деревне! — Тая взволнованно схватила подругу за руку, глаза её горели от восторга. — Совсем скоро начнётся Турнир Семи Стихий — ты же знаешь, каждое лето его проводят!

— Да, слышала, но толком не понимаю, как он проходит, — призналась Рада, поправив прядь волос.

— Ты только представь, какие испытания ждут участников турнира в этом году! — взволнованно заговорила Тая, схватив подругу за руку. — Давай я тебе всё по порядку расскажу.

— Расскажи поподробнее! — Дениса никак ещё не отошла от сна.

— Конечно!

— Звучит непросто...

— В турнире участвуют юноши и девушки от 16 до 20 лет — те, кто родился в деревне, или прошёл обряд посвящения. Главное тут — выбрать тотем стихий, символ своей внутренней силы. Есть семь тотемов: пламя, вода, земля, воздух, молния, тень и свет. От тотема зависит, какие способности у воина проявятся и какие испытания ему выпадут.

— А какие этапы в турнире?

— Их четыре. Первый — «Испытание тропы». Смотри, — вытянула девушка руку вперед. — Участники идут через зачарованный лес Шепчущих Ветвей. Там деревья оживают, а тропы сами меняют направление! Задача — найти древний камень своего тотема и зажечь на нём символ стихии. Кто сойдёт с пути или поддастся иллюзиям — выбывает. Участники отправляются в зачарованный лес, а там — сплошные ловушки! Во-первых, Туман Забвения: он так хитро устроен, что можно напрочь забыть, куда и зачем ты идёшь. Потом — Тропы-обманки: они кружат по одному и тому же месту, пока участник не уловит верный ритм шага. И

самое жуткое — Шепчущие деревья: они словно читают мысли и нашептывают самые страшные сомнения и страхи. Но есть и подсказки: листья тотема сами падают с нужных деревьев, а светлячки собираются над верным путём — вот по ним и можно сориентироваться.

— Ух ты! А дальше?

— Дальше — «Мост ветров». - Указала Тая. - Узкий подвесной мост, его раскачивают магические вихри. Воины сражаются один на один, оружие — деревянные посохи, усиленные зачарованием. Побеждает тот, кто заставит противника потерять равновесие и коснуться магического барьера по бокам моста. Представляешь, мост сделан из гибких лиан, переплетённых с кристаллами воздуха! Длина — целых 30 шагов, а ширина — всего один шаг. По бокам — барьер из магического тумана: стоит к нему прикоснуться — и ты выбываешь. Тут уж каждому приходится полагаться на свои силы: «Воздушники» могут подпрыгивать выше и делать резкие рывки, «Теневики» — чуть-чуть телепортироваться в сторону, чтобы увернуться, а «Земляные» цепляются за лианы, чтобы устоять при сильных порывах ветра.

— А третье испытание?

— «Пещера отражений». Вон она немного видна, за верхушкой дерева. В тёмной пещере каждый сталкивается со своими страхами — они воплощаются в призрачных двойниках. И вот что важно: победить двойника в бою нельзя. Нужно понять его природу и примириться с ним. Иначе иллюзия поглотит воина. Это, пожалуй, самое сложное испытание. В тёмной пещере каждый участник сталкивается со своими страхами — они принимают облик призрачных двойников. Есть три вида таких двойников: Страх — он выглядит как самый жуткий кошмар, Гордыня — насмехается над слабостями и провоцирует на гнев, и Сомнение — шепчет, что турнир не стоит всех этих усилий. И вот что важно: победить двойника силой нельзя. Чтобы пройти дальше, нужно признать свою слабость вслух — например, сказать: «Я боюсь темноты, но я сильнее её» — и предложить двойнику союз: «Ты — часть меня, давай идти дальше вместе».

— Как это... глубоко, — задумчиво произнесла Рада.

— Да, это не просто проверка силы. А финальный этап — «Круг стихий». Остаются пятеро сильнейших. Они встают в круг, и тут активируются все семь стихий сразу! Воины должны уворачиваться от атак стихий, которые им не подвластны, использовать силу своего тотема для защиты и контратак, а ещё — первым коснуться центрального обелиска, пока остальные сдерживают натиск магии. Атаки бывают такие: Пламя — огненные шары, которые замедляют движение; Вода — ледяные струи, сковывающие ноги; Земля — каменные шипы, выбивающие из равновесия; Воздух — вихри, сбивающие с ног; Молния — электрические разряды, парализующие на мгновение; Тень — иллюзии, заставляющие видеть ложных соперников; Свет — ослепляющие вспышки, дезориентирующие участников. Но и стратегии есть: «Огненный» может поглощать пламя, чтобы усилить свой рывок; «Водный» — создавать ледяные щиты против огня; а «Световой» — развеивать тени, помогая другим видеть правду.

— Тая, это звучит невероятно сложно... — тихо произнесла Рада, широко раскрыв глаза.

— Да, непросто, — кивнула Тая. — Но именно поэтому турнир так почитают в деревне. Это не просто проверка силы — это путь к самопознанию и гармонии со своей стихией. Каждый, кто проходит эти испытания, становится сильнее и мудрее, независимо от того, победит он или нет.

— Теперь я понимаю, почему все так ждут турнира, — улыбнулась Рада. — И что получает победитель?

— О, награды серьёзные! Во-первых, Амулет Хранителя — артефакт, который усиливает связь с выбранной стихией. Во-вторых, право учиться у старейшин: доступ к древним знаниям и заклинаниям. И в-третьих, почётное место в Совете деревни — возможность влиять на судьбу Нифелимов!

— А проигравшие? Им ничего?

— Нет, что ты! Каждый получает камень-талисман — он помогает развивать скрытые способности. Но главное — уважение общины и опыт, который пригодится в следующем турнире.

— А есть какие-то традиции?

— Обязательно! Перед началом старейшины зажигают Костёр Единства — его пламя меняет цвет в зависимости от настроения участников. Во время испытаний все жители деревни поют песни стихий — это поддерживает воинов и усиливает магию места. А после финала устраивают Пир Звёзд: победители и проигравшие вместе благодарят духов предков.

— Красиво...

— Рада, ты даже не представляешь, сколько всего происходит в деревне перед турниром! — Тая взволнованно схватила подругу за руки, её глаза сияли от предвкушения. — Давай я тебе всё расскажу по порядку.

Накануне турнира все участники проводят ночь в медитации у Камня Предков. Представляешь? Сидят там в тишине, и каждому открываются краткие видения — подсказки о том, какие испытания их ждут. А в это время семьи готовят «хлеб силы» — особые лепёшки с волшебными травами. Говорят, они дают невероятную выносливость на весь день испытаний!

А вот что происходит в сам день турнира: старейшины собираются на площади и рисуют на руках воинов символы стихий — углём и мёдом. Это не просто рисунок, это своего рода благословение и защита. И ещё каждый участник получает маленький мешочек с землёй родной деревни. Его можно бросить под ноги в самый трудный момент — считается, что это принесёт удачу и напомнит воину, ради чего он сражается.

После финала тоже много всего интересного! Победитель торжественно зажигает новый огонь в Костре Единства и добавляет в него кристалл своей стихии — так он делится с деревней своей силой. А потом все участники, и победители, и проигравшие, идут в лес Шепчущих Ветвей и сажают там деревья. И вот что удивительно: крона каждого дерева отражает цвет тотема своего хозяина! Представляешь, какой красивый лес получается?

Кстати, я знаю нескольких участников этого года — хочешь, расскажу про них?

— Конечно, хочу! — с живым интересом откликнулась Рада.

— Отлично! Первая — Лира, её тотем — воздух. Она сирота, выросла среди пастухов. Очень ловкая и быстрая, умеет предугадывать порывы ветра. Но знаешь, в чём её слабость? Она ужасно боится остаться одна. Поэтому в «Пещере отражений» она увидит образ покинутой деревни — вот такое испытание ей предстоит. Смотри, вон она идёт, самая первая! — воскликнула Тая, её голос дрожал от волнения, а глаза широко раскрылись, словно она увидела настоящее чудо.

Дениса обратила внимание на девушку в белом одеянии... Та шла плавно, почти невесомо, будто скользила над землёй, а её длинная коса ритмично покачивалась в такт шагам. Белое платье, расшитое серебристыми нитями, переливалось в лучах солнца, создавая вокруг девушки ореол сказочного сияния.

Дениса замерла, заворожённая этим зрелищем. Дыхание на мгновение перехватило, а сердце забилось чаще — так бывает, когда видишь что-то по-настоящему волшебное.

— Какая... невероятная, — почти шёпотом произнесла она, не отрывая взгляда от идущей девушки. — Словно не из нашего мира.

Тая, стоявшая рядом, тихо вздохнула:

— Да, она всегда так действует на людей. Будто сама весна к нам явилась.

Ветер слегка всколыхнул белые складки платья, подхватил несколько прядей волос — и на мгновение девушке показалось, что незнакомка вот-вот оторвётся от земли и воспарит над толпой.

— Как её зовут? — с трепетом спросила Дениса, чувствуя, как внутри разливается странное, почти детское восхищение.

— Эрин, — улыбнулась Тая. — Она бежит первый этап. И, знаешь... у неё есть шанс победить.

Дениса сглотнула, всё ещё не в силах отвести взгляд. В этот миг мир словно сузился до одной фигуры в белом — яркой, живой, завораживающей.

— Ещё есть Дарен, его тотем — земля. Он сын каменотёса, сильный и упорный парень, но вот беда — он часто сомневается в себе. Представляешь, его двойник в пещере будет насмехаться над его «медлительностью», хотя на самом деле он просто основательно всё обдумывает. А вот он, смотри! — бесцеремонно ткнула пальцем Тая в бегущего парня и заливисто рассмеялась, прикрывая рот ладонью, но тут же снова вытягивая руку вперёд. Её глаза искрились весельем, а плечи подрагивали от сдерживаемого смеха.

Да, скорее не бегущего, а идущего спортивным шагом — размеренно, важно, чуть ли не чеканя шаг, будто на параде. Он даже руки держал строго вдоль тела, а лицо у него было такое сосредоточенное, что зрители вдоль трассы не могли сдержать улыбок.

— Медлячок, — протянула с улыбкой Дениса, и её глаза лукаво прищурились.

Она покачала головой, тихо хихикая, а в голосе звучало не злое подтрунивание, а тёплое, почти сестринское добродушное веселье.

— Да, он у нас такой, — довольно протянула Тая, откинув голову назад и звонко рассмеявшись. — Вечно всё делает основательно. Он шнурки полчаса завязывал перед стартом?

Дениса, не выдержав, расхохоталась в голос:

— О, да! И приговаривал: «Надо сделать правильно, иначе удача отвернётся!»

Тая, утирая выступившую от смеха слезинку, кивнула:

— Вот-вот! А теперь, наверное, прибежит последним, но зато — с идеально завязанными шнурками.

Они переглянулись и снова расхохотались, а парень в это время, словно услышав их разговор, на мгновение обернулся, сделал нарочито широкий шаг и помахал рукой им — мол, всё знаю, но ничего менять не собираюсь.

— И ещё Эрин, её тотем — тень. Внучка травницы, очень молчаливая и наблюдательная. Владеет искусством скрытности — может так затаиться, что её никто не заметит. Её главное испытание — признать, что тень может не только прятать, но и защищать. Это для неё будет настоящим открытием. Ну... — подняла руку Тая, вглядываясь в лес. Её брови слегка сошлись на переносице, а глаза прищурились, пытаясь разглядеть что-то среди густых зелёных ветвей и пятнистого солнечного света, пробивающегося сквозь кроны. — Не могу тебе её показать.

Девушки переглянулись — на мгновение их взгляды встретились: в глазах Рады читалось лёгкое недоумение, а в глазах Таи — игривое озорство, едва сдерживаемая улыбка. Затем они одновременно рассмеялись — сначала тихо, почти шёпотом, а потом всё громче, заражая друг друга весельем. Смех Рады был лёгким, воздушным, словно перезвон колокольчиков, а Тая смеялась чуть ниже, с хрипотцой, запрокидывая голову и прикрывая рот ладонью.

— Затаилась? — Рада тихо рассмеялась, прикрыв рот рукой, но глаза её искрились смехом.

Она слегка покачала головой, отбрасывая прядь волос, упавшую на лицо.

— Выходит, что так, — кивнула Тая, и её губы дрогнули в улыбке. Она махнула рукой в сторону леса, где между деревьями мелькнуло что-то светлое — возможно, край платья или вспышка светлых волос. — Может, она там, за тем большим дубом? Или вон за теми кустами шиповника?

Рада прищурилась, вглядываясь туда, куда указывала Тая.

— Да где же она?.. — пробормотала она, и в её голосе прозвучало не раздражение, а азарт охотника, который вот-вот настигнет добычу.

— Тая, это так захватывающе! — воскликнула Рада. — Каждый из них такой особенный, и у каждого своя внутренняя борьба...

— Вот именно! — улыбнулась Тая. — Турнир проверяет не только силу и ловкость, но и то, насколько хорошо воин знает самого себя. Это ведь не просто соревнование — это путь к мудрости и гармонии со своей стихией.

— Теперь я ещё сильнее хочу увидеть победителя своими глазами, — мечтательно произнесла Рада.

— И увидишь! — ободряюще сказала Тая. — Осталось совсем немного. Готовься — будет незабываемо!

— Получается, это не просто соревнование?

— Именно! Это ритуал взросления и посвящения, который связывает поколения нифелимов с их мифическим прошлым. Всё пронизано магией и традицией, понимаешь?

Рада глубоко вздохнула, глядя на площадь.

— Теперь я всё поняла. Спасибо, Тая.

— Всегда рада поделиться! — подмигнула Тая. — Теперь всё это ты увидишь своими глазами — осталось совсем немного!

— Это действительно нечто особенное.

— Вот именно! — улыбнулась Тая.

— А участники, я так понимаю, не в курсе о спецэффектах на каждом этапе испытаний? — уточнила Дениса, слегка наклонив голову и с любопытством глядя на Таю.

В её голосе звучала смесь удивления и заинтересованности — мысль о скрытых сюрпризах будоражила воображение.

— Нет, — засмеялась Тая, и её смех прозвучал легко и заразительно, словно перезвон весенних ручейков. Она на мгновение прикрыла рот ладонью, но не смогла сдержать улыбку, которая растянулась до самых глаз. В них заплясали озорные искорки, выдавая приятные воспоминания. — Я сама об этом узнала, когда уже достигла определённого возраста. Помню, как была поражена — буквально застыла на месте, а потом хохотала до слёз, осознавая, сколько всего от нас скрывали!

Тая сделала паузу, её взгляд словно унёсся куда-то вдаль, в прошлое. На лице отразилась тёплая ностальгия — она будто заново переживала тот момент открытия. Затем снова повернулась к Денисе, и глаза её заблестели ещё ярче:

— Представь: ты думаешь, что всё знаешь про испытание, готовишься, настраиваешься... А потом вдруг — бац! — и перед тобой появляется что-то совершенно невероятное: огненные всполохи, иллюзорные чудовища или внезапный ливень из конфет. И всё это — часть игры!

Дениса невольно затаила дыхание, впитывая каждое слово. Её глаза расширились от восторга, а на губах заиграла предвкушающая улыбка.

— И что, все так же реагируют? — тихо спросила она, едва сдерживая волнение.

— О, ещё как! — энергично кивнула Тая. — И дети, и взрослые — каждый раз будто впервые. В этом и есть особая магия: сохранять дух сюрприза, чтобы испытание стало не просто проверкой сил, а настоящим приключением.

Она подмигнула Денисе, и та, заразившись её энтузиазмом, рассмеялась в ответ — сначала тихо, а затем всё звонче, чувствуя, как внутри просыпается азарт и желание стать частью этого волшебного мира.

Левиафан с тёплой улыбкой наблюдал за смотровой площадкой. Он видел, с каким азартом Тая объясняла путь соревнований: жестикулировала, размахивала руками, то и дело отбрасывала упавшую на лицо прядь волос — и всё это с горящими глазами, будто сама готовилась выбежать на старт. Её звонкий смех время от времени доносился до него, заставляя уголки его губ невольно подниматься ещё выше.

Его размышления нарушила резкая вибрация телефона в кармане — настолько неожиданная, что он слегка вздрогнул, на мгновение выныривая из умиротворённого созерцания.

Экран мерцал именем «Люцифер», и улыбка Левиафана чуть померкла: он знал, что этот звонок вряд ли принесёт что-то простое и лёгкое.

— Да, — ответил Левиафан, стараясь сохранить ровный тон. — Рад слышать тебя. Да, она у нас, — он невольно бросил взгляд на Таю, которая в этот момент что-то оживлённо объясняла Денисе, размахивая руками.

Он вышел чуть вперёд, подальше от шума и суеты, и посмотрел вверх — туда, где небо встречалось с верхушками древних деревьев, окрашенными в багряные тона заката. Глубоко вдохнул, пытаясь собраться с мыслями перед тем, что последует дальше.

— Я не спрашивал... — начал он тихо, почти шёпотом, будто опасаясь, что его услышат. — Не знаю. Сегодня точно нет. У нас будет... — он запнулся, подбирая слова, — особый вечер, семейный. Ничего официального. Хорошо, Люцифер, я тебе скажу, как только что-то прояснится.

В трубке повисла короткая пауза, после которой донёсся знакомый ироничный голос. Левиафан слегка поморщился, сжимая телефон чуть крепче, но тут же заставил себя расслабить пальцы.

Когда разговор завершился, он ещё несколько мгновений стоял неподвижно, глядя вдаль. Затем тряхнул головой, стряхивая остатки напряжённости, и вновь обернулся к площадке. Тая как раз повернулась в его сторону и помахала рукой — её лицо светилось такой неподдельной радостью, что все тревоги мгновенно отступили на задний план. Левиафан улыбнулся в ответ, и на душе у него сразу стало легче.

Девушки мирно болтали, следя за турниром. Одна из них время от времени поправляла на плечах блузку, другая жестикულიровала, увлечённо комментируя происходящее на трассе. В их голосах звучали нотки восхищения и азарта, а улыбки то и дело озаряли лица.

Левиафан, стоявший чуть поодаль, наконец расслабился. Он слегка откинулся назад, опершись на ствол дерева, и позволил себе едва заметную улыбку. Плечи, до этого напряжённо сведённые, опустились, а взгляд, прежде сосредоточенный и строгий, стал мягче. Он с удовольствием впитывал атмосферу праздника: смех детей, оживлённые разговоры зрителей, ритмичный топот бегущих участников.

Первой пришла Эрин: обогнала соперниц перед самым финишем, появившись из ниоткуда, словно по мановению волшебной палочки. Никто так и не понял, как ей это удалось. Она вырвалась вперёд в последний момент — лёгкая, стремительная, с развевающимися волосами и горящими глазами. Её силуэт на мгновение замер у финишной черты, а затем она вскинула руки вверх в победном жесте. Толпа взорвалась аплодисментами и восторженными криками.

Лири отстала от неё на доли секунды. Она пересекла финишную линию, тяжело дыша, но с улыбкой на лице. На мгновение она закрыла глаза, восстанавливая дыхание, а потом огляделась в поисках Эрин, чтобы обнять её и поздравить.

Дарена ждали очень долго из-за его размеренности. Он шёл своим неспешным, почти медитативным шагом, не поддаваясь всеобщему ажиотажу. На поиски парня отправляли мальчиков-подростков — те бегали туда-сюда, заглядывали за деревья, спрашивали у прохожих. Наконец, он появился: спокойный, невозмутимый, с лёгкой улыбкой на губах. Его появление вызвало волну смеха и одобрительных возгласов — все уже привыкли к его особой манере.

После награждения победителей и участников, когда медали сверкали на груди Эрин и Лиры, а Дарен скромно принимал поздравления, площадь взорвалась ликованием.

— Дениса, — нетерпеливо потащила её Тая, её глаза горели возбуждением, а щёки покраснели от волнения. — Идём вниз!

— Что происходит, Тая? — упёрлась та, недоумённо хмуря брови и пытаясь высвободить руку. — Может, объяснишь мне?

— Воины вернулись! — восторженно зашебетала девушка, подпрыгивая на месте. — Идём, сейчас будут танцы и продолжение праздника! Слышишь, музыка уже играет?

— А воинам больше заняться нечем? — ворчала Дениса, но её голос звучал несерьёзно, а в уголках губ пряталась улыбка. — Только танцы танцевать?

— Воины вернулись домой, — щебетала Тая, увлекая девушку за собой с такой силой, что той пришлось почти бежать. — Их семьи давно ждут их — посмотри, сколько людей на площади!

Дениса неохотно спускалась следом, невольно засматриваясь на яркие флаги, развевающиеся над площадью, и на радостные лица горожан.

— Я поняла, — произнесла она, и в её голосе прозвучало искреннее восхищение. — На самом деле весь праздник посвящён их возвращению.

Тая немножко прошла вперёд, но слова подруги заставили её резко остановиться. Она обернулась, её глаза заблестели от слёз радости.

— Да, — быстро ответила она, повернулась, легко поднялась по ступенькам к госте и схватила её за локоть с горячностью. — Идём, идём! Ты права: мы ждали их возвращения, поэтому совместили два праздника вместе. Это будет незабываемо!

Дениса посмотрела перед собой — на площадь. Воины, которых все так ждали, были группой Дениза. Они стояли плотной шеренгой — высокие, усталые, но с улыбками на лицах, в потрёпанных доспехах, украшенных цветами, которые им уже успели вручить восторженные горожане.

— Дениз! — удивлённо воскликнула девушка, вцепившись в перила лестницы так сильно, что побелели костяшки пальцев. Её сердце забилось чаще, а дыхание перехватило.

— Да, Дениз, — кивнула Тая с сияющей улыбкой. — Дениз вернулся сам и ребят привёл. Идём, идём же! Ты должна его увидеть поближе!

Тая опять схватила гостью за руку и демонстративно потащила за собой, её юбка развевалась на ходу, а смех звенел, как колокольчик.

Девушке ничего не оставалось, как следовать за ней, невольно заражаясь её восторгом.

— Тая, малыш, — направился к ней Остенах, как только они оказались на земле. Его суровое лицо озарилось тёплой улыбкой, а глаза засветились нежностью. — Рад видеть тебя, сестрёнка.

— Сестрёнка? — удивлённо открыла рот Рада, переводя взгляд с Таи на Остенаха и обратно. В её глазах читалось искреннее изумление.

— Сто лет тебя не видел, — продолжал Остенах, его голос смягчился. — Повзрослела, похорошела, — он ласково потрепал её за щёки, как маленькую девочку, и добродушно усмехнулся.

— Ты тоже ничуть не изменился, — обняла его Тая, чуть смутившись, но её глаза сияли от счастья. — Всё такой же суровый и неприступный снаружи, но добрый внутри.

На лице парня заиграла искренняя улыбка, и на мгновение его обычно жёсткие черты смягчились.

— Рада, — кивнул он девушке, и в его взгляде промелькнуло что-то вроде одобрения.

Дениса молча ответила на кивок, но в глубине души почувствовала странное волнение — атмосфера всеобщего ликования и долгожданных встреч захватывала и её.

Начались праздничные гуляния.

Дети играли в «ловлю звёзд» — бегали с сачками, пытаясь поймать мерцающие шары, которые парили над землёй; самые ловкие получали приз — конфету, которая тает во рту, оставляя вкус всех сезонов сразу.

Взрослые водили хоровод вокруг фонаря, напевая древние песни о дружбе и мудрости; мелодии сопровождалась игрой на ветровых арфах — инструментах, которые звучат, когда сквозь них проходит ветер.

Юные нифелимы показывали фокусы со светом — создавали маленькие светящиеся сферы и заставляли их танцевать в воздухе; самые талантливые собирали из сфер целые картины: плывущие облака, порхающих бабочек, танцующих нифелимов.

На длинных столах появились угощения, пироги с ягодами звёздного винограда, лепёшки с лунной росой и конфеты, меняющие вкус в зависимости от чистоты помыслов того, кто их ест. и каждый мог попробовать блюда, приготовленные соседями; рядом с каждым блюдом стояла табличка с именем повара и коротким пожеланием.

Старики рассказывали истории у костра, вспоминая прошлые праздники: как однажды фонарь зажёгся сам, предвещая богатый урожай, или как дети случайно создали светящуюся радугу над деревней.

Пары нифелимов танцевали под музыку, которая рождалась из сочетания арф, хрустальных колокольчиков и пения редких птиц, прилетающих на праздник из дальних лесов.

Юные воины впервые получили право попробовать «Звёздный мёд» — напиток, который пьют только воины (на самом деле это был душистый чай с мёдом и пылью солнечных цветов).

Опытные воины рассказывали истории о подвигах предков, о том, как нифелимы спасали путников, заблудившихся в горах, и защищали долину от тёмных сил.

Они неторопливо ходили между богато уставленными столами, с любопытством пробуя сладости: нежную халву с лёгким ореховым ароматом, воздушную похвалу, тающую на языке, и хрустящие орешки в золотистом мёде, которые все почему-то называли «чок-чок». Воздух был пропитан сладкими запахами корицы, мёда и свежее выпеченного теста, а вокруг царил весёлый гул голосов, перемежаемый смехом и восторженными возгласами.

— Хочешь попробовать сделать сама похвалу? — с горящими глазами потащила её Тая, едва сдерживая восторг.

Её голос звучал так, будто она предлагала не кулинарный эксперимент, а настоящее приключение.

— Перестань, — начала нерешительно пререкаться Дениса, неловко переминаясь с ноги на ногу. — Я не очень-то умею готовить...

— Вот и научишься! — широко улыбнулась Тая, не выпуская руки гостьи.

В её глазах плясали озорные искорки, а на щеках появились милые ямочки.

— Кстати, — с лукавой улыбкой продолжала девушка, чуть понизив голос, — Люцифер очень любит похвалу. Он однажды съел целую тарелку за раз — и даже не поморщился!

— Тая, перестань, — простонала Дениса в буквальном смысле слова, закатывая глаза, но уголки её губ невольно дрогнули в улыбке.

Они подошли к соседнему столу, на котором девушки-мастерицы ловко раскатывали тесто и готовили густой медовый сироп, отливавший янтарным блеском.

Мастерицы были одеты в яркие, расшитые узорами фартуки поверх длинных платьев — одна в алом с золотыми нитями, другая в изумрудно-зелёном с серебряной вышивкой. Их волосы, собранные в аккуратные косы, украшали тонкие ленты в тон нарядам. Движения женщин были плавными и уверенными: одна ловко раскатывала тесто скалкой, её руки двигались с отточенной точностью, другая аккуратно разливала медовый сироп по формам, время от времени смахивая со лба выбившуюся прядь.

Над кастрюлькой поднимался ароматный пар, а руки мастериц двигались с отточенной грацией — то подхватывая скалку, то аккуратно раскладывая начинку. От них веяло спокойствием и опытом: каждая морщинка у глаз, каждый внимательный взгляд, брошенный на выпечку, говорили о многолетних традициях и любви к своему делу. Одна из них, постарше, с добрыми морщинками у глаз, время от времени тихонько напевала старинную песенку, а вторая, помоложе, с озорной улыбкой подмигивала подругам, ловко формируя из теста изящные завитки.

— Обожаю сладости! — восторженно выдохнула Тая, широко распахнув глаза и жадно разглядывая угощения.

Дениса не смогла сдержать ответной улыбки, глядя на неподдельное восхищение подруги.

— Вкусняшки! — блаженно вздыхала Тая, прикрывая глаза от удовольствия после каждого кусочка.

Мастерицы обратили на них внимание. Да на них и нельзя было не обратить внимания: восторженные вздохи и громкие ахи Таи, её сияющее лицо и жесты, полные неподдельного восторга, не остались без ответа. Старшая мастерица мягко улыбнулась, её глаза потеплели, а младшая тихонько хихикнула, прикрыв рот рукой.

Нефилимки, переглянувшись и улыбнувшись, жестом позвали девушек к себе. В их глазах читалась добрая насмешка и искренняя симпатия.

Тая ещё не успела подойти, а уже нетерпеливо протянула руку к готовому лакомству на подносе — румяному ромбу с золотистой корочкой и капелькой мёда на краю.

Не дожидаясь приглашения, она ловко взяла второй такой же и с заговорщической улыбкой протянула напарнице.

Дениса растерянно приняла угощение, на мгновение замявшись. Смущённо поправив прядь волос, упавшую на лицо, она осторожно попробовала лакомство. Глаза её удивлённо расширились, а на губах появилась первая искренняя улыбка.

— Мм, — протянула она, прикрыв на миг глаза и наслаждаясь вкусом, — божественно!

— Ну вот, — с торжествующим восхищением произнесла Тая, победно вскинув подбородок, — я же говорила: вкусняшка!

И она звонко рассмеялась, заражая своим весельем всех вокруг.

Старшая мастерица одобрительно кивнула, а младшая подмигнула девушкам и предложила:

— Хотите, научим вас секреты приготовления похвалы? Это совсем несложно, когда знаешь маленькие хитрости!

— Можете приготовить начинку? — с воодушевлением предложила одна из девушек, её глаза блестели от предвкушения, а на щеках появился лёгкий румянец.

— Да, — уверенно кивнула Тая, взмахнув волосами, — мы попробуем!

— Орехи измельчите (не в пыль, а так, чтобы оставались небольшие кусочки), — поставила она перед ними старинную медную ступку, отполированную годами использования — она мягко поблескивала в свете кухонной лампы.

Рядом лёг деревянный молоток с потёртой ручкой, на которой виднелись следы от времени и работы.

— Затем добавьте сахар и корицу, перемешайте.

Девушки с азартом взялись за дело. Сначала получалось не очень — орехи то и дело выскакивали из ступки, катились по столу, вызывая взрыв смеха. Они шутили друг над другом:

— Смотри, у тебя половина орехов уже на полу!

— Зато у меня самый оригинальный узор из крошек!

Соревновались, кто сделает более ровную крошку, и время от времени пробовали получившуюся смесь, причмокивая от удовольствия и закатывая глаза:

— Ммм, как вкусно!

— Ещё чуть-чуть корицы — и будет идеально!

Наконец их порция орехов была готова — ароматная, с тёплым коричневым запахом, который заполнил всё пространство вокруг.

— Если хотите, можно комбинировать грецкие орехи с фисташками, миндалём или кешью, — с улыбкой подсказали мастерицы, показывая разноцветные орехи, разложенные на

большом керамическом блюде с восточным узором: зелёные фисташки, бежевые миндальные лепестки, коричневые кешью.

Дениса только облизнулась в ответ, не в силах оторвать взгляд от аппетитных кусочков. Она представила, как все эти вкусы смешаются в готовой пахлаве, и невольно сглотнула слюну, чем вызвала добрую улыбку на лицах присутствующих.

Теперь пришла очередь теста. Охлаждённое тесто, гладкое и упругое, разделили на 6–8 частей. Каждая часть, словно мягкий комочек счастья, легко поддавалась рукам, пружинила под пальцами и приятно холодила ладони. Девушки раскатали их в тонкие пласты, которые почти просвечивали на свету, открывая едва заметную слоистую структуру.

— Чтобы пахлава была особенно хрустящей, раскатывайте слои максимально тонко, — мягко добавила мастерица, показывая, как правильно держать скалку: одной рукой за ручку, другой слегка поддерживая середину. — Чувствуйте тесто, оно само подскажет, когда будет готово.

Дениса кивнула, сосредоточенно хмурия брови. Она внимательно наблюдала за мастерицами, ловила каждое движение, старалась повторять всё так, как ей говорили. Её движения были осторожными, немного неуверенными — скалка то и дело прилипала к тесту, приходилось аккуратно отделять её, смачивая водой.

В отличие от неё Тая управлялась со скалкой с удивительной ловкостью — её руки двигались плавно и уверенно, будто она делала это всю жизнь. Тесто под её руками становилось тонким, как папиросная бумага, без единого разрыва.

— Уложите один лист на дно формы, смазанной маслом, — помогала одна из девушек, аккуратно расправляя края теста, чтобы оно идеально легло по всему периметру. — Посыпьте ореховой начинкой. Вот так. Повторяйте слои, пока не используете всё тесто и начинку. Верхний слой можно просто смазать маслом, без посыпки.

Аромат корицы и орехов наполнил кухню, смешиваясь с тонким запахом сливочного масла и свежей муки. Он окутывал, манил, заставлял желудок приятно сжиматься в предвкушении.

— А теперь берём нож, — торжественно объявила мастерица, доставая из ящика длинный нож с блестящим лезвием, которое отражало свет лампы. — Острым ножом нарезаем заготовку на ромбики или квадраты.

Она протянула нож Денисе — блестящий, с удобной деревянной ручкой, отполированной до гладкости.

— Попробуешь? — улыбнулась мастерица, ободряюще подмигивая.

— Да, — кивнула Дениса, с волнением беря нож.

Её пальцы слегка дрожали, но она старалась не показывать своего волнения.

Нож действительно был очень острым. Тесто поддалось легко, даже с приятным хрустящим звуком, и ровные ромбики быстро появились на поверхности заготовки.

— Совет бывалой, — кивнула мастерица, подмигивая, — обязательно делайте нарезку до выпекания — так десерт получится аккуратным и красивым. Когда будете заливать сиропом, он проникнет в каждый разрез, и каждый кусочек пропитается одинаково.

— В центр каждого ромбика или треугольника положим кусочек ореха, — продолжила мастерица, выкладывая целые грецкие орехи на тарелку.

Они были тёмными, с замысловатыми извивами на скорлупе. Дениса словно ждала этого момента. Её глаза загорелись, а руки сами потянулись к целым орехам. Пару из них она не удержалась и отправила в рот, тихо хихикнув:

— Просто для вдохновения!

— Духовка наша разогрелась, — объявила мастерица, приоткрывая дверцу. Из духовки повеяло тёплым, манящим жаром, который окутал лица девушек, словно мягкое одеяло. — Теперь выпекаем около 35–40 минут — пахлава должна подрумяниться и стать хрустящей.

Через некоторое время по кухне поплыл волшебный аромат: сладкий, медовый, с нотками орехов и корицы. Он становился всё сильнее, заполнял каждый уголок, проникал в каждую щель. Все невольно потянулись носом в сторону духовки, улыбаясь друг другу. Кто-то мечтательно вздохнул:

— Как будто детство вернулось...

— Так, у нас есть готовая выпечка! — радостно объявила мастерица, осторожно доставая золотистый, румяный десерт. Его поверхность блестела от масла, края слегка подрумянились, а слои чётко проступали сквозь сироп. — Сейчас смешаем мёд, сахар и воду, доведём до кипения и будем варить 2–3 минуты. Затем пахлаву из духовки сразу зальём горячим сиропом.

Они приготовили сироп — он получился янтарным, густым, с лёгким медовым блеском. Мастерица аккуратно поливала им пахлаву, и блестящая сладкая жидкость медленно стекала по слоям, пропитывая их и делая ещё более аппетитными. По кухне разнёсся новый аромат — ещё более насыщенный, глубокий, праздничный.

— И можно попробовать? — не выдержала Дениса, её глаза горели нетерпением, а пальцы непроизвольно теребили край фартука.

Она сглотнула, глядя на пахлаву так, будто это было самое драгоценное сокровище на свете.

— Нет, — рассмеялась мастерица, ласково погладив её по плечу. — Дадим настояться. Оставим минимум на 3–4 часа, а лучше — на ночь. Терпение — важная часть волшебства приготовления! Зато завтра утром вас ждёт настоящий праздник вкуса.

Готовую пахлаву, уже пропитанную сиропом и ставшую ещё более ароматной, аккуратно разложили в герметичные контейнеры из толстого стекла с деревянными крышками.

— Она не потеряет вкус в течение недели, — пояснила мастерица, вручая девушкам гостинец с тёплой улыбкой. Она поправила салфетку, украшающую каждый контейнер, и добавила: — Пусть этот кусочек восточного волшебства радует вас каждый день!

Ближе к вечеру, когда небо окрасилось в фиолетовые и золотые тона, началась “Церемония Первого Дозора”. Новые воины поднялись на смотровую башню — самое высокое место в деревне. С неё открывался вид на всю долину и далёкие звёзды.

Каждый из семерых произнёс короткую молитву, обращаясь к звёздам:

«Я готов нести службу. Я буду бдительным, справедливым и добрым. Пусть свет звёзд ведёт меня, а сердце остаётся чистым».

В этот момент над долиной пролетела стая серебристых птиц — вестников небес. Они сделали круг над башней и рассыпались искрами, которые опустились на плечи новых воинов, оставив на плащах мерцающие узоры — знаки благословения.

Ближе к ночи, когда небо усыпали настоящие звёзды, нифелимы собрались у костра. Каждый по очереди подходил к Великому Фонарю и шептал своё желание. Никто не просил богатства или власти — желания были простыми и добрыми: «Пусть в следующем году у всех будет достаточно еды», «Пусть никто не останется в одиночестве», «Пусть наша деревня всегда будет местом, где царит радость», «Пусть дети растут здоровыми и любознательными», «Пусть наши сердца никогда не очерствеют».

Праздник завершился запуском “Звёздных Фонариков”. Каждый житель деревни сделал свой фонарик, на котором написал пожелание новому воину. Воздух наполнился предвкушением: люди собирались вокруг подготовленной площадки, дети с любопытством разглядывали разноцветные фонарики, взрослые переговаривались вполголоса.

— А теперь все-все, — послышался звонкий голос учителей, разносящийся над площадью и перекрывающий детский гомон. — Наши маленькие участники, минуточку внимания! Все, кто делал фонарики, идите со своим творением сюда.

Когда фонарики были готовы, дети с восторгом расправляли купола, взмахивая ими, как веерами, чтобы наполнить воздухом. Их глаза горели азартом, а на лицах сияли улыбки

— каждый с гордостью разглядывал своё творение, представляя, как оно взлетит в небо. Кто-то бережно поглаживал разноцветные бока фонарика, украшенные причудливыми узорами, кто-то тихонько шептал ему что-то на ухо, словно давал напутствие перед полётом.

— Наступает минута тишины, — почти шёпотом произнесла Тая, её глаза сияли в предвкушении, а голос звучал торжественно, словно она делилась сокровенной тайной.

Она подняла взгляд к небу.

— Минута тишины? — не поняла Дениса, удивлённо приподняв брови и слегка наклонив голову. — Что это значит?

— Сейчас будут запускать фонарики, — засуетилась Тая, нетерпеливо переступая с ноги на ногу. Она схватила подругу за руку, её пальцы слегка дрожали от возбуждения. — Идём, присоединимся к ним! Смотри, все уже собираются у края террасы!

— Да, но я... — растерялась девушка, опустив взгляд и нервно теребя край платья. — Не сделала фонарик.

— Да я в курсе: ты проспала в удобном кресле на террасе, на солнышке, — лицо Таи расплылось в милой детской улыбке, а в глазах заплясали озорные искорки. Она тихонько хихикнула, прикрыв рот ладонью. — Ничего страшного, что пропустила подготовку — главное, что ты здесь сейчас!

— Вот-вот... — смутилась Дениса, чувствуя, как щёки заливают лёгкий румянец.

Она неловко улыбнулась, пытаясь скрыть своё замешательство.

— Ничего страшного, — непринуждённо махнула рукой нефилимка, её серебряные браслеты мелодично звякнули. — Я сама засыпаю в кресле Левиафана — очень удобное. Однажды проспала так целых три часа, и никто меня не разбудил! — она весело рассмеялась, и её смех прозвучал, как перезвон маленьких колокольчиков.

— Ну вот и я... — начала было Дениса.

Она не договорила: к ним подбежали двое девочек-подростков, покрасневших от бега и запыхавшихся. Их глаза горели восторгом, а в руках они бережно держали два небольших фонарика — один нежно-голубого цвета, другой — тёплого янтарного оттенка. Девочки, хихикая, протянули фонарики девушкам.

— Я попросила сделать для нас персональные, — тихо прошептала Тая, заговорщически подмигнув подруге.

В её голосе звучала гордость за свою маленькую хитрость.

Дениса приняла этот дар, мило улыбнувшись. Она осторожно коснулась шёлковой ткани фонарика, ощутив его лёгкость и теплоту. На мгновение задержала дыхание, глядя, как первые звёзды начинают мерцать на темнеющем небе. В груди разливалась волна благодарности к Тае — за заботу, за этот неожиданный подарок и за то, что подруга всегда находит способ включить её в самое сердце праздника.

Группа переместилась на открытое пространство, подальше от деревьев и зданий — на просторную лужайку, усыпанную мягкой вечерней росой. Учителя ещё раз напомнили правила безопасности, внимательно оглядывая ребят: кто-то кивал серьёзно, сжимая фонарик обеими руками, кто-то нетерпеливо переминался с ноги на ногу, едва сдерживая волнение, а самые маленькие то и дело подскакивали на месте, не в силах устоять спокойно.

— Зажигаем горелку, — командовал учитель, аккуратно поднося пламя к отверстию внизу фонарика. Огонь мягко затрепетал, освещая сосредоточенное лицо взрослого и восторженные лица детей вокруг. — Держим фонарик, пока воздух внутри не нагреется.

— Он тянет вверх! — восхищённо прошептала Аня, широко раскрыв глаза.

Её пальцы слегка дрожали от волнения, а дыхание участилось. Она чувствовала, как фонарик едва заметно подрагивает в руках, словно живой, готовый вот-вот взмыть в небо.

— Теперь отпускаем. Раз, два, три! — скомандовала Рада, и её голос прозвучал звонко и уверенно, перекрывая общий гул.

— Полетит, фонарик! — хором воскликнули дети, и в их голосах слились восторг, надежда и детская непосредственность.

В этот момент все — и малыши, и чуть постарше — были одинаково захвачены волшебством момента. Под крики «Ура!» и громкие овации сотни маленьких огоньков поднялись в небо, сливаясь с созвездиями, и на мгновение показалось, что граница между землёй и космосом исчезла. Фонарики были сделаны из тончайшей бумаги, пропитанной соком светящихся растений, и каждый украшен рисунком, нарисованным рукой того, кто его запускал: кто-то изобразил семью, кто-то — любимого питомца, кто-то — мечту о путешествии к далёким звёздам. Фонарики взмыли в небо, образуя созвездие, напоминающее Звёздный Щит.

Дети заворожённо следили за ними, хлопали в ладоши и смеялись от радости. Кто-то подпрыгивал на месте, кто-то тянул руку вверх, будто пытаясь дотронуться до улетающего фонарика, а кто-то просто стоял, замерев с открытым ртом, — настолько прекрасным было это зрелище.

Рядом стоял Малыш с фонариком в руках. Фонарик был крошечный, нежно-голубого цвета, с узором в виде звёзд, и мягко мерцал в его маленьких ладошках, отбрасывая причудливые тени на землю.

— Малыш, ты совсем один? — наклонилась к нему девушка, её голос прозвучал особенно нежно, а в глазах отразилось искреннее участие.

Она осторожно присела на корточки, чтобы оказаться с мальчиком на одном уровне.

— Да, — тихо ответил он, опустив взгляд и переминаясь с ноги на ногу.

В его больших глазах читалась лёгкая грусть, но он старался держаться храбро.

— А где твоя мама? — Дениса осмотрелась по сторонам, её брови слегка нахмурились от беспокойства.

Вокруг царил праздничная суета: люди смеялись, звенела музыка, а в небе уже начинали мерцать первые фонарики.

— Хочешь фонарик? — спросил он, шепелявя, и робко протянул ей свой.

Его щёки чуть порозовели, а пальцы слегка дрожали от волнения.

— Хочу, — пожала плечами Дениса, невольно улыбнувшись. — Только я не сделала себе фонарик.

— Я поделюсь с тобой, — мальчик потянулся к девушке, его глаза засветились искренней радостью, словно он совершил самый важный поступок в жизни.

— Дениса! — раздался голос Дениза, глубокий и знакомый.

Девушка облегчённо вздохнула: он подоспел вовремя. На мгновение её плечи расслабились, а на губах появилась благодарная улыбка.

Дениз подошёл вплотную, положил широкую ладонь ей на голову, чуть наклонил к себе и поцеловал в лоб. Дениса растерялась — её глаза расширились, а щёки слегка порозовели.

— Папа, — к её удивлению, произнёс малыш, широко улыбнувшись и протянув руки к мужчине.

— Папа? — удивилась она, наблюдая, как Дениз ловко взял ребёнка на руки.

В её взгляде смешались изумление и теплота.

— Да, — кивнул он, прижимая малыша к себе. — Мой.

Он задержал взгляд на лице девушки, и в его глазах промелькнуло что-то тёплое, почти ностальгическое.

— Вот ты и познакомилась с моей семьёй, — шутливо сказал он, слегка подмигнув. — С семьёй своей «левой производной».

— Перестань, — шикнула на него Дениса, но уголки её губ дрогнули в улыбке. — Я никогда не считала тебя «левой производной». Ты мой брат.

— От которого ты так и норовишь сбежать, — улыбнулся Дениз, и в этой улыбке читалась давняя, добрая шутка, знакомая только им двоим.

— Отпускаем? — обратился он к малышу, слегка покачивая его на руках.

— Отпускаем, — кивнул тот, его глаза горели восторгом, а лицо светилось предвкушением чуда.

— А ты желание загадал?

— Да, — кивнул мальчик, его голос звучал серьёзно, по-взрослому. — Загадал.

— Точно желание загадал? — с лёгкой насмешкой спросил Дениз, приподняв бровь.

— Да, — ещё раз кивнул малыш, грызя палец и глядя на взрослого с абсолютной уверенностью.

— А ты? — обратился к сестре, его взгляд стал мягче, почти умоляющим.

— Так я же... — растерялась она, опустив глаза. — Не делала фонарик.

— Ну, я видел, вы запускали с Таей, — проворчал юноша, но в его голосе не было настоящего недовольства, лишь лёгкая игривость.

— Да, так получилось...

— Ну так загадывай, — улыбнулся он, и его лицо озарилось такой искренней добротой, что у Денисы защемило сердце. — Значит, судьба даёт тебе шанс загадать дважды.

Дениз сделал небольшую паузу, переводя взгляд с сестры на ребёнка. В воздухе повисла особая, волшебная тишина — казалось, весь мир замер в ожидании.

— Загадали? — настойчиво спросил он, также смотря то на одного, то на другого. Его голос звучал мягко, но требовательно. — Загадали?

— Да, — кивнула девушка, её глаза заблестели от эмоций. — Я загадала.

— И я тоже, папа, — прошепелявил малыш, его лицо сияло счастьем.

— Отлично, запускаем! — Дениз отпустил фонарик, и тот, подхваченный лёгким ветерком, плавно взмыл в небо, догоняя своих мерцающих собратьев.

Голубая звёздочка затерялась среди множества огней, унося с собой детские и взрослые мечты.

Фонарики поднимались всё выше, превращаясь в россыпь тёплых огоньков на фоне темнеющего неба. Вечернее небо, окрашенное в нежные оттенки розового и фиолетового, принимало эти маленькие светящиеся шары, словно дарило им путь к мечте. Лёгкий ветерок подхватывал их, направляя ввысь, а дети, задрав головы, следили за полётом, и в каждом взгляде читалось что-то большее, чем просто радость: в этот миг они верили, что их мечты тоже могут взлететь так же высоко.

Один особенно яркий фонарик, украшенный золотыми звёздами, поднялся выше остальных и замер на мгновение, будто прощаясь, прежде чем продолжить свой путь к горизонту. Дети ахнули от восхищения, а кто-то даже захлопал в ладоши ещё громче, словно подбадривая его.

— Смотрите, он самый высокий! — тихо сказал мальчуган в полосатой рубашке, тыча пальцем в небо.

— Это потому что я загадал самое хорошее желание! — гордо ответил его сосед, светясь от счастья.

Тихий смех, возгласы, шёпот восхищения наполнили воздух — праздник оживал в каждом сердце, а волшебные фонарики уносили в небо детские мечты, даря всем вокруг ощущение чуда.

— Где твоя жена, Дениз? — засуетилась Дениса, беспокойно оглядываясь по сторонам, её взгляд метался между группами людей, словно она надеялась увидеть Марею среди них. — Где Марея?

Дениз молчал. Он смущённо опустил голову, тени легли на его лицо, подчёркивая усталость в чертах. Крепко прижал к себе мальчика и, закрыв глаза, крепко поцеловал его в макушку — будто этот жест давал ему силы.

По взгляду брата, его напряжённым движениям и по едва уловимой дрожи в ауре его энергии Дениса поняла, что он что-то скрывает от неё. Вся его сущность словно замкнулась, отстранилась, не хотела делиться болью.

— Что-то не так, Дениз? — не унималась девушка, делая шаг ближе и осторожно кладя руку ему на плечо. — Она всегда порхала вокруг тебя, как бабочка...

— Она ушла, — выдавил сквозь зубы он, и его голос прозвучал глухо, словно из-под толщи воды. — Её больше нет... рядом.

— А куда ушла? Надолго ушла? Когда вернётся? — посыпались вопросы от Денисы, её голос дрожал от тревоги, а пальцы невольно сжались на рукаве брата.

Поймав серьёзный, почти мрачный взгляд Дениза, девушка осеклась на полуслове, и её рука невольно отпрянула.

— Подожди, — спохватилась она, широко раскрыв глаза. — Что значит «ушла»? Она... — Дениса замолчала, боясь произнести то самое страшное слово, предполагая худшее.

В горле встал ком, а сердце болезненно сжалось.

— Нет, — быстро отреагировал Дениз, заметив её страх. — Она в этом мире. Жива.

Дениса облегчённо вздохнула, и плечи её опустились, словно с них сняли невидимую тяжесть. Но тут же настороженно замерла, ожидая продолжения.

— Но она не с нами, — договорил юноша, наблюдая за реакцией сестры.

Его голос звучал ровно, но в глазах читалась глубокая печаль.

— Не с вами? — растерялась Дениса ещё больше, её брови сошлись на переносице, а взгляд стал растерянным. — Я не понимаю, объясни.

— Она ушла, когда узнала, что я трансформер, — пошутил он с кислой улыбкой, но в ней не было ни капли веселья.

Уголки его губ дрогнули, будто он пытался изобразить беззаботность, но маска тут же треснула. Посмотрев на собеседницу, Дениз сделал паузу. Девушка нахмурилась, слегка приподняв бровь, и в её глазах мелькнуло недоверие.

— Как это? — только и смогла выдавить она, её голос прозвучал тише, чем раньше. — А разве она не знала о том, что ты способен менять форму, как Левиафан?

— Нет, — кивнул он, опустив взгляд. — До этого — нет. Моя трансформация проявилась после твоей смерти, скажем так.

Он поднял глаза и посмотрел девушке прямо в глаза — в его взгляде читалась боль, которую он долго скрывал.

— Когда пришла весть о твоей гибели и гибели Михаила, меня захлестнул такой поток энергии... — он сделал паузу, словно заново переживая тот момент. — Я сам от себя такого не ожидал. Вот тогда-то всё и случилось впервые. Сила вырвалась наружу, и я впервые обернулся драконом прямо посреди площади. Люди кричали, кто-то бежал, кто-то застыл в ужасе...

— Да, но... — Дениса перевела взгляд на Остенаха и Денгиза, которые стояли неподалёку.

Все стояли в окружении своих жён и детей. Остенах смеялся, обнимая жену и подбрасывая на руках малыша, а Денгиз ласково гладил по голове свою дочь, что-то шептал ей на ухо — и та радостно смеялась. Вокруг них царили тепло, любовь и уют — полная противоположность тому, что сейчас испытывал Дениз.

Дениса снова посмотрела на брата. В его глазах она увидела одиночество, которое он так старательно прятал за шутками и бравадой. И сердце её сжалось от боли за него.

— Там другая история, — вздохнул Дениз, наблюдая за братьями.

Его взгляд задержался на Остенахе, который весело кружил в танце свою жену, а затем переместился на Денгиза, ласково поправлявшего локон волос на лбу дочери. В глазах Дениза мелькнула тоска — он словно сравнивал их счастье со своей болью.

— Насколько другая? — тихо спросила Дениса, осторожно коснувшись рукава брата.

Её голос звучал мягко, но в нём читалось настойчивое желание понять.

— Они знали с самого начала о том, что представляют собой их мужа, — произнёс Дениз, и его плечи чуть опустились, будто под тяжестью воспоминаний. — С самого первого дня. Их любовь прошла испытание правдой.

— А твоя?.. — осторожно продолжила Дениса, вглядываясь в лицо брата.

— Моя не знала, — глухо ответил он. — Увидев меня во всей красе, она испугалась.

Дениз замолчал, вспоминая тот самый первый момент, когда он стал огромным исполином — огромным драконом — и расправил крылья в лучах восходящего солнца, закрывающие весь небосвод. Перед его глазами встала картина: ослепительный свет, треск трансформирующегося тела, ужас в глазах Марей, её побелевшие пальцы, вцепившиеся в край платья...

— Я не могу её осуждать, — он посмотрел на сестру, и в его взгляде читалась смесь боли и понимания. — Я сам не знал. Да и, что греха таить, я сам в тот момент ненароком испугался: что со мною происходит, что со мной не так? Я чувствовал, как меняется каждая клеточка тела, как растёт сила, которой я не мог управлять...

— А как же... — девушка развела руками, её глаза наполнились печалью. — И в печали, и в радости, и даже смерть не разлучит нас...

— Ну вот поэтому она и ушла, — тяжело вздохнул Дениз. Его голос дрогнул на последнем слове, а пальцы непроизвольно сжались в кулак. — И в печали, и в радости... Она не смогла принять эту часть меня.

Дениса кивнула. Она поняла: Марей решила уйти, чтобы не сталкиваться с ним и с ребёнком на одной территории. В её сердце шевельнулась жалость — и к Марее, и к брату, и к малышу, который остался без матери.

— Да, но ребёнок... — осторожно протянула Дениса, её голос зазвучал ещё тише, почти шёпотом. — Как можно было уйти, оставив его? Он ещё малыш. Он ведь ни в чём не виноват...

— Но он же мой сын, — коротко ответил Дениз, и в его голосе прозвучала странная смесь гордости и горечи.

Он словно вынес себе приговор, принял его и теперь нёс эту ношу.

— Ты думаешь, ему передалось? — с тревогой спросила Дениса, её пальцы нервно теребили край платья.

— Я не думаю, — передёрнул плечами он. В его глазах мелькнуло что-то тёмное, почти обречённое. — За меня уже подумали. Мой удел — не думать.

Дениса поёжилась от его пронзительного взгляда и кривой усмешки, в которой не было ни капли веселья. Ей стало не по себе — словно брат на мгновение показал ей ту тьму, что жила в его душе.

— Так решила Марей, — он судорожно сглотнул, и на мгновение его маска невозмутимости дала трещину. — От отца к сыну. А принять двоих драконов она не смогла.

Он сделал паузу: разговор был не из приятных. Воздух между ними словно сгустился, наполнившись невысказанной болью и горечью. Дениз опустил глаза, разглядывая свои ладони, будто видел на них следы той трансформации.

— Она забрала с собой только дочь, — договорил Дениз, и его голос прозвучал совсем тихо, почти безжизненно.

— А... — Дениса развела руками, в её глазах застыл немой вопрос.

— Я не знаю, — пожал плечами он, и это движение вышло каким-то беспомощным. — Она так решила. И я не стал её останавливать.

— Почему ты не остановил её? — Дениса округлила глаза, её голос дрогнул, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Она сделала шаг вперёд, словно пытаясь найти в лице брата хоть намёк на раскаяние или сомнение.

— Дениз, ты...

Дениз замер, на мгновение задержав дыхание. Он медленно поднял взгляд — и в его глазах читалась такая глубокая, почти осязаемая боль, что у Денисы перехватило дыхание. Взгляд был потухшим, будто в нём угасла какая-то важная искра. Он посмотрел на неё взглядом, полным боли и тоски, — взглядом человека, который слишком долго нёс на плечах непосильную ношу.

— А смысл? — произнёс он тихо, почти шёпотом, и его голос прозвучал непривычно безжизненно. Уголок рта дёрнулся в горькой усмешке, но она тут же погасла. — Она сама всё решила. И... — он запнулся, сглотнул, будто слова царапали горло, — я не имел права её удерживать. Не после того, что случилось.

Он отвернулся, уставившись куда-то вдаль, за спину сестры. Плечи его чуть опустились, словно под тяжестью невидимого груза, а пальцы бессознательно теребили край рукава — единственный признак того, что внутри у него бушует буря эмоций.

Дениса почувствовала, как в груди защемило. Она хотела сказать что-то ещё — возразить, убедить, встряхнуть его за плечи, чтобы он очнулся от этого оцепенения. Но, встретившись с его опустошённым взглядом, лишь молча опустила руки. В этот момент она отчётливо поняла: брат не просто смирился — он винил в случившемся себя. И это чувство вины разъедало его изнутри.

— Хорошо, я поняла тебя, — сказала Дениса, понимая, что дальше продолжать не имеет смысла.

Она осторожно положила ладонь на руку брата, пытаясь передать ему хоть каплю своего тепла.

— Но знай: я рядом. И всегда буду рядом.

— Дениса! — послышался звонкий, полный энергии голос Таи. Она возникла словно из ниоткуда — покрасневшая, с прядями волос, выбившимися из причёски и развевающимися на ветру. — Я везде ищу тебя! Идём! — Тая порывисто потянула девушку за локоть, её глаза горели воодушевлением, а на губах играла заразительная улыбка.

Дениса медленно перевела взгляд с брата на подругу и обратно. В её глазах читалась внутренняя борьба: она разрывалась между желанием поддержать Дениза в его горе и порывом последовать за Таей в водоворот праздника. Сердце сжималось от сочувствия к брату, но в то же время где-то глубоко внутри просыпалась надежда хоть на мгновение отвлечься от тяжёлых мыслей.

Дениз смутился, слегка отвёл взгляд и неловко потёр затылок. В его позе читалась усталость, а в уголках глаз затаилась грусть — было видно, что шумное веселье сейчас совсем не для него.

— Так, ребят, — словно прочла её мысли нефилимка, и её голос зазвучал мягко, но настойчиво. — Нечего скучать! Все идут на праздник! — Тая ловко встала между ними, дружески обняла обоих за плечи и слегка подталкивала вперёд, излучая такую бурю позитива, что сопротивляться было почти невозможно.

— Тая, — воспротивился Дениз, его голос прозвучал глухо и устало. — Мне сейчас не до веселья...

— Вот и не веселись, — продолжала она задорно, запрокинув голову так, что её кулон на цепочке сверкнул в лучах заходящего солнца. — Постоишь рядом с веселящимися. Подышишь праздничным воздухом, помотришь на огни — глядишь, и на душе полегчает!

Она подмигнула ему, и в этом подмигивании было столько неподдельной доброты и заботы, что даже угрюмое выражение лица Дениза чуть смягчилось.

Ничего не оставалось, как последовать за ней. Дениса напоследок бросила на брата ободряющий взгляд, словно говоря: «Мы рядом, ты не один». Дениз чуть заметно кивнул в ответ, и троица медленно двинулась в сторону площади, откуда доносились музыка, смех и радостные возгласы празднующих. В воздухе пахло жареными сладостями, дымом костров и цветами, а

разноцветные фонарики уже начинали мерцать в наступающих сумерках, обещая волшебство этой ночи.

— Дениз, иди к нам! — голос звучал призывно, в нём слышалась неподдельная радость и азарт.

— Нет, — скрестил тот руки на груди, стараясь выглядеть твёрдым, но в глубине души чувствуя укол сожаления. — Нет, я пас.

— Иди, иди! — вытолкнул его Остенах, широко улыбаясь и подмигивая. В его глазах плясали озорные искры.

— Может, сам попробуешь? — бросил ему тот через плечо, нарочито небрежно, но в голосе проскальзывала нотка вызова.

— Нет, брат, — ответил ему Дениз, опустив взгляд. В его голосе прозвучала тихая грусть. — Тебя зовут, не меня. Я бы пошёл с радостью, да выбор не на меня пал. На тебя пал.

Дениз вышел в центр круга и прошёлся размеренным шагом вокруг своей оси. Его движения были плавными, но в них читалась внутренняя борьба — он словно пытался собраться с силами.

— Выбирай себе партнёршу, — слышались голоса.

— Достойную тебе! — в толпе раздались одобрительные возгласы и смешки.

Дениз поставил руки на бока, тяжело вздохнул и опустил голову. В груди защемило от воспоминаний.

Когда-то он был звездой танцпола со своей Мареей. Он отчётливо помнил её лучезарную улыбку, блеск глаз, когда она входила в ритм. Она всегда зажигала его танцем, в котором соединялось несколько стилей, создавая уникальный сплав — смесь страстного фламенко, плавного контемпа и резких хип-хоп-элементов.

В этот момент на него упали капли — тяжёлые и крупные капли дождя. Дениз вздрогнул, а затем вздохнул с облегчением, поднял лицо к небу и закрыл глаза. Наступает начало новой жизни. Дождь — как символ очищения его ауры. Он поможет сбросить маски, обнажить истинные чувства и обнулить все недоговорённости. Любовь редко бывает безоблачной, и за яркими моментами могут последовать трудности, как за ливнем — слякоть и холод. Но сейчас они готовы к этим испытаниям — вместе.

Сначала люди поспешили укрыться от дождя: кто-то побежал к козырькам домов, кто-то поспешил раскрыть зонты. Но постепенно они остановились, заворожённые зрелищем.

Кто-то улыбался, вспоминая свои молодые годы, кто-то удивлённо качал головой, пара подростков начала снимать на телефоны, возбуждённо переговариваясь.

Одна пожилая женщина замерла с раскрытым зонтом. Она смотрела и вытирала глаза — возможно, вспоминая свою молодость, первый танец с будущим мужем под звуки аккордеона на деревенской площади.

Остальные замерли с открытыми ртами, кто-то начал аплодировать — сначала робко, затем всё увереннее.

Теперь Дениз поднял голову и пробежался глазами по зрителям. Взгляд скользил по лицам, пока не остановился. И тут его глаза натолкнулись на безмятежное лицо сестры. В груди что-то ёкнуло — он увидел в её чертах отблеск тех времён, когда они были неразлучны.

Недолго думая, Дениз кивком пригласил её присоединиться. Его сердце забилося чаще — он надеялся, что она поймёт без слов.

Дениса округлила глаза. На её лице выразилось недоумение, брови слегка приподнялись, губы приоткрылись. Она покачала головой, словно говоря: «Ты серьёзно?»

Дениз повторил свой жест — на этот раз более настойчиво, с тёплой улыбкой, которая должна была передать всю глубину его чувств.

— Нет, — протяжно выдавила она, отводя взгляд. В её голосе звучала неуверенность. — Нет...

— Да, да! — раздались возгласы рядом. — Дениса, иди, иди, давай! — люди хлопали в ладоши, подбадривали, в толпе слышался смех и одобрительные выкрики.

Чьи-то руки вытолкнули девушку в круг.

На минуту она растерялась. Руки слегка дрожали, дыхание участилось. Она бросила короткий взгляд на брата — в нём читались и страх, и робкая надежда.

Они стояли друг напротив друга, разделённые несколькими шагами. Воздух был пропитан влагой, тяжёлые капли дождя стекали по их лицам, оставляя блестящие дорожки на коже. Свет фонарей дрожал в лужах, отбрасывая дрожащие блики на мокрый асфальт. Дениз протянул руку — медленно, осторожно, давая ей время принять решение. В этот момент весь мир словно замер, ожидая её ответа.

Дениз сделал первый шаг — медленно, почти нерешительно, словно пробуя на прочность невидимую грань между страхом и желанием. Он протянул ей руку, пальцы слегка подрагивали от волнения. Взгляд его полон невысказанной надежды — в глубине зрачков мерцал огонёк, который он так старался не дать погаснуть.

Девушка колебалась: её глаза метались между его лицом и протянутой ладонью, будто взвешивая все «за» и «против». Она закусил нижнюю губу, дыхание участилось. Секунда, другая — и она всё же вложила свою ладонь в его. Их пальцы переплелись — сначала неуверенно, будто пробуя прикосновение на ощупь, затем крепче, надёжнее, словно оба наконец нашли точку опоры в этом неустойчивом мире.

Он слегка потянул её к себе, и она сделала робкий шаг навстречу, чуть споткнувшись. В её глазах читалась смесь страха и любопытства, но Дениз ободряюще улыбнулся, и в этой улыбке было столько тепла, что девушка невольно расслабилась.

— Я не знаю этот стиль, — шепнула девушка, лежа свою ладонь ему на плечо.

Её голос дрожал, а пальцы слегка вцепились в ткань его рубашки.

— Я тоже, — улыбнулся он, и его глаза заискрились неподдельной радостью. Заметив удивление в глазах сестры, он тут же шепнул: — Слушай меня. Доверься ритму — и всё получится.

— Дениз, — начала робко она, нервно теребя край рукава, — может, стоит остановиться, пока не поздно, или сменить партнёру?

— Доверься мне, — шепнул он, мягко сжимая её руку. — Ты просто доверься мне. Я не дам тебе упасть.

— Довериться тебе? — едва слышно шепнула она, всё ещё сомневаясь.

— Верь мне, — кивнул он, глядя прямо в глаза.

В его взгляде была такая искренность, что сопротивляться стало невозможно.

— Хорошо, — согласилась Дениса и тут же тихо проворчала: — Довериться тебе, мама Мия! — но в её голосе уже звучала первая искорка азарта.

В этот момент мягко вступила музыка — лирическая электронная композиция. Нежные синтезаторные переливы словно отражали хрупкость момента и подчёркивали неуверенность, витающую в воздухе. Мелодия обволакивала, приглашала, манила за собой.

Дениз не знал, что ожидать от партнёрши. Ему ранее доводилось танцевать с сестрой только в совершенно другом стиле — там были чёткие движения, отработанные годами. Сейчас же всё казалось новым, неизведанным, пугающе-волнующим.

Движения сначала осторожные, почти детские. Они ещё не до конца доверяли друг другу, изучали партнёра. Движения сдержанные, полные неуверенности — каждый шаг давался с трудом, словно они пробирались через невидимую преграду. Короткие шаги вперёд-назад, будто они учились ходить заново. Лёгкие полуобороты — Дениз мягко развернул девушку, проверяя, готова ли она следовать за ним. Синхронные наклоны корпуса — они будто пробовали друг друга на ощупь, изучали границы доверия, строили невидимый мост между своими душами. Он чувствовал, как постепенно напряжение покидает её тело, как она начинает расслабляться

в его руках. Прикосновения становятся увереннее, объятия — крепче, движения — свободнее. Он стал чувствовать ритм друг друга, предугадывать следующий шаг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.